

Колдовские миры

КИРА ИЗМАЙЛОВА

Тайна третьей невесты

Annotation

Слушайте, все знатные девушки королевства, и не говорите потом, что не слышали! Грядет Королевское Испытание, победительница которого станет супругой его величества!

Торопитесь в замок Старой Птицы, чтобы показать себя и посмотреть на других!

Не правда ли, звучит как в сказке?

Вот только замок – совсем не сказочный, старый, неуютный, со сквозняками. И служанка одна на шестерых гостей. А уж само Испытание... кто только выдумал такие задания, какой изувер? И вообще творится что-то непонятное, правда, на это обращают внимание далеко не все... до поры до времени.

Призраки бродят ночами по коридорам замка. И он живет собственной жизнью, не очень-то считаясь с желаниями обитателей.

Впрочем, обо всем по порядку. Ведь первые гости уже спешат в замок...

- [Кира Алиевна Измайлова](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
-

Кира Алиевна Измайлова

Тайна третьей невесты

© Измайлова К.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Серая громада замка выростала перед нами с мрачной неотвратимостью. От нее веяло унынием: казалось, и без того тусклое осеннее солнце совсем померкло, едва вдали завиднелись старинные башни, тени стали длиннее, а воздух – холоднее. Над широкой аллеей смыкали кроны столетние деревья. Должно быть, здесь очень красиво весной, когда все в цвету, а летом – восхитительно прохладно, но сейчас наша карета будто бы въехала на старое-престарое кладбище, если не напрямик в древний склеп. Голые ветви тянулись к небу, словно скрюченные пальцы оживших мертвецов, угрожающе гудели под порывами ветра, царапали крышу и борта кареты – кое-где деревья наклонились совсем низко и будто старались схватить нас, не пропустить вперед...

Но, конечно же, виной всему было мое воображение. Я прекрасно понимала, что на дворе белый (вернее, серый) день, ветер и холод имеют вовсе не потустороннее происхождение – поздней осенью в этих краях почти всегда стоит такая погода... Ну а мрачная громадина впереди – не заброшенные развалины, где нас с кузинами бросят на съедение каким-нибудь чудовищам, а старый королевский замок, куда мы приглашены, как и десятки других девиц, на смотрины.

– Подумать только, почти полгода в таком унылом месте... – словно прочла мои мысли Делла, старшая кузина.

– Не страдай так, – сказала ей младшая, Лисса, – вдруг тебя отправят домой намного раньше?

Я подумала, что не стала бы переживать по этому поводу. В конце концов, знатных девушек на выданье в королевстве пруд пруди, а король один. И к тому же...

– Неужели вы думаете, что он действительно выберет одну из нас?

– Из нас – точно не выберет, – тут же ответила Лисса, самая злоязыкая из нас троих. – Родом не вышли.

– Тесса, мы прекрасно понимаем, что это просто обычай, – примирительным тоном добавила Делла. – Наверняка у него уже есть невеста, просто объявят об этом после положенных испытаний. Обычай есть обычай, даже король вынужден его соблюдать. Однако...

– Однако не забывай, – очень похоже скопировала Лисса свою матушку, – что на время этих самых испытаний в замок съедется множество молодых дворян, а потому не упusti свой шанс!

– Да кто позволит нам хоть словом перемолвиться с теми молодыми дворянами, – пробормотала я и поплотнее закуталась в плащ.

Воображение воображением, но я не чураюсь фактов, а потому постаралась побольше разузнать о том, как проходят испытания. К сожалению, о самом процессе выбора лучших из лучших, достойных стать королевой, говорилось очень мало и крайне смутно. Но о том, как содержат претенденток на руку короля, сказано было достаточно, и я говорила об этом кузинам!

– Неужели ты считаешь, что теперь все по-прежнему настолько же строго, как было в стародавние времена? – вспомнила мои слова Делла.

«Если сейчас не строго, тогда что было прежде?» – подумала я, а вслух ответила:

– Что толку гадать? Увидим...

Замок был уже совсем близко. Вскоре конские копыта застучали звонче, карета затряслась на камнях – мы въехали на просторный двор, а потом остановились.

Здесь оказалось пусто. То ли мы явились одними из первых, то ли, наоборот, припоздали, но никакой суеты не наблюдалось. На наших глазах отбыла одна карета – я не успела рассмотреть гербы на дверцах, – и только.

– Знаешь... – тихо прошептала Лисса, когда слуга помог ей выбраться из кареты. – Больше всего это похоже на тюрьму...

– Надеюсь, спать мы будем не на соломе? – фыркнула Делла, но уверенности в ее голосе поубавилось.

Пока мы ежились на ветру и озирались по сторонам, молчаливые слуги в ливреях цветов королевского дома забрали наш багаж – его было совсем немного, привезти с собой дозволялось только самое необходимое. Распорядитель с незапоминающимся лицом, похожим на лики статуй по бокам ворот, истершиеся от времени, дождя и ветров до полной неузнаваемости, пригласил нас пройти внутрь, и мы последовали за ним, невольно стараясь держаться поближе друг к другу.

Оглянувшись, я увидела, как карета исчезает за углом. Должно быть, лошадям дадут отдохнуть, а потом отправят в обратный путь. Кормить и чистить их придется на ближайшем постоялом дворе, до которого наши сопровождающие доберутся разве что к вечеру... Что поделать: его величество готов содержать кандидаток в невесты, но не их прислугу и тем более животных!

– Ваши бумаги, сударыни, – негромкий голос распорядителя отвлек меня от размышлений о том, каково будет обходиться без помощи привычных горничных и прочих слуг.

Может быть, у нас будет всего одна служанка и даже одеваться придется самим? Мы с Лиссой справимся, это точно, и Делла тоже, но будет крайне недовольна!

– Прошу, – старшая кузина первой протянула ему конверт с печатью. Мы последовали ее примеру.

Распорядитель внимательно изучил печати, затем содержимое конвертов... Время от времени он взглядывал на нас, словно сличал присланное описание с тем, что видел перед собой. А может, еще и с теми сведениями, что получил раньше.

«Какая же у него должна быть память!» – невольно поразила я. Запомнить всех прибывающих девиц и их имена, а потом держать в голове, кто это, откуда, где их разместили, какие у них причуды и капризы... Впрочем, может быть, он записывает?

Я оказалась права: распорядитель открыл пухлую книжищу примерно на середине, тщательно вписал в нее наши имена (и, по-моему, особые приметы), затем проставил на сопроводительных письмах номера и подшил в отдельную папку.

«Мы явно приехали не первыми», – подумала я, а распорядитель дернул за шнур, и на пороге явилась средних лет женщина в опрятном коричневом платье и накрахмаленном переднике цвета топленого молока.

– Прошу за мной, сударыни, – негромко произнесла она, едва обозначив поклон.

Я ей посочувствовала: кланяться каждой прибывшей – спина переломится. Неужели она в одиночку занимается гостями? Нет, быть такого не может...

– Каков грубиян, – шипела по пути Делла. – Даже не предложил дамам присесть!

– Ты не насиделась в карете? – кротко спросила Лисса и взглянула на меня в поисках поддержки, но я ничего не сказала: слишком интересно было смотреть по сторонам.

Чувствовалось, что в этом замке давно никто не живет (разве что останавливается на ночь по дороге в столицу), и только слуги поддерживают его в порядке. Они старались на славу: ни следов запустения, ни паутины по углам я не заметила, однако воздух был затхлым и сырым – если долго держать ставни закрытыми, такую громадину не проветришь и не протопишь за день-другой. Хотя ведь о смотрах стало известно почти полгода назад, так почему замок не начали готовить заранее? Кто разберет... Говорят, король знает счет деньгам, так зачем же он станет швырять их в буквальном смысле на ветер – на дрова, которые

уйдут дымом через печные трубы? Надеюсь, хотя бы в комнатах натоплено, а в коридоры выходить необязательно...

Прислуги, вопреки моим опасениям, здесь оказалось достаточно: по лестницам и коридорам сновали горничные в таких же коричневых платьях с фартуками, как у нашей проводной, а еще в темно-серых – наверно, уборщицы, я видела, как одна тащила бадью с грязной водой.

– Вот ваши покои, сударыни, – сказала женщина, и обнаружившаяся у входа служанка помоложе услужливо распахнула дверь. – Это – Ина, ваша горничная. Она объяснит вам все, а мне пора – прибыла следующая гостья.

В самом деле, можно было расслышать едва различимый серебряный перезвон.

– Добро пожаловать, сударыни, – произнесла Ина, и мы повернулись к ней. – Прошу, проходите. Ваш багаж уже доставлен, и...

– Мой сундук открыт! – возмущенно воскликнула Делла.

– Мой тоже, – увидела Лисса. – И вещи... Вещи лежат не так! Как прикажете это понимать?

– Таков порядок, сударыни, – невозмутимо ответила Ина. Она чем-то напоминала змейку: худая, гибкая, с маленькой головкой на длинной шее, гладко причесанными темными волосами, блестящими внимательными глазами. – В приглашении сказано, что гостям его величества не нужно брать с собой ничего сверх необходимого, но у знатных девушек свои понятия о необходимом, не правда ли? Если вы заметите, что каких-либо вещей недостает, то взгляните – на крышке сундука изнутри должна быть записка с перечнем изъятого и печатью господина распорядителя. Все это вернут вам при отбытии. Прошу, проверьте!

– Интересное дело! – проворчала Делла. Очевидно, не досчиталась каких-то нарядов. А ведь в приглашении действительно говорилось о том, что это не потребуется, равно как и драгоценности. – Что у вас, девочки?

– У меня... так, мелочи, – ответила Лисса, явно не желая вслух оглашать список этих мелочей. Мне с моего места виден был только листок с довольно длинным перечнем, а вот прочитать убористый почерк я не могла – в комнате оказалось темновато.

– У меня тоже, – кивнула я, даже не пытаясь перерывать сундук.

В бумажке на его крышке значилось несколько позиций: я тоже рискнула захватить немного симпатичных вещиц. Что ж, без них я вполне могу обойтись. Самое главное не тронули, и на том спасибо!

– С вашего позволения, сударыни, – произнесла Ина, удовлетворившись нашей реакцией, – я сниму с вас мерки и через некоторое время принесу одежду. Возможно, придется подогнать по

фигуре, но я сделаю это насколько возможно быстро! Отдохните пока с дороги. Вы, должно быть, голодны? Тогда я немедленно пришлю вам горячее питье и завтрак!

– Время уже к обеду, – проворчала Лисса, но смирилась.

– Да, будьте так любезны, – высокомерно произнесла Делла. – А также извольте объяснить, как вызвать вас, если вы понадобится?

– Вот шнур звонка, сударыня, – показала Ина. – Однако не сердитесь, если я задержусь: я обслуживаю еще шестерых благородных девиц, поэтому могу не сразу отозваться. Прошу, проявите терпение...

– Чувствую, нам придется очень сильно развить в себе эту добродетель, – пробормотала Делла, когда Ина испарилась. – Вот так покои для королевских невест! Интересно, что здесь располагалось прежде? Казарма?

– Скажи спасибо, что здесь тепло, – ответила неунывающая Лисса, а я внимательнее огляделась по сторонам.

Узкое окошко в торце комнаты сейчас было закрыто, но светильники горели достаточно ярко, и я смогла рассмотреть обстановку. В нашем обиталище оказалось шесть кроватей – довольно узких, безо всяких балдахин и перин, они были застланы не самым тонким льняным бельем и грубыми шерстяными одеялами, совсем новыми, насколько я могла судить.

– Это мало похоже на королевский дворец! – посетовала Лисса, сев на кровать и обнаружив, что та жестка, как доски, из которых сколочена.

– Ты ведь еще не королева, – не удержалась я, – и даже не королевская невеста. Представь, сколько бы пришлось потратить его величеству, чтобы каждую претендентку, даже захудалую, устроить со всеми удобствами!

– Так-то оно так, – рассудительно ответила Делла, – но как же обходятся с самыми знатными? Неужели тоже селят в тесную спальню на несколько человек и заставляют обходиться одной горничной на полдюжины девиц?

– Ты полагаешь, принцессы и иностранки подчиняются общим правилам?

– Сомневаюсь... – пробормотала она. – Хотя всего можно ожидать!

– И вообще, если бы мы привезли с собой побольше вещей, тут стало бы намного уютнее, – добавила Лисса, а я не стала спорить и говорить, что лишнее все равно бы изъяли.

Младшей кухне только волю дай – она захватит весь свой немаленький гардероб, а потом скажет, что он безнадежно вышел из моды за время пути, и ей срочно нужно пошить новые наряды! Я сама люблю

красивую одежду, но можно ведь и потерпеть, верно? Тем более ради такого дела...

Мы сняли теплые плащи и дорожные шляпки – здесь и впрямь было достаточно тепло.

– Интересно, а как насчет ванны? – снова озвучила мои мысли Делла. – После такой ужасной дороги нет ничего лучше...

– Разумеется, сударыня, – ответила неслышно вошедшая с ворохом одежды Ина. – Скоро все будет готово, а потом займемся примеркой.

– Что, нам придется надеть вот это? – с непередаваемым выражением произнесла Тесса, приподняв рукав платья. – Но... почему?!

– Все девушки должны быть одеты одинаково, таков обычай, сударыня, – пояснила служанка. – Не беспокойтесь, платья чистые... а некоторые вовсе не ношенные.

– Это утешает, конечно, – пробормотала Делла. – Но фасон! Этот фасон вышел из моды... о, я даже не знаю!..

– Лет четыреста назад, если не больше, – сказала Лисса, знаток истории моды. – Может, даже все пятьсот. Он ужасен. Просто ужасен. В этом я буду похожа на... на..

– Свою прапрабабушку с портрета? – подсказала я.

– Хуже!

– Вспомни, как мы нашли в сундуках старинные платья, наряжались и представляли, будто попали в далекое прошлое, – предложила я. – Было очень весело!

– Вот именно потому, что я помню, как нелепо и смешно выглядела в той кошмарной одежде, я и не хочу надевать вот это! – фыркнула она и тут же сникла. – Но придется... К слову, Ина, почему платья разных цветов?

– Потому что, сударыня, это единственное послабление в правилах, – ответила служанка, раскладывая одежду на пустых кроватях. – Фасон должен быть один, но, согласитесь, вам и госпоже Делле, с вашими темными волосами, пойдет винно-красный, но вашу кухню он уничтожит!

– Да, действительно, – согласилась Лисса, взглянув на меня. – Хоть на этом спасибо. У нее и так нет ни единого шанса, но в зеленом она хотя бы будет выглядеть более-менее приятно...

– Можно подумать, ты первая в списке его величества! – огрызнулась я, но не могла не признать, что Ина права: с рыжими волосами не очень-то смотрится красное.

Вернее, можно подобрать оттенок, но для этого нужно потрудиться. Вряд ли здешним служанкам до таких мелочей! А темный, травянисто-зеленый тон мне и в самом деле пойдет, изумрудный был бы хуже. И на том

спасибо!

Опущу, пожалуй, подробности нашего купания. Оно прошло быстро (Делла вновь осталась недовольна – она любила понежиться в горячей воде, но увы ей!), неудобно и даже, пожалуй, немного унижительно. Две крепкие служанки в сером, словно сомневаясь в нашей способности выкупаться самостоятельно, в мгновение ока отдраили каждую из нас жесткой мочалкой, как следует вымыли нам волосы, окатили напоследок из бадьи и растерли полотенцами, тоже очень жесткими, кожа после них так и горела.

А вот после так называемой ванны я оценила удобство старомодных одеяний: ни многослойных пышных юбок, ни корсетов в них не предполагалось, не нужно было тратить время на бесчисленные шнуровки, крючки и пуговицы... В таком простом наряде, под которым было всего лишь белье да тонкое нижнее платье, я чувствовала себя почти раздетой. Так и тянуло закутаться в плащ, и вовсе не от холода!

Однако я не могла не оценить идею: обычай обычаем, но ведь не помешает взглянуть на кандидатку в невесты без прикрас. Я имею в виду: без косметики, шиньонов, средств для укладки прически, а еще без всех тех ухищрений, что позволяют сделать талию тоньше, а грудь – больше и выше.

Нам с кузинами еще повезло: все мы были самого обычного сложения, не страдали ни чрезмерной полнотой, ни худобой, но я знавала женщин, утягивавших стан настолько, что едва могли дышать, не говоря уж о том, чтобы сделать хотя бы глоток воды!

– Спасибо, обувь оставили, – буркнула Лисса, когда Ина закончила подгонять платья по нашим фигурам и испарилась, сообщив, что ужин уже скоро.

– Не думаю, чтобы тебе понравилось ковылять в туфлях по моде многовековой давности, – усмехнулась Делла, рассматривая себя в карманное зеркальце. – Тем более таких, которые до тебя уже кто-то носил!

– Если не ошибаюсь, тогда дамы предпочитали обувь на очень высокой платформе, – вставила я, – чтобы не замарать подол нечистотами, которые текли по улицам, потому что канализацию еще не изобрели.

– Тесса... – Старшая кузина посмотрела на меня с укоризной. – Ну зачем же говорить о подобном перед ужином!

– Вы первые начали, – пожала я плечами.

Немодное платье мало меня волновало: раз надо так одеться, значит, надо. Отсылая меня сюда, отец от моего имени согласился со всеми здешними порядками и установлениями, а значит, я не имею права

отступать от них. С другой стороны, его величество гарантировал всем девушкам защиту и неприкосновенность, и, увидев, как все устроено в этой части замка, я усомнилась в том, что мы сможем увидеть каких-то мужчин, кроме слуг, иначе как на смотринах. Правда, когда я сказала об этом, кузины подняли меня на смех.

– Не говори глупостей, – заявила Делла. – Вот увидишь, когда все съедутся, а Испытание начнется, станет намного веселее!

– Брр, как бы до того момента не сойти с ума от скуки! – содрогнулась Лисса. – Это что же, нам придется сидеть взаперти?

– Ина сказала, что гулять по коридорам можно, – напомнила я. – И общаться с другими девушками – тоже.

– С ума можно сойти, до чего интересное занятие...

– Но это действительно интересно, – осадила сестру Делла. – Мы даже не знаем, кто живет с нами по соседству! Но кто бы там ни был, нужно вести себя прилично и достойно.

– По одежде теперь не угадаешь, принцесса или совсем захудалая дворянка, – добавила я. – Придется присматриваться к манерам, к обхождению... И это может быть полезно. Иногда такие случайные знакомства приводят к самым неожиданным последствиям. Вдруг у знатной девушки есть брат, и вы сможете увидеться? А потом...

– Довольно фантазий, – попросила Делла. – Ты права, Тесса, но не забывай – и у стен есть уши. У этих – особенно, а потому не болтай понапрасну.

Я умолкла, потому что осознала – и впрямь наговорила лишнего. В том, что кто-то непременно станет подслушивать, я даже не сомневалась: иначе зачем селить нас вместе? Уж точно не из-за недостатка места! Наверняка надеялись на то, что девушки станут изливать друг другу свои чаяния и помыслы, но не всякая пойдет на это с новыми знакомыми (и еще угадай, в какой момент и где именно они заговорят о подобном), а вот с родственницами и подругами – вполне вероятно... Впрочем, если бы мы с кузинами на дух друг друга не переносили, то вряд ли стали бы выбалтывать друг другу сокровенные тайны! Хотя я и так не стану делиться с Деллой и Лиссой фантазиями. К чему мне их насмешки? Еще и разболтают своей матушке, а та – моим родителям, и поди докажи, что это просто выдумки, а не что-то более серьезное...

Ужин прошел в молчании. Ина принесла нам подносы и оставила в одиночестве.

Кормили здесь сытно и довольно вкусно, но без изысков, почти как дома.

– Будто никуда не уезжали, – проронила Делла.

– Не скажи, – фыркнула Лисса, налив себе воды из кувшина, – у нас... то есть у вас, Тесса, намного уютнее. И за столом прислуживают!

– Если к каждой гостье приставить троих слуг, придется построить еще один замок, – вздохнула я, сделав вид, будто не услышала намека на положение кузин.

Их матушка, старшая сестра моего отца, рано овдовела и вынуждена была вернуться под родительский кров с обеими дочерьми: финансовые дела ее пошатнулись со смертью супруга (а вернее, до нее, поскольку он наделал долгов). На счастье, они поладили с моей матушкой, а дедушке и отцу не было особого дела до дамских отношений – лишь бы их не впутывали и не тратили денег сверх меры.

Сама я оказалась средней из троих девочек, и мы с кузинами, можно сказать, дружили, но... Я и рада была бы забыть о том, что тетя с дочерьми живут у нас на положении бедных родственниц, да вот только дедушка не позволял. Ему очень не нравился зять, но бабушка убедила его, что он станет хорошей партией для дочери. Увы, дедушка оказался прав и теперь не уставал напоминать об этом, казалось, получая какое-то особенное удовольствие! Не сомневаюсь, будь жива бабушка, он выговаривал бы ей за то, что посмела настоять на своем, но, увы, она скончалась более десяти лет назад, а потому жертвой стала дочь.

Внучкам доставалось меньше – даже дедушка с его старомодным воспитанием понимал, что они не виноваты в поступках родителей и тем более его собственной супруги, – однако он всегда подчеркивал различие между мной и кузинами. Я была ребенком наследника, послушно и весьма удачно женившегося по выбору родителей, а они – детьми заблудшей дочери... Даже в малолетстве мы ощущали разницу в отношении, и если бы еще матери наши враждовали, не представляю, во что вылилось бы сосуществование под одной крышей! Но, повторяюсь, они нашли общий язык, и это спасало нас, хотя и не избавляло от некоторой неловкости.

Наверно, будь у меня иной нрав, я приспособилась бы командовать кузинами, и они стали бы моей свитой, но сперва я была слишком мала и старалась подружиться с ними, как велел отец, а затем поздно стало что-либо менять. Да и не хотелось, признаюсь. Пускай мы не стали закадычными подругами, других у меня не нашлось: в нашей глуши девочек моего возраста почти не было, а те немногие, чье положение сравнимо с нашим, жили слишком далеко, чтобы наносить визиты хотя бы раз в месяц. Какая же это дружба – на таком расстоянии?

Ну а с братьями тем более не сложилось близких отношений: будь они

старше, может, снизошли бы до меня, но, увы, – они были несколькими годами младше и совершенно не желали общаться с девочками. Их манили совсем иные забавы (признаюсь, в некоторых я сама с удовольствием приняла бы участие), и на нас с кузинами они обращали внимание, только если натыкались на бегу или если хотелось пошалить и подсунуть нам лягушку или большого жука. Сейчас, конечно, они уже взрослые юноши и перестали безобразничать, но мы все равно существовали словно в разных мирах...

– Вы закончили, сударыня? – спросила Ина у меня над ухом, и я кивнула. Надо же так глубоко задуматься! – Позвольте вашу тарелку...

Она ушла, а мы переглянулись.

– Что ж... – протянула Делла. – Давайте умываться и ложиться спать. Если я верно запомнила правила, разбудят нас очень рано, неважно, с дороги мы или нет.

Я кивнула: Ина сообщила нам распорядок дня, и начинался этот день ни свет ни заря. Даже дедушка, когда в очередной раз решал проверить, не чересчур ли мы изнежены, приказывал будить нас не в такую рань! Завтрак, время на личные дела, обед, отдых, прогулка (где именно, Ина не сказала, но я полагала, что во внутреннем дворе), ужин, сон. Как по мне, в сутках оставалось слишком много свободных часов, но, возможно, затем что-то изменится?

Так и вышло: Ина добавила, что со временем добавятся занятия с учителями танцев и этикета – для тех, кому это необходимо (вероятно, имелись и такие претендентки), – и еще кое-что, но пока не прибыли все заявленные девушки, ничего не изменится. А сколько их ждать... Может быть, день-другой, а может, и неделю: дороги развезло, и кто-то мог попросту застрять в пути.

Кузины, позевывая, улеглись, я задула светильники и тоже нырнула под одеяло. Сон, однако, не шел: сложно уснуть, когда не можешь перестать так и сяк вертеть мысли о том, что же будет дальше...

Дома я обычно садилась у окна, а летом выходила на двор, но здесь... Окно не откроешь – в темноте я не совладаю с незнакомыми ставнями, вдобавок кузины проснутся и вполне резонно возмутятся тому, что я выстудила комнату. Во двор меня не выпустят. Но ведь по коридору ходить не запрещено, так сказала Ина?

Я встала и потихоньку оделась, порадовавшись: с таким платьем это было совсем просто! Волосы я на ночь заплела в косу, а теперь просто обернула ее вокруг головы, закрепив парой шпилек, – вполне пристойная прическа.

И, накинув на плечи шарф, я выскользнула за дверь...

Глава 2

В коридоре тихо и пустынно. Светильники на стенах горели неярко, но все же давали достаточно света для того, чтобы разглядеть окружающее. А здесь нашлось, на что посмотреть!

В стальных нишах прятались старинные доспехи и бюсты неизвестных полководцев – чтобы прочесть надписи на табличках, мне потребовалась бы свеча или способность узнавать буквы на ощупь, как делал один старый полуслепой слуга у нас дома. Кое-где висели картины. Вот их-то, в особенности портреты, я разглядывала с особенным интересом, насколько позволяло освещение. Должно быть, это не самые важные члены королевской фамилии, раз их изображения оставили в старом замке... А может, просто портреты вышли неудачными, и в новой картинной галерее висят совсем другие полотна?

Впрочем, какая разница!

Я медленно пошла вдоль стены. От времени и, наверно, от сырости и холода картины потемнели настолько, что сложно было рассмотреть одеяния изображенных людей. Только бледные надменные лица одно за другим выплывали из мрака...

Признаюсь, мне сделалось не по себе, до того сурово и холодно глядели на меня с высоты королевские предки и прочие вельможи. Огни светильников трепетали на сквозняке, и тени двигались, словно живые. Так и казалось, что вот-вот кто-нибудь пошевелится и шагнет с картины мне навстречу, а на картине останется лишь словно вырезанный ножницами силуэт, а может, и вовсе ничего, и удастся рассмотреть, что пряталось за его спиной...

Отполированные доспехи поблескивали, и порой мне чудилось, будто это светятся глаза за глухим забралом. Только отвернешься – а железный рыцарь протянет руку, возьмет за плечо и спросит глухим лязгающим голосом, что я позабыла в этом коридоре в такую пору?

Шарф соскользнул, сквозняк коснулся моей шеи, и я невольно поежилась. И замерла: впереди слышались шаги. Кто-то шел навстречу, медленно, очень медленно, и... Мне померещилось или шаги сопровождал звук, похожий на металлический шелест кольчуги или даже скрежет лат?

Деваться было некуда, если только побежать назад – я отошла довольно далеко от нашей комнаты – или попытаться спрятаться за ближайшей незапертой дверью. Всегда можно сказать, что я просто

заплутала в незнакомом месте! А что уж я делала ночью в коридоре – второй вопрос...

Еще я могла укрыться в нише позади доспехов (вот только наверняка зацепила бы их и уронила, подняв шум на весь замок), но... Ничего не сделала. Эти приближающиеся шаги – тяжелые, мерные – словно заморозили меня и пригвоздили к месту. Я не могла даже шелохнуться, целиком обратившись в слух и следя: вот незнакомец уже за поворотом, вот его тень легла на пол, вот она движется вперед, касается меня, и если я подниму взгляд, то увижу, кто ее отбрасывает...

Я собралась с духом – ну кого я могу здесь встретить? Может быть, ночного сторожа или того же распорядителя, который желает лично удостовериться, все ли в порядке во вверенных ему владениях! Да хоть бы и самого короля – вдруг он, как в легендах, бродит по замку ночами и заглядывает в лица будущих невест в поисках нареченной? Всем ведь известно, что именно во сне проявляется истинная суть человека, днем сокрытая броней этикета и вуалью приличий!

Но это был не король и даже не распорядитель. Передо мной стоял оживший доспех, почти такой же, возле которого я стояла и который опасалась опрокинуть неловким движением при попытке спрятаться в нише.

Все слышанные мною страшные сказки вмиг ожили: это чудовище, неуспокоенный дух бродит по старому замку! А король собирает здесь девушек не только и не столько ради того, чтобы выбрать невесту, нет... Он хочет принести жертву этому духу. Быть может, не одну. Сколько девиц не вернется домой? Родителям скажут, что их взяли в жены знатные люди, заплатят откупного, и те останутся довольны, а если попытаются увидеть дочь, что ж... Им объяснят, почему не нужно с ней встречаться. И если я не вернусь в нашу спальню, невозмутимая Ина скажет Делле и Лиссе, что я нарушила какое-то правило – ну надо же, угораздило сразу по приезде! – и меня ни свет ни заря отправили домой. Они удивятся, конечно, но вряд ли сильно огорчатся...

– Что с тобой, девушка? – спросил вдруг доспех и сделал еще шаг вперед.

Теперь на виду оказался блестящий нагрудник. Я рассмотрела выгравированный на нем герб и поспешила склониться в придворном поклоне. Даже если это дух, то нужно выказать уважение верноподданной тому, кто носит изображение вздыбленного грифона с мечом в лапе – ведь это королевский герб! Быть может, мне встретился кто-то из давно почивших предков нынешнего правителя? Ох, лучше бы я осталась в

комнате...

– Ты что-то потеряла? – Он был совсем рядом со мной.

– Нет, господин, – выдавила я, не поднимая головы. Если не смотреть, то не так страшно...

Когда я была маленькой, то знала наверняка – если зажмуриться, то тебя не найдет никакое чудовище. Жаль, сейчас уже поздно было прибегать к этой уловке – незнакомец меня увидел.

– Тогда выпрямись, чтобы я мог видеть твое лицо, а не затылок, – приказал он. Голос был сиплый, словно в горле у незнакомца пересохло, и властный.

Я не посмела послушаться и встала прямо, по-прежнему глядя в пол. На желтовато-серых в отблесках светильника камнях расплывались черные пятна. Капало сверху, медленно, неотвратно – и взяться капли было неоткуда, кроме как из жил незнакомца.

«Его убили в этом коридоре, – подумала я, – и с тех пор он бродит и бродит... ищет убийцу. Да, наверняка так и есть... Но вряд ли его убила девушка, значит, мне ничего не грозит!»

И я все-таки рискнула посмотреть на неизвестного. Не в лицо, нет: он оказался очень высок, и взгляд мой упирался ему в грудь.

Все-таки на нем был не полный доспех, нет... Кольчуга до середины бедра, нагрудник, наручи и еще уйма железа, названия которому я не знала. Братья наверняка сразу поняли бы, чьей работы доспех перед ними, в каком веке он сработан, каким мастером – они разбираются, дедушка научил. Хотя как может пригодиться это знание в наши времена, если ты не намерен всю жизнь заниматься описанием судеб давно почивших людей, в том числе знаменитых воинов? Я не знала ответа, а спросить у дедушки побоялась...

– Что же ты стоишь? – спросил он с затаенной насмешкой. – Я тебя не держу, беги скорее к своему милému!

– О чем вы... – Тут до меня дошло, о чем он говорит, и кровь бросилась мне в лицо. – Да как вы смеете!..

«Еще всякий призрак станет отпускать непристойные шуточки!» – могла бы я добавить, но вовремя прикусила язык. Он ведь может рассердиться, а что тогда со мной станет, неведомо...

– Куда же ты спешишь в такой час, нарядившись, словно на бал?

– На бал? – невольно переспросила я, взглянув на себя.

В таком-то платье? Оно, как верно сказала Лисса, вышло из моды триста с лишним лет назад!

«Но ведь призрак не вчера появился... то есть умер... неважно! –

тряхнула я головой. – Может, для него это платье – самый что ни на есть писк моды? Ох, неужели нас в самом деле готовят в жертвы, потому и одевают одинаково, чтобы злой дух не удивился, увидев нынешние наряды?»

– Я тебя не помню, девушка, – сказал он вдруг. – Ты одета как знатная дама, а ведешь себя словно виноватая служанка, укравшая платье у госпожи, чтобы покрасоваться на деревенском празднике. Я угадал? Вижу, у тебя не хватило смелости взять еще и украшения: за платье госпожа, быть может, и простит... если сама не отдала тебе старое, а вот за драгоценности – прикажет запереть на конюшне!

Я лишилась дара речи.

– Но это не мое дело, – добавил он. – Беги, пока тебя не хватились. Я ничего не видел.

С этими словами он повернулся и пошел прочь. С каждым его шагом – он сильно хромал – меня отпускало напряжение. Казалось, до того он удерживал меня взглядом, словно прочными путами, а теперь отпустил. И это я еще не смотрела ему в лицо! Наверно, взгляни я в глаза, вовсе не опомнилась бы, а теперь был шанс спастись, раз уж он не тронул меня и оставил в покое, сочтя недостойной своего внимания. Даже обидно как-то...

«Кап!» – еще одна темная клякса расплылась на каменном полу.

– Вы ранены, сударь? – едва слышно выговорила я.

– Что? – Он остановился и обернулся. – Я не слышу, что ты лепечешь, девушка. Говори громче! Если хочешь попросить поженить тебя с милым, сделай одолжение, подожди хотя бы до завтра, мне не до того...

– Я спросила – вы ранены? – повторила я громче. И кто меня за язык тянул? – Кровь... вот... на полу.

– Вижу... – Он поднял правую руку, закованную в кольчужную перчатку, коснулся левого плеча. – В самом деле... Надо же, не заметил.

– Может быть, позвать кого-то на помощь?

– Нет, – после паузы ответил он. – Иди своей дорогой. Ты не видела меня, а я не встречал тебя, понятно тебе, девушка?

– Да, сударь, как скажете... – пробормотала я. – Только след остается. Кто-нибудь еще заметит...

– Так подотри, – приказал он таким тоном, словно даже не сомневался в моем повиновении. – А с этим... Найдется у тебя платок? Нужно чем-то зажать рану.

Платок у меня был, вышитый, из тонкой ткани, но до того маленький, что его хватило бы разве только порезанный палец обмотать. Впрочем...

В старых легендах (тех, из которых матушка не вымарала кое-какие строки) говорилось, что знатные дамы, бывало, перевязывали раны возлюбленных своими нижними юбками. На мой взгляд, это могло скорее навредить раненым, чем помочь, вдобавок, как я уже упоминала, к выданному платью вороха нижних юбок не полагалось. Все, что у меня было, – это шарф, его-то я и предложила пустить в ход. Ну, как предложила – показала жестом.

– Подойдет, – кивнул мужчина.

Я осмелилась взглянуть чуть выше, потом еще... Волосы у него были не очень длинные, едва по плечи – сейчас они неопрятными, непонятого цвета сосульками свисали на худое, какое-то изможденное, серое лицо с темными провалами глаз. В неверном коридорном свете он выглядел словно оживший покойник, каковым наверняка и являлся! А я имела глупость с ним заговорить...

– Ну же, девушка, – требовательно произнес он. – Взялась помогать – так не стой столбом!

Рана была у него на плече, почти под самым наплечником, и мне, право, не хотелось представлять, с какой силой был нанесен удар, вспоровший кольчугу и прочную кожу чехла под нею и доставший до тела. Я подумала, что если зажать рану чистым платком, а потом потуже перетянуть шарфом, то, может быть, кровь остановится. Ну или хотя бы какое-то время не будет капать на пол! Ох, нет, все равно будет – ее уже изрядно натекло на рукав и в перчатку... но с этим я ничего поделать не могла.

Ну а самым удивительным оказалось то, что на ощупь призрак казался человеком из плоти и крови! Я ощущала под пальцами металл и кожу, чувствовала даже дыхание, горячее и прерывистое – признаюсь, я была не слишком осторожна при перевязке, потому что мне хотелось покончить с нею как можно скорее.

– Вот так, сударь, – сказала я зачем-то.

– Благодарю, девушка, – кивнул он и ушел прочь, не оглядываясь.

Я смотрела вслед, пока тяжелые шаги не стихли за поворотом, и только тогда догадалась взглянуть на себя. Конечно же, я испачкалась в крови – на платье спереди красовалось пятно! Будь ткань винно-красной, как у кузин, это не было бы так заметно, но...

– Как же быть? – прошептала я вслух и по дурной привычке принялась грызть ноготь. Остановил меня неприятный солоноватый привкус, и тогда только я поняла, что испачкала не только платье, но и руки... Но руки можно вымыть, а с пятном я ничего сделать не сумею!

Вдобавок призрак приказал потереть следы крови на полу, но... Чем? Я потеряла пятно подошвой туфли – оно размазалось и немного потускнело. Может, его никто и не заметит, а за день затопчут так, что и воспоминания не останется... Вот только с теми пятнами, которые успели подсохнуть, такой фокус не выходил. Я скорее стерла бы подметки до дыр, чем уничтожила следы крови, впитавшейся в камень...

«Быть может, она пролилась века назад и с тех пор никто не может ее отмыть?» – подумала я, кое-как размазав еще одно пятно и отыскивая следующее. Почему-то мне даже в голову не пришло послушаться приказа этого странного человека с королевским гербом на груди.

И замерла, увидев, как засохшая кровь исчезает с каменной плиты, будто кто-то невидимый, но могущественный стирает ее, словно пыль с каминной полки. Миг – и пол сделался девственно чист.

Я сделала несколько шагов дальше, туда, где точно видела пятна. Их не было.

У меня отлегло от сердца: наверно, я выполнила приказ призрака! Хотя бы постаралась, а поскольку с рассветом все следы потусторонних существ исчезают, то исчезли и пятна... И с платья пятно пропало, какое счастье!

Ох, надеюсь, призрак не станет сердиться и тем более искать меня: ведь легко узнает среди прочих! Не думаю, что среди будущих невест короля много рыжих... Да цвет волос не столь важен: я испачкалась в его крови, он видел меня, говорил, прикасался, а значит, легко отыщет, если пожелает!

«Рассвет уже близко!» – ужаснулась я и опрометью бросилась в свою комнату. Еще перепутала дверь и вломилась к незнакомым девушкам! Хорошо, они крепко спали и не проснулись, когда я ворвалась, только одна недовольно пробормотала что-то во сне.

Вернувшись к себе, я потихоньку разделась и нырнула в постель. Никак не удавалось согреться, словно призрак был где-то поблизости и от него веяло потусторонним холодом...

«Что за глупости! – рассердилась я на себя и накрыла голову подушкой. – Не был он холодным! А может... может, он и не призрак вовсе? Но кто тогда? Кто-то развлекается и пугает девушек? Но откуда ему было знать, что я именно в это время окажусь в том коридоре? Или действительно за каждым нашим шагом следят и докладывают... тому же распорядителю? А он записывает в свою книжищу: такая-то ночью не спала и бродила по замку, сякая-то отказалась ужинать и капризничала...»

Под подушкой стало нечем дышать, и я высунулась наружу. Ноги немного согрелись, и на том спасибо.

«Ну хорошо, – продолжила я размышлять. Сна все равно не было ни в одном глазу. – Если я встретила ряженого, а кровь была... пускай свиная, то куда она подевалась? Или это вовсе не кровь, а особая краска? Или... я же читала про исчезающие чернила, так, может, это они и есть? Но с рук они тоже исчезли!»

Гадать не было смысла, но чем еще заняться, когда не спится, а до подъема осталось всего ничего?

Мне не давал покоя королевский герб. Вообще-то носить его абы кому не положено... Но, может, ряженому просто дали старинный доспех, некогда принадлежавший члену королевской фамилии? Неужели не нашлось другого? Может, и не нашлось – очень уж этот человек был высок! Я припомнила другие доспехи в нишах: те тоже были рассчитаны на крупных людей, но этому, пожалуй, оказались бы маловаты.

Но почему тогда не отправить бродить по замку кого-то другого? Или только одного-единственного мужчину сочли безопасным для девушек? Хотя какая уж тут безопасность! Если бы у меня были слабые нервы, как у тетушки, я могла упасть в обморок и разбить голову... Или перепугаться до такой степени, чтобы заболеть нервной горячкой, а от нее, бывает, умирают. И, можно подумать, если бы я завизжала на весь замок, вышло бы лучше...

Мне не давал покоя герб. Он так врезался в память, что стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором появлялся металлический нагрудник, и на нем – вздыбившийся грифон, перечеркнутый глубокой свежей царапиной.

Допустим, по какой-то причине некоему человеку дали именно королевские доспехи, а убрать с них герб – значит, испортить дорогую старинную вещь. Но почему его хотя бы не прикрыли какой-нибудь накладкой? Неужели при дворе не нашлось умельца, способного сделать это, не повредив нагрудник?

Не повредив... но как же царапина? Вот что еще странно: нагрудник не походил на доспехи в нишах, тщательно начищенные и отполированные. Он выглядел так, будто... Будто его использовали по назначению, и не так уж редко. Эта царапина поперек герба... А если напрячься, то можно припомнить – там была еще и глубокая, частично заполированная выщербина повыше, как будто кто-то рубанул наотмашь по плечу, и клинок скользнул по наплечнику вниз, и много других, поменьше, не таких заметных... Это не парадные доспехи.

«Но что в этом странного? – спросила я себя. – Нашли где-то в оружейной амуницию королевского прапрадедушки, вот и все! Не в парадные же латы наряжать этого... как бы его назвать? Неважно! А герб

оставили нарочно – чтобы сильнее напугать тех, кто его увидит. Со мной ведь получилось, верно? Может быть, король издал указ, которым дал позволение притворяться... ну хотя бы почившим предком. Да, вот так уже лучше... Такое вполне вероятно...»

Закончить мысль я не смогла – уснула. Всегда со мной так: если на уме есть хотя бы глупая детская загадка, я буду мучиться, пока не отгадаю ее. А уж подобное!..

Во сне я никак не могла отделаться от грифона – оперение его, клюв и когти сияли нестерпимым блеском, меч в поднятой лапе – тоже, а уж на щит больно было даже взглянуть.

Щит? Но это ведь вовсе не...

– Доброе утро, сударыни! – голос Ины заставил меня пробудиться.

Впрочем, не только он: горничная распахнула ставни, впустив холодный осенний ветер и солнечный свет – тучи разошлись, и в наше окошко можно было разглядеть кусочек блекло-синего, словно полинявшего от бесконечных дождей, неба.

– Закройте, будьте любезны! – сердито попросила Делла, с головой спрятавшись под одеялом. – Вы что, хотите, чтобы мы простудились насмерть?

– Свежий воздух полезен для здоровья, так говорят лекари его величества, – невозмутимо ответила Ина.

– А он что, чем-то болеет? – неподдельно изумилась Лисса. – Его величество ведь совсем молод!

– Что за ерунду ты опять мелешь! – воскликнула Делла. – Сама подумай: при дворе непременно должны быть лекари, ведь там столько вельмож!

– Вы совершенно правы, сударыня, – сдержанно улыбнулась Ина. – А помимо лекарей при его величестве состоят дегустаторы – они пробуют поданные к столу кушанья, ведь в них может оказаться яд, а также чародеи, способные прозревать злые намерения в людях.

– Я думала, это сказки, – прошептала я, – или что чародеи давным-давно вымерли вместе с грифонами и единорогами...

– Во все нет, сударыня, – повернулась ко мне горничная. – Конечно же, таких людей очень мало, и большинство из них служат высокопоставленным персонам. К слову, перед последним испытанием все участницы должны будут предстать перед чародеями, а те определяют, не таит ли какая-нибудь из девушек преступных замыслов, не использует ли колдовские амулеты, снадобья и всевозможные злые зелья, чтобы показаться лучше, чем она есть на самом деле, или даже приворожить его

величество. Впрочем, рано еще говорить об этом.

– Словно в прошлое угодили, – пробормотала Делла и решительно села на постели, скинув одеяло. – Брр! Чародеи, амулеты... А что, Ина, уличенную в зловредном колдовстве затравят собаками или разорвут лошаадьми? Право, не помню, как принято было поступать с ведьмами.

– Ну зачем же такая жестокость, сударыня, – улыбнулась та. – Ее просто предадут позору и отправят восвояси... если, конечно, родители согласятся принять ее под свой кров. В противном случае участь ее незавидна. А теперь прошу умываться, сударыни! Мне нужно разбудить остальных.

Стоило ей выйти за дверь, Лисса спрыгнула с кровати, босиком подбежала к окну и закрыла ставни.

– Очень умно, – процедила Делла, – теперь не видать ни зги!

– Зато не дует, – ответила та. – Одевайся скорее, и я снова открою.

Одевшись, умывшись и причесавшись, мы чинно уселись на кровать, накинув на плечи одеяла, и принялись ждать завтрака.

– Говорят, от холодной воды улучшается цвет лица, – попыталась я подбодрить кузин.

– Если так пойдет и дальше, то все мы будем румяными, – согласилась Делла, – только недолго.

– Почему? – спросила Лисса.

– Потому что от сильной простуды можно умереть.

– Все равно не поняла, при чем тут цвет лица.

– От простуды бывает жар, а от жара – румянец, глупая ты девчонка!

– Будто я не догадалась, – фыркнула она.

– А раз догадалась, зачем спрашиваешь?!

– Скучно сидеть просто так, а ты до того забавно сердисься... – захихикала Лисса, и Делла потянулась схватить ее за ухо, но не успела.

– Вижу, вы в хорошем настроении, сударыни, – сказала Ина, показавшись на пороге, – чего, к сожалению, я не могу сказать о многих других девушках. Прошу следовать за мной. Пока вы спали, приехали последние гости, поэтому завтрак сегодня подадут в общую трапезную.

«Хотя бы взглянем на остальных!» – подумала я.

Трапезная оказалась просторным залом, в котором в два ряда стояли простые деревянные столы и скамьи. Горничные рассаживали своих подопечных в им одним ведомом порядке. Я присмотрелась: вроде бы не по росту, не по старшинству, вряд ли по родовитости – все мы сейчас были на одно лицо – и даже не по цвету платьев! К слову, в зеленом оказалось еще несколько девушек – были среди них и рыжие, и блондинки, и даже

темноволосые (видимо, горничные решили, что и этим красное не пойдет), и я обрадовалась, словно обрела потерянных сестер. Нужно будет постараться узнать их поближе, если получится...

– Посмотри направо, – прошипела Делла. – Вон та блондинка... узнаешь?

– Нет, – честно ответила я. – Никогда ее не видела.

– Это почти наверняка принцесса Карадин, – уверенно сказала Лисса. – Точно-точно, у ее бабушки точно такие же брови и тяжелые веки. А у отца – горбинка на носу. Ну же, Тесса, неужели ты не узнала?

– Да нет же!

Признаюсь, я всегда поражалась способности кузин запоминать особенности ушей, носов и подбородков знатных персон, которых они видели разве что в детстве и издали, когда мы были на празднике в столице и смотрели на королевскую процессию с балкона. Ну, может быть, еще на портретах в замках тех из знакомых родителей и дедушки, кто имел какое-то отношение к цвету дворянства. Я имею в виду всяких четвероюродных племянников жен кузенов сводных братьев этих самых вельмож. Почему-то именно такие люди обожают бахвалиться эфемерной связью с высшим светом и наводняют свои жилища плохими копиями портретов дальних родственников.

По-моему, ничего особенного в блондинке не было: красивая, холеная, надменная – это впечатление усиливали тяжелые веки, о которых толковала Лисса. Она держалась с королевским достоинством, но кругом хватало других девушек, которые вели себя точно так же. Правда, я не стала на них указывать: если кузины примутся вспоминать, где уже видели такие черты лица, я взвою, как волк на луну!

Наверно, я не права, и мне тоже следовало высматривать возможных фавориток этих испытаний, чтобы постараться познакомиться с ними и, возможно, в дальнейшем войти в их свиту, оказаться при дворе... Но я полагала, что у принцессы Карадин наверняка уже есть наперсницы, которые прибыли с нею вместе и вряд ли позволят посторонним приблизиться к своей госпоже. А ссориться с кем бы то ни было я не люблю, тем более по такому глупому поводу. Пускай кузины пытаются завести с нею дружбу, если им так хочется, а я поищу ровню себе...

Три громких удара заставили всех вздрогнуть и прекратить перешептываться. Оказалось, во главе столов (как глупо звучит!) появился распорядитель. Вид он имел крайне бледный – должно быть, всю ночь принимал запоздавших гостей, однако держался с большим достоинством. Немудрено – ему выпала такая честь и ответственность!

– Сударыни, – заговорил он, когда в зале воцарилась тишина. – Теперь, когда все вы в сборе, позвольте поприветствовать вас от имени его величества Дар-Аррона Второго и пожелать, чтобы пребывание ваше в замке Старой Птицы оказалось приятным и плодотворным.

– Насчет приятности я бы поспорила... – едва слышно прошептала Делла.

«Откуда такое название?» – удивилась я. Этот замок обычно называли Старым королевским, но...

Я поняла, что отвлеклась, и вновь обратилась в слух.

– На ближайшие дни, а может, и месяцы это место станет вашим домом, – продолжал распорядитель. – Вы будете жить бок о бок и заботиться друг о друге и о своем жилище до тех самых пор, пока его величество не сделает свой выбор.

Подавленная тишина была ему ответом. Думаю, большинство из нас как-то не так представляли себе королевские смотрины.

«А ведь наверняка чьи-то старшие родственницы принимали участие в предыдущем Королевском Испытании, – подумала я и посмотрела на соседок по столу уже с большим интересом. – Неужели они ни слова не сказали о том, как оно проходит? Может, им запретили говорить, взяли клятву? А то и заколдовали...»

– Все вы, уверен, задаетесь вопросом, что же такое – Королевское Испытание, – произнес он, подтвердив мою догадку. – Хочу сообщить вам: оно началось в тот самый момент, когда вы переступили порог замка и вверили себя нашим заботам. У Испытания множество этапов, и не все они будут легкими. Какие-то покажутся вам странными и бессмысленными, какие-то – невероятно простыми, а иные – жестокими и опасными...

В зале послышался ропот.

– Да, его величество обещал вашим родителям обеспечить вашу защиту и неприкосновенность! – чуть возвысил голос распорядитель. – Я ведь не сказал, что опасности подвергнетесь вы сами, сударыни. К слову, умение слушать и слышать – тоже важная часть Испытания, не забывайте об этом. А теперь к делу...

Он откашлялся и продолжил:

– Как я уже сказал: замок Старой Птицы отныне ваш дом, сударыни, а потому вам придется как следует заботиться о нем. Слуг недостаточно, а потому каждая из вас в свою пору должна будет побывать на кухне и на скотном дворе, в птичнике, в прачечной и на чердаке... Каждое утро вы станете тянуть жребий, который определит, чем вы станете заниматься в ближайшие дни и в какой компании.

Все подавленно молчали. Я не удержалась и покосилась на принцессу Карадин: она сохраняла полнейшее спокойствие, будто ее ничуть не пугала вероятность очутиться на кухне словно последней служанке!

– Конечно же, вас не оставят без помощи, – добавил распорядитель, – но окажут ее лишь тогда, когда вы попросите. Знайте, однако, что одна такая просьба простительна, две – повод задуматься, ну а третья откроет вам двери замка – вы отправитесь домой. Впрочем, те из вас, кто не желает продолжать Испытание, могут уехать немедленно. Итак?..

Я услышала шелест и повернула голову: смуглая шатенка слева от меня встала первой – ноздри ее раздувались от возмущения, глаза метали молнии. Ее примеру последовало еще несколько девушек.

– Проводите, – кивнул распорядитель, и одна из горничных пригласила их следовать за ней.

Я взглянула направо: принцесса Карадин даже не шелохнулась. Может быть, она знает что-то, чего не знают другие? Иначе почему настолько невозмутима? Нужно присмотреться к ней, вот что...

– Ну а теперь, сударыни, когда вы лишились первых семи соперниц, тех, кто не сумел не то что пройти Королевское Испытание, а даже и по-настоящему приступить к нему, – сказал распорядитель, – приступим к завтраку. Жребий вы будете тянуть после него. И помните: в любую минуту вы можете отказаться от дела, которое будет вам поручено... и отправиться домой. Приятного аппетита!

Глава 3

Завтрак прошел в подавленном молчании. Я переглядывалась с кузинами и девушками напротив, но ни одна из нас не решилась нарушить тишину. До тех самых пор, пока не пришла пора тянуть жребий.

– Скажите, сударь, – произнесла брюнетка в зеленом, прочитав свое предписание согласно вытянутому номеру, – должна ли я отправляться на грязную работу в этом наряде?

– Разумеется, нет, – был ответ. – Вам предоставят простую одежду... И уж конечно, вы должны будете привести себя в порядок, прежде чем явиться к столу. Поэтому не мешкайте: все, что вы не успеете сделать сегодня, вам придется заканчивать завтра, но завтра появятся новые обязанности. И те, кто не совладает с таким грузом дел...

– Отправятся по домам, – заключила брюнетка. – Что ж, приступим! Лина? Где там эта... рабочая одежда?

Я подумала, что эта девушка, хоть и держит себя очень властно, вряд ли может похвастаться такой же родовитостью, как принцесса. Не те манеры, сразу заметно: она слишком напориста и резка, явно привыкла командовать и подтверждать свое право отдавать распоряжения, а не принимать повинование как должное. Скорее всего, она из семьи военного, выслужившегося из низов. Или, к примеру, дочь богатого негоцианта, не так давно купившего титул. Участие в Королевском Испытании – шанс, который такие люди не могут упустить!

«Позже узнаешь», – одернула я себя и посмотрела в свою записку.

Повезло: сегодня мне предстояло только вытирать пыль, а это суцая ерунда! Ну, если не считать того, что потолки в замке очень высокие, и до верха какого-нибудь шкафа я не дотянусь, даже если встану на стул. Но ничего, что-нибудь придумаю!

Вернее, я надеялась, что придумывать мы станем все вместе – со мною на легкую работу угодили еще пять девушек. Но одна из них сразу заявила:

– Давайте-ка поделимся, так будет быстрее. Посмотрим...

Она развернула план, который нам выдал распорядитель (такая любезность с его стороны!), и указала:

– Я займусь вот этими комнатами. Выбирайте и вы.

– Верно, что толку ходить толпой? – поддержала вторая. – Мои – вот эти.

А мне, пока я придумывала, что бы такое сказать, перепали остатки –

шесть комнат на четвертом этаже. Судя по плану – не очень-то больших, но там ведь могло оказаться предостаточно старой пыльной мебели! И если вылить грязную воду я могла в окошко, то за чистой нужно было идти на кухню. Набегаешься, пожалуй, по этим лестницам...

– Не забывайте, сударыни, – сказал распорядитель, услышав, наверно, как командует наша предводительница, – что оценивать станут всю работу в целом, не разделяя вклад каждой из вас. Таким образом, если кто-то из вас постарается, а кто-то лишь размажет пыль и решит, что сойдет и так, – он развел руками, – все вы будете оценены ниже, чем того заслуживаете.

– Слышали? – грозно посмотрела она на нас. – Идемте же! И не ленитесь!

«Несладко приходится ее прислуге», – подумала я, проводив девушку взглядом, и отправилась наверх. Заблудиться мне не грозило: здесь не было лабиринтов и запутанных коридоров, а план я запомнила хорошо. От лестницы налево, а там плутать негде...

«Всей прислуге несладко приходится», – решила я, одолев одну комнату. Я старалась изо всех сил, но мне казалось, будто только грязь развожу. Еще я пыталась вспомнить, за что матушка бранила наших горничных, и проверяла все места, где могла притаиться паутина или нетронутая годами пыль. Хорошо еще, здесь не было диванов с резными спинками и ножками – они не так давно вошли в моду. Вот в этой-то резьбе пыль, копоть и сажа скапливаются мгновенно, и отчищать мебель приходится часто и подолгу – я видела, как мучаются служанки. А ведь им еще приходилось выбивать подушки и покрывала, чистить ковры, мыть и натирать полы...

«Не буду больше никого посылать с дурацкими поручениями, – подумала я, переходя в другую комнату, еще больше первой. – Орехов мне, видите ли, расхотелось, подай засахаренных фруктов... И наши комнаты всего-то на втором этаже, но сколько раз на дню Дила бегают туда-обратно? Ведь не одна я ей приказываю, кухни тоже, хотя у них свои горничные есть! А я гоняю их служанок, если под руку подвернутся...»

Я всего-то ничего сделала, а вода в ведре – ох, каким оно было тяжелым! – сделалась совсем черной. В этих покоях не прибирались, должно быть, много лет... ну разве что обмахивали пыль на самых видных местах, и только. Мне же запомнились слова распорядителя, и я надеялась, что остальные девушки тоже постараются, иначе будет очень обидно!

Спустившись на кухню, я налила чистой воды из чана – спасибо, хоть из колодца не пришлось ее доставать, я бы не смогла, наверно! – и снова поплелась наверх. На третьем этаже слышались голоса и чей-то смех – мне

показалось, это наша предводительница с какой-то из своих подруг.

Очень хотелось пойти и посмотреть, чем они занимаются вместо уборки, но я не решилась. Может, они уже закончили или просто решили передохнуть, а тут явлюсь я с глупыми претензиями... Очень не люблю оказываться в дурацком положении, но это случается со мной не так уж редко. Всею виной мое воображение, как говорит матушка: стоит мне замечтаться, и я перестаю замечать, что происходит вокруг, могу сказать или сделать что-нибудь невпопад. Я стараюсь следить за собой, даю волю фантазии только оставшись одна, но иногда не получается удержаться, и остается лишь уповать на то, что все обойдется, и я, к примеру, никого нечаянно не обижу, не заметив в упор...

И уж тем более нельзя расслабляться в этом месте! Здесь меня не станут ласково журить, как дома, а... Не накажут, конечно. Просто выставят за порог, а это... это очень обидно – отправиться прочь даже не по своей воле, как те семеро девушек, а из-за ошибок, которых понаделаю благодаря глупой рассеянности и привычке витать в облаках!

«Буду держать себя в руках», – пообещала я себе, толкнула третью дверь... и попятилась. Комната разительно отличалась от виденных мною до того.

Прежде всего, это была библиотека. Во всяком случае, мне так показалось. Но чем иным мог оказаться просторный, на удивление светлый зал, стен которого не видно за стеллажами, заполненными свитками и толстыми книгами в кожаных и деревянных переплетах? У нас дома тоже есть такие – ветхие, тронь – рассыплется прахом.

Но не о книгах я подумала в первую очередь, а о том, что мне недели не хватит на то, чтобы протереть бесконечные полки, – управиться бы до темноты, не то что до обеда! А ведь это еще не все...

– Что тебе тут нужно? – услышала я, едва не уронила ведро и ответила:

– Простите, сударь, меня прислали убираться...

Клянусь, я никого не заметила, войдя в библиотеку! Однако здесь кто-то был. Я не могла рассмотреть его против света, бьющего в большое окно, различила лишь, что высокий и широкоплечий. Мужчина, конечно же, это и по голосу было понятно.

– А, это снова ты! – неожиданно весело произнес он и шагнул в сторону от массивного стола, на котором рассматривал какой-то свиток.

Теперь, когда солнце освещало его сбоку, я узнала... Да, это был ночной незнакомец! Уже не в доспехах, но трудно было бы спутать его с кем-то другим: мужчин такого роста, повторюсь, не часто встретишь. И голос мне запомнился.

– Простите? – только и смогла я сказать, а про себя подумала: он точно не призрак, а человек из плоти и крови, раз оказался здесь среди бела дня!

– Ты настолько серьезно восприняла мои слова о том, что я тебя не видел? – осведомился он, подойдя ближе. – Похвально. Однако я угадал, девушка, – ты служанка, которая позаимствовала платье госпожи, чтобы сбежать на свидание!

– Вы не угадали, сударь, – ответила я и поставила ведро на пол – и так уже руки оттянула. – Платье никого не делает ни служанкой, ни принцессой.

– Надо же, какие разумные речи... Позволь-ка, – он вдруг взял меня за запястье и, прежде чем я успела отдернуть руку, провел жестким пальцем по моей ладони. – Хм... Эти руки не знали работы. Так кто же ты такая, девушка? Зачем переодеваешься то так, то этак, и почему то и дело попадаешься мне на пути?

– Простите, сударь, но если я стану говорить с вами вместо того, чтобы заниматься делом, то не успею закончить работу в срок.

– Ты же не языком собралась пыль вытирать, – сказал он. – К тому же я не вижу в этом необходимости – здесь недавно убирались.

Я посмотрела по сторонам и молча согласилась, что в библиотеке и впрямь царит необычайная чистота. А ведь именно там, где хранится множество книг, пыль скапливается во множестве...

– Что ж, – произнес мужчина, прежде чем я решила сказать, что мне нужно идти, – если ты не желаешь говорить, не стану тебя неволить. Но раз уж ты оказалась здесь, то помоги мне.

– Чем же, сударь? – кашлянув, спросила я.

В голове роились мысли одна другой страшнее. Что будет, если кто-нибудь войдет и обнаружит меня наедине с неизвестным мужчиной? Ведь это... это... Матушка и тетушка множество раз предостерегали нас с кузинами от подобного! А я, вместо того чтобы бежать прочь со всех ног, стою и разговариваю с этим странным человеком!

– Подержи, – незнакомец бросил мне свиток, и я ухитрилась поймать его прежде, чем он упал в ведро. – Мне нужно кое-что переписать отсюда.

– Сударь, у меня не очень-то чистые руки!

– А у меня их всего две.

Я поняла, что он имеет в виду, когда вытерла руки о передник и развернула свиток, – он изо всех сил старался свернуться обратно.

– А если придавить края чем-нибудь тяжелым?

– Я пробовал – неудобно, – был ответ. – Приходится то и дело двигать грузы – я быстро пишу, а читаю еще быстрее. Иди сюда, к свету, девушка,

расстели на столе... и держи этого строптивца покрепче. Да, вот так... Я не задержу тебя надолго.

Признаться, мне не очень-то нравилось служить чем-то вроде подставки для книг, но возражать было поздно. Тоже скверная моя черта: вечно тяну до последнего, надеясь, что все как-нибудь разрешится само собой, когда нужно сразу сказать решительное «нет».

Спасибо хоть на том, что, оказавшись напротив незнакомца, я наконец смогла рассмотреть его при дневном свете. Он не был красив. Даже странно, если он здесь для того, чтобы компрометировать девушек, лучше бы выбрали мужчину посимпатичнее. Хотя отталкивающей я его внешность бы не назвала. Лицо, как я и запомнила, – худое, с резко выдающимися скулами и подбородком, длинным и не очень ровным носом. Лисса непременно отметила бы аристократическую горбинку, но, по-моему, горбинка эта возникла вследствие перелома, как у моего второго брата. Непослушные, очень густые волосы – в солнечных лучах они казались бронзовыми – падали на высокий выпуклый лоб, и незнакомец время от времени нетерпеливым жестом заправлял пряди за ухо. Насчет ушей, к слову, ничего не могу сказать, я не настолько искушена, как младшая кузина, чтобы с одного взгляда понять, на чьем портрете уже видела такой изгиб раковины и длинную мочку... с продетой в нее серьгой. Невероятная вульгарность!

И одет он был... странно. Простая рубаха с широкими, присборенными на плечах рукавами, наверно льняная, с вышитой золотом тесьмой на воротнике, а поверх... По-моему, туника, а может, камзол без рукавов? Главное, на груди вышит был все тот же герб! Еще – широкий пояс с металлическими накладками, на нем кинжал в ножнах... Довольно узкие штаны, похоже из тонкой замши, заправлены в сапоги. Так даже охотники в глухомани не одеваются, хотя... определенное сходство прослеживалось. По-моему, такую одежду носили очень, очень давно, еще в те времена, когда не было никакого королевства, а только разрозненные маленькие государства...

Но чтобы знатный человек нарядился подобным образом не на какой-нибудь праздник, где можно представиться хоть оборванным нищим, хоть самим королем... Нет, немыслимо.

Он строчил с невероятной быстротой и настолько необычным способом, что я невольно замешкалась и перестала разворачивать свиток.

– Ну же, в чем дело? – Он заметил мой взгляд и поднял руку с пером. На пальце сверкнул тяжелый золотой перстень, на запястье – чеканное обруче. – Это не колдовские заклинания, честное слово!

– Почему вы решили, что я решила... – Я запнулась, но все-таки закончила фразу: – Будто это колдовство?

– По глазам видно, – ответил он. – Девушки боятся колдовства, разве не так?

– Наверно... Но я просто хотела спросить, на каком языке вы пишете, – рискнула я. – Никогда не видела ничего подобного...

– Подержи свиток еще минуту, я закончу и расскажу, – попросил незнакомец, и его перо вновь отправилось в стремительный бег по листу желтоватой неровной бумаги.

«А бумага ли это?» – невольно задумалась я. Свиток был пергаментный, совершенно точно, я видела такие в дедушкиной библиотеке, но самой писать на таком материале мне не приходилось. Интересно, каково это? И почему незнакомец использует именно пергамент? А может, я выдумываю, и у него просто не очень хорошего качества бумага?

– Можно сворачивать, – сказал он, отбросив перо и посыпав свои записки песком. Так делал дедушка, хотя отец давно пользовался промокательной бумагой. – Оставь его на месте, хранитель уберет, когда явится.

Я послушалась. Очень хотелось убежать со всех ног, но теперь для этого мне пришлось бы обойти незнакомца, а он вряд ли позволит. Да и ведро не бросишь... Кажется, я поняла, что ощущают молоденькие служанки, когда их задерживают господа, в то время как хозяйка ждет исполнения приказа. Ужасно неприятное чувство: и послушаться не можешь, и знаешь, что влетит за задержку, но деваться все равно некуда...

– Платок я тебе не верну, – неожиданно произнес он.

– Ничего страшного, у меня еще есть, – ответила я. – Он, должно быть, все равно погиб.

– Почему? Вовсе нет. Просто я не предполагал снова увидеть тебя, тем более в библиотеке. Не носить же мне его у сердца в надежде на случайную встречу?

Я не нашлась что ответить. Лисса непременно придумала бы какой-нибудь колкий или смешной ответ, но, увы, – я не сильна в словесных дуэлях. Вернее, в воображении я могу вести блестящие беседы с язвительными и остроумными собеседниками, ни в чем им не уступая, но наяву теряюсь и не могу сразу найти подходящие слова.

– А ваша рука... – выдавила я наконец, чтобы не молчать.

– Почти в порядке, – усмехнулся он, дотронувшись до плеча. – Конечно, щит мне не придется держать еще по меньшей мере неделю, но в

том, к счастью, нет необходимости. Что до прочего... мой лекарь – настоящий чудесник.

– То есть чародей? – не удержалась я, вспомнив слова распорядителя.

– Конечно, – с удивлением посмотрел на меня мужчина. – Не думаешь же ты, что такая рана могла зажить сама собою меньше чем за двое суток? Меня недаром прозвали Железным, но я все-таки не герой древности: у них, рассказывают, даже отсеченные конечности отрастали после битвы!

– Что, даже головы? – не удержалась я, и он засмеялся, а потом сказал:

– В какой-то легенде героя разрубили на куски и разбросали их по всему свету, и все равно он ожил и натворил еще немало славных дел, так что не удивлюсь и такому повороту.

– Ни разу не видела чародея, – зачем-то сказала я.

– Неужели? Из какой же ты глуши, девушка?

– Вовсе не из глуши, – обиделась я. – До столицы меньше двух недель пути, и...

– И как же называется это дивное место, в котором никогда не видели чародеев? Даже деревенских?

– Гаррат, – ответила я, решив не обижаться.

Может быть, ему того и нужно? ПопадетсЯ какая-нибудь неуравновешенная девушка, оскорбится, услышав насмешливые слова о родном гнезде, наденет ведро с грязной водой ему на голову и за скверное поведение отправится домой. Откуда мне знать, может, наша предводительница смеялась не с подругой, а с таким же... провокатором?

– Никогда не слышал, – нахмурился незнакомец. – В какой это стороне?

– К северо-западу отсюда, сударь.

– А! Тогда понимаю – в ваших дремучих лесах, должно быть, новых людей видят раз в год, какие уж тут чародеи...

Настала моя очередь удивляться: назвать окрестности Гаррата дремучими лесами мог, наверно, только житель пустыни! То есть леса там были, конечно, но отнюдь не глухие: отцовские лесничие следили за вверенными им угожьями. Конечно, далеко на западе лес делался непроходимым, но в те места никто не забредал без нужды, разве только самые отчаянные охотники на редкого зверя.

– Покажи-ка на карте, – приказал вдруг мужчина и, не глядя, выдернул с полки еще один свиток. – Ну же, я жду!

– Боюсь, я не сильна в землеописательных науках, – сказала я, взглянув на карту, а это была именно она.

Признаюсь, я узнала очертания побережья, Великую реку, что течет с

запада на юг, восточные горы и... И больше ничего. Карта выглядела какой-то... пустоватой. Что это за значки? Вот тот, похоже, город. Судя по гербу – королевская резиденция, столица то бишь. Что обозначают черточки – болота или равнины? Или болота – это точки?

– К тому же, вы правы, сударь, – нашлась я вдруг, – Гаррат настолько мал и незначителен, что я вовсе не вижу его на вашей карте.

– Или она устарела... – пробормотал он и бросил свиток на место. – К слову, девушка, я веду себя непозволительно грубо, поскольку до сих пор не поинтересовался твоим именем. Нас не представляли, иначе я непременно запомнил бы тебя – не каждый день увидишь такую солнечную корону!

«Он о моей прическе говорит?» – удивилась я. Отправляясь прибираться, я снова заколола косу вокруг головы, и она действительно походила на старинный венец, а уж на солнце, наверно, полыхала огнем. Да уж, такую рыжину поди не заметишь...

– Гара-Тесса, сударь, – сказала я и поклонилась.

– Странное имя.

– Вовсе нет, самое обычное, – снова удивилась я. – Моих кузин зовут Лина-Делла и Лина-Лисса, они родом из Линдора, это совсем рядом с Гарратом.

– Дай угадаю: первая часть имени дана по названию ваших земель?

– Именно так, сударь.

– Мне встречался такой обычай именованья, – сказал он, – далеко на юго-востоке, там он распространен повсеместно. А поскольку названия там дают каждому хоть на что-то пригодному клочку земли, можешь представить, как пышно звучат имена даже распоследних бедняков, всех владений которых хватает разве что на выпас одной тощей козы?

– Пожалуй... – пробормотала я, теряясь в догадках.

Юго-восток? Там расположено союзное государство Аранат. Говорят, в незапамятные времена королевские предки пришли оттуда, может они и принесли с собой этот обычай, как и многое другое? Но в нашем королевстве не первый век дают детям двойные имена, так почему же этот человек удивлен?

– Твоему деду или прадеду не доводилось воевать при Эрдолане? – спросил он вдруг.

– Н-нет, сударь, никому из них никогда не приходилось сражаться, – покачала я головой. Что за Эрдолан такой? Нет, не вспомнить...

– Жаль... Я имею в виду: если они были в южном походе, то могли привезти оттуда такой обычай, и этим бы объяснилась странность твоего

имени. Но нет – значит, нет. Должно быть, он попал в ваши края другим путем, – улыбнулся незнакомец.

К слову, сам он представиться не пожелал. Или, может, предполагал, что я узнаю его с первого взгляда? Но... Нет. Я и короля не узнаю, даже если столкнусь с ним нос к носу, – я видела его только на парадных портретах, а еще во время шествия несколько лет назад, и то издалека. Но я тогда была еще ребенком, и мне больше запомнились наряды придворных дам и роскошные кареты, украшенные цветами и лентами, чем чьи-то лица!

– Ты спросила об этом, – сказал он, стряхнув песок со своих записей. – Все еще хочешь узнать ответ?

– Почему нет, сударь? Вы сказали, что это не колдовство, – осмелилась я ответить, – значит, бояться нечего.

– Тогда взгляни поближе. – Незнакомец взял меня за плечо и подтащил к себе. Я, наверно, слишком заметно съежилась, потому что он спросил: – Что с тобой, девушка? Ты ведешь себя так, будто я чем-то обидел тебя или напугал, но разве я причинил тебе какой-то вред?

– Н-нет, сударь, – выдавила я.

Не объяснять же, что даже находиться в одной комнате с ним для меня уже опасно! Не потому, что он может на меня накинуться и что-то сотворить, нет... Если нас застанут, огласки не избежать! И не докажешь, что я вовсе не желала стоять настолько близко к незнакомому и очень странному человеку...

– Тогда перестань дергаться, будто тебя каленым железом прижигают, – велел он. – Итак... Эти загадочные письма, которые ты видишь перед собой, не что иное, как дзейлинская скоропись.

– Какая?

– Дзейлинская. Не хочешь же ты сказать, будто вы в своих лесах никогда не слыхали о великой империи Дзейли, что лежит на самом дальнем северо-востоке? – неподдельно удивился он.

Я смогла только криво улыбнуться.

– Поразительно, в двух неделях пути от столицы – такая дремучесть... – пробормотал он, свободной рукой взъерошив густые волосы.

Сейчас свет падал так, что стало ясно: незнакомец намного моложе, чем показался мне на первый взгляд. Я поначалу решила, что ему... ну, быть может, сорок лет или даже больше, как отцу, но теперь видно было – наверно, нет и тридцати.

– Может, в ваших краях считают, что девицам ни к чему науки? – вдруг с подозрением спросил он.

– Вовсе нет! – возмутилась я.
– Ты хотя бы грамотная?
– Разумеется, сударь, и если вам угодно проверить...
– Мне угодно, – сказал он и, подумав, взял со стеллажа толстую книгу в окованном бронзой переплете, раскрыл и положил передо мной. – Прочти хотя бы строчку.

Я невольно залюбовалась затейливой буквицей, выполненной лазурью и золотом, но спохватилась и взгляделась в строки, написанные, похоже, от руки. Читать такой почерк было непросто, но я постаралась:

– В год... не могу цифру разобрать... отправился правитель... – Да что за имя-то такое, я его даже прочитать не могу, не то что выговорить! – Ла... Ларрандар? Отправился в поход... в те края, где солнце... солнце не заходит полгода. На север, что ли? И привез оттуда... богатства и... Не знаю такого слова...

– Достаточно. – Мужчина захлопнул книгу, едва не прищемив мне нос. – По меньшей мере, складывать буквы в слова ты умеешь и понимаешь прочитанное. И на том спасибо, а то я уже начал подумывать навестить ваши края и вразумить мужчин, которые считают, что женщине учиться ни к чему!

– Сударь, да ведь теперь неграмотного поди поищи! – не выдержала я. – Вот разве что охотники из лесных поселений читать не очень горазды, но и у них есть люди, которые растолковывают им написанное. И уж подпись свою все они ставить обучены...

– Интересно у вас там, в Гаррате, – без тени улыбки произнес он. – Нужно будет и впрямь наведаться... когда-нибудь.

– Рады будем видеть вас, – вежливо сказала я, хотя сомневалась, будто отец и тем более дедушка обрадуются такому гостю. – Сударь, вы начали говорить о скорописи, но не закончили.

– Да, верно, – кивнул он. – Смотри...

Я взглянула на лист: ровные строки на нем напоминали птичьи и звериные следы на снегу, иногда перемежаемые замысловатыми завитушками и росчерками.

– Каждый значок – это слово, – сказал незнакомец. – Не на нашем языке, конечно же, на дзейлини. Удивительно богатое наречие, хотя и сложное... Значение любого такого значка может измениться, достаточно добавить черточку или точку. Учить их письменность – сущая пытка!

– В самом деле?

– Если выбирать между настоящей пыткой и вот этим, – он стукнул согнутым пальцем по листу, – думаю, мало кто станет колебаться. Я не

стал. Хотя впоследствии не раз пожалел об этом: знаешь, каленое железо, муравьи, крысы, выедающие внутренности, – суцая ерунда по сравнению с дзейлинской грамматикой.

Я покосилась на него с опаской, но все же сказала:

– Однако вы, вижу, освоили их письмо?

– Да. Не скажу, что в совершенстве, но достаточно неплохо, – без тени бахвальства ответил он. – Главное, дзейлини позволяет делать заметки очень быстро, а кроме того...

– Их никто не поймет, кроме вас? – догадалась я.

– Именно, Гара-Тесса, – улыбнулся незнакомец. – И моего лекаря. Он приехал со мной из тех краев... и не устает корить меня за скверный почерк.

– А вы не опасаетесь, что он может оказаться шпионом?

– Что? О нет... – улыбка его померкла. – Инна-Ро не шпион. Он обязан мне жизнью, а я – ему. Для дзейлини такая связь священна.

– Все равно как у отца с сыном?

– Нет. Сын может пойти против отца, отец способен предать сына. Мы же навеки обречены заботиться друг о друге и спасать во что бы то ни стало... Да, спасать, – словно отвечая на какие-то свои мысли, произнес он. – Конечно, Инна-Ро – чудовищный брюзга, но он один из немногих людей, кому я могу доверять безоговорочно. Согласись, это важно?

– Конечно, – сказала я. – А он ведь еще и чародей...

– Колдовство – ничто, если разум темен и скуден, а к острому уму не прилагается способность мечтать, так он говорит. Правда, добавляет: главное, чтобы мечты не были бесплодными.

Я не стала спрашивать, что это означает, и так ясно. Можно сколько угодно воображать, как выйдешь замуж за короля, только цель от этого не приблизится. А вот если не только мечтать, но и делать все для достижения цели... ну, хотя бы тщательно вытирать пыль, раз уж Королевское Испытание состоит еще и в уборке, тогда, быть может, тебе и повезет.

– Что привело тебя в замок, Гара-Тесса? – спросил вдруг незнакомец.

– Мы с кузинами приехали на смотрины, – честно ответила я.

– Надо же, как интересно... И что ты, в таком случае, делаешь здесь в таком наряде?

– Я... ну... Это Королевское Испытание! – выпалила я и добавила по наитию: – Правда, никто нам не сказал, в чем оно заключается. Может быть, вы знаете, сударь?

– Знаю, конечно... – задумчиво ответил он.

– Но не скажете?

– Почему?

– Может быть, не полагается этого делать, и вы пытаетесь найти вежливый предлог для отказа? Я понимаю, сударь, и...

– Я просто гадаю, кому взбрело в голову устроить такое представление. Нет, не говори! – остановил он меня. – Я же лишусь половины веселья, если узнаю, чьих это рук дело! Правда, участницам забавы не до смеха, не так ли?

– Ну... – Я покосилась на свое ведро. – Это оказалось весьма неожиданно, сударь. Мы полагали, что оценивать станут наши манеры, образование и прочие добродетели, но никак не умение мыть полы и чистить хлева.

– Это-то как раз нормально для Испытания, – сказал он и присел на край стола. – Скажи спасибо, что тебя не пошлют в чумной барак ухаживать за умирающими. И посуди сама: много ли толку от изящных манер, когда, например, в замке совсем не осталось мужчин, не считая детей и немощных стариков? Кто-то ведь должен ходить за скотиной, кормить остальных и поддерживать порядок, так почему не хозяйка? Вернее, хозяйка обязана делать это в первую очередь – в отсутствие супруга ответственность за людей лежит на ней.

– Вот как... – произнесла я, потому что не придумала ничего умнее.

Зачем все это в наши времена? Я не могла вообразить ситуацию, в которой матушка с тетушкой оказались бы вынуждены сами стряпать еду на всех обитателей нашего замка или стирать белье на реке!

– Королевское Испытание состоит из трех этапов, каждый из которых может подразделяться на несколько других, – сказал вдруг незнакомец, и я обратилась в слух. – Не думаю, правда, что вас заставят пройти его полностью, хватит и части. Так или иначе, самый первый этап – смирение. Думаю, ты уже поняла его суть?

– Пожалуй, сударь... Выполнять грязную работу и не жаловаться – этого от нас добиваются?

– Не просто выполнять, а делать это с тем же усердием, с каким ты училась танцевать, чтобы блистать на балах, – поправил он. – Мало смириться с тем, что ты вынуждена мыть полы... или что ты делаешь этой тряпкой?

– Протираю пыль.

– Повезло. Так вот, Гара-Тесса, нельзя работать лишь для того, чтобы распорядитель отметил – такая-то выполнила всю порученную работу. Если ты станешь трудиться лишь ради заветной галочки напротив твоего имени в списке, ты не перейдешь ко второму этапу.

– Я не понимаю, сударь... – прошептала я. – Нам велели тянуть жребий, сказали, что каждые несколько дней станет меняться задание и те, с кем вместе мы должны его выполнять, вот и все. Еще добавили: оценивать будут всех, и если кто-то станет лениться и работать спустя рукава, то пострадают и другие...

– Нужно запретить это Испытание, – сказал он себе под нос, – для всех, кроме собственно королей.

Я едва успела прикусить язык, чтобы не сказать – ведь именно его величество пригласил нас сюда!

– Неважно, кто и что сказал, – добавил мужчина. – Оценивать будут не люди.

– Кто же? – голос у меня почему-то сел.

– Старая Птица, – ответил он, словно это было нечто само собой разумеющееся. – Этот замок. Если ты сумеешь отнестись к нему как к своему дому... Ты ведь не допустишь, чтобы в твоём Гаррате по углам катались клубки пыли, а окна заросли паутиной, даже если не останется слуг и придется взять дело в свои руки?

– Конечно же, нет!

– Так и здесь... Нет, – покачал он головой. – Трудно объяснить, Гаратесса. Можно выполнять задания так, что любой распорядитель расплатится от восторга: все кругом будет сиять, соринки не найдешь, но это будет мертвая чистота. Злая.

Я открыла было рот, чтобы спросить, что он имеет в виду, но догадалась сама. От злости можно много чего сделать, в том числе отдраить полы в целом замке и перечистить все серебро. Но без малейшего желанья, с отвращением даже, и... наверно, замок это почувствует? Эта самая Старая Птица, чем или кем бы она ни была?

«Вряд ли я смогу с радостью стирать белье в холодной воде, – подумала я. – Что ж, я знала – у меня нет шансов. Не очень-то и хотелось!»

– Старая Птица видит наши мысли и чаяния, – сказал вдруг незнакомец. – Сделанное напоказ ее не порадует. А какая-нибудь мелочь, исполненная от души, – дело другое. Больше я ничего не могу тебе сказать. И так уже наговорил лишнего...

– А почему – Старая Птица? – не удержалась я.

– И ты еще уверяешь, что Гаррат – не глушь? – засмеялся он. – Неужели там не слышали этой легенды?

– Н-нет...

– Что, и об украденном солнце не рассказывают?

– Я не слышала, – призналась я.

– Дожили... – пробормотал он. – Что ж... Сказитель из меня скверный, но если коротко, то дело было так: давным-давно Враг похитил солнце с неба. Сама понимаешь, чем это обернулось.

– Неужели нет!

– Многие пытались вернуть его, но... Кто не смог добраться до крепости Врага, кто погиб на подступах к ней или угодил в плен и умер в заточении. И так длилось до тех пор, пока не погибли все молодые и сильные. Остались старики, дети и женщины. Птица была, как понятно по имени, уже старой, но когда последний из ее детей не вернулся, решила – раз больше некому, значит, ей придется взять меч и идти за солнцем...

– Чем же она держала меч, если у нее крылья? – не удержалась я. – В лапах? А ходила как?

– Пришлось отрастить вторую пару лап, – усмехнулся он и накрыл ладонью вышитый на груди герб. Тут только до меня дошло, что под Старой Птицей он имеет в виду грифона! Ну конечно: у него и крылья, и меч в лапе! – Чего только не сделаешь, чтобы мир спасти. И она добралась до цели. Долго рассказывать, на это у хорошего сказителя несколько вечеров уходит. Главное – Враг был повержен, а солнце вернулось на положенное место в небесах.

– А Птица?

– Дожила свой век в окружении уцелевших внуков и правнуков, как подобает. Иначе от кого бы мы узнали о ее приключениях? У нее, знаешь ли, не было оруженосца!

– Никто не рискнул отправиться с нею вместе?

– Скорее уж, она никому не позволила следовать за собой. Старики, намного более дряхлые, чем она сама, задерживали бы ее, дети... ну кто же берет детей в такое опасное путешествие? – без тени улыбки произнес мужчина. – В память о Старой Птице мы, ее потомки, носим этот герб. Отвоеванное солнце всегда с нами. И меч – чтобы никто больше не посмел протянуть к нему руку... или даже лапу.

Только сейчас я поняла, чем меня так смущал этот герб. На королевском грифон опирался на щит, а меч держал острием вниз. На том же, что я увидела сперва на доспехах, а теперь и на тунике незнакомца, грифон воинственно воздевал оружие, а под свободной лапой у него был вовсе не круглый щит, как мне показалось, а... солнце. Кругом располагались не какие-то завитушки для красоты, а лучи, как их изображали на старинных гравюрах.

«Так это вовсе не особа королевской крови, – отлегло у меня от сердца. – Разве что отпрыск какой-то дальней ветви... Герб похож, но не

так уж сильно. И все равно непонятно, что же он тут делает!»

Расспрашивать я не рискнула, сказала лишь, чтобы не допустить неловкой паузы:

– Должно быть, страшно ей было...

– Неужели нет, – улыбнулся он. – Не за себя – за тех, кто остался дома.

– Понимаю: если бы с ней что-то случилось, их уже некому было бы защищать.

– Именно так. Она, правда, оставила с ними свое сердце, но оно может только светить и согревать любовью... хотя в темные времена и это немало, не так ли?

Я кивнула, полагая, что ответы на подобные вопросы не требуются.

– Говорят, – добавил он вдруг, – когда Старая Птица улетала на бой, она была совершенно седой. А вернулась в золотом оперении – это солнце ее поцеловало в благодарность за спасение.

– У нас тоже говорят про рыжих и веснушчатых – солнцем отмеченные, – вспомнила я.

– О, Гаррат исправился в моих глазах, – серьезно ответил он. – Хоть что-то у вас помнят...

– А этот замок, сударь? Испытание проводят именно здесь из-за Старой Птицы? – расхрабрилась я.

– Именно так. Говорят, в основании фундамента лежит ее гнездо. Легенда это или нет, но... замок не так-то прост. Он сам решает, кто достоин пройти Испытание, кто нет, а вовсе не распорядитель. Поэтому... тебе пора, Гара-Тесса. Думаю, у тебя еще много работы, да и меня ждут дела.

– Благодарю, сударь, – искренне сказала я и поклонилась, удостоившись недоуменного взгляда.

– Почему ты все время приседаешь?

– Я... У нас так принято кланяться, – нашлась я. – Я имею в виду, у женщин.

– Что за дикий обычай... – встряхнул он головой. – Сделай милость, не повторяй этого при мне.

– Как вам будет угодно, сударь, – с удивлением ответила я. Матушка очень гордилась тем, что выписала нам учителя из столицы, и тот обучил нас и танцам, и настоящим придворным поклонам.

– А теперь иди. Надеюсь, – он сдержанно улыбнулся, – жених стоит того, чтобы пройти ради него Испытание.

«Вот и я на это надеюсь...» – подумала я и выскочила за дверь, чуть не позабыв впопыхах ведро.

Глава 4

Я точно не успею справиться с работой в срок, вот что я поняла, открыв следующую дверь. Эта комната была кошмаром горничной – забитая мебелью, темная – светильники не спасали.

Недолго думая, я протиснулась к окну и, повозившись, распахнула ставни. В комнату ворвался ветер, и светильники погасли, ну да ладно! И без них светло – солнце поднялось уже высоко и било как раз в окно.

«Странно, в библиотеке оно будто бы стояло пониже», – мельком подумала я и взялась за дело.

Будь моя воля, я бы выкинула прочь половину обстановки. Вот эти дурацкие кресла, набитые конским волосом, к примеру, – обивка совсем вытерлась и кое-где потрачена молью и прогрызена мышами, сиденья продавлены, да и не подходят они к остальной мебели! Их я даже протирала небрежно, до того они мне не понравились. А вот массивный секретер я, каюсь, долго разглядывала, до того хороша была инкрустация перламутром на темном дереве! Она кое-где попортилась и осыпалась, но восстановить ее не так уж сложно. Только ставить такую вещь нужно в просторном кабинете, чтобы можно было и подойти без помех, и полюбоваться красотой отделки...

Здесь я провозилась изрядно, потом снова побежала менять воду, и на обратном пути едва не наступила на еще одну несчастную – она тщательно мыла лестницу.

– Простите, я не нарочно, – сказала я, увидев, что вода из моего ведра плеснула на уже вымытые ступени.

– Не страшно, высохнет, – ответила девушка, подняв голову, и я узнала принцессу Карадин. Голова у нее была повязана косынкой, юбка подоткнута, а тряпкой она орудовала с завидной сноровкой. – Идите же! Вижу, вы тоже... замешкались?

– Я... именно так, сударыня. Не предполагала, что протирать пыль – настолько хлопотное занятие!

– В следующий раз попробуете себя в мытье полов. – Принцесса выжала тряпку и поднялась на ноги. – Пойду и я за водой. В чане еще хоть что-нибудь осталось?

– Предостаточно, сударыня.

Она усмехнулась и ушла вниз по лестнице, а я подумала: может, далеко не все восприняли слова распорядителя всерьез? И вовсе не

стараятся? Считают, достаточно повозить грязной тряпкой, сделать вид, что заняты работой?

– Нет уж, – сказала я себе под нос. – Матушка всегда говорит: взялась, так делай как следует! Вот я и буду... как получится...

Не знаю, насколько хорошо у меня получалось, но к обеду я не успела закончить. Гул колокола, разнесшийся по всему замку, застал меня всего лишь в пятой по счету комнате. Что поделаться, пришлось идти умываться.

– Чудовищно! Просто чудовищно! – Лисса едва не плакала, расплескивая воду. – От меня до сих пор воняет птичником!

– Разве что самую малость, – приняхавшись, сказала Делла. – Что ты там делала?

– Сперва кормила этих ужасных птиц... Представляешь, петух меня клюнул! Клюнул! А гуси... это чудовища какие-то, а не гуси! – Лисса шмыгнула носом и продолжила: – А потом мы собирали яйца. И вот что я вам скажу: лучше уж искать их в кустах и крапиве, чем вынимать из гнезд в курятнике! Там... Ужас! Полей мне еще, Тесса...

– Ну, мне еще повезло, – вздохнула Делла и тут же чихнула. – Ковры, конечно, чудовищно тяжелые, и выбивать их – ужасная морока, но они хотя бы не клюются.

– А мебель не щиплет, – поддержала я и потерла синяк на бедре – ударились о выступающий угол стола. – Лисса, послушай... Ну послушай же!

– Что еще?

– Ты слышала когда-нибудь легенду о Старой Птице?

– Нет, – помотала она головой, так что полетели брызги. – Ты об этом замке? Я спрашивала других девушек, они понятия не имеют, почему он так назван.

– Ясно... а империю Дзейли знаешь?

– Первый раз слышу! Откуда ты это взяла?

– Увидела на старой карте, в одной комнате висела, – нашла я. – Наверно, это фантазия. Ну, как пишут «здесь водятся чудовища», если не знают, что там, за горизонтом...

– Наверно.

– А про битву при Эрдолане не читала? – не отставала я.

– Вроде бы знакомое название... – нахмурилась Делла. – Что-то такое... южное, кажется. Тоже на карте было?

– Нет, на картине. Она так и называлась, – пояснила я. – Ну, вы знаете: огромное полотно, кони, люди, звери какие-то, ничего толком не разобрать. И год не написан. Я и подумала, что если я не помню, то вы, может...

– Нет, это нужно смотреть в книгах, – покачала она головой. – Хм, интересно, а есть ли здесь библиотека?

– Должна быть, – уверенно ответила Лисса. – Тесса, ты не натыкалась?

Я только головой помотала. Скажи я о библиотеке, могла бы проговориться и о таинственном незнакомце, а рассказывать о нем мне вовсе не хотелось.

К тому же меня посетила такая мысль: что, если этот человек действительно какой-то королевский родственник? Вот только он... как бы это помягче выразиться... не в своем уме. Считает себя потомком Старой Птицы, рассказывает небылицы о далекой стране Дзейли и о несуществующих битвах при Эрдолане... И даже эта его скоропись – лишь порождение больного рассудка, обычные закорючки, в которых лишь он один способен увидеть какой-то смысл.

– Пойдемте, уже был второй колокол, – сказала Делла, и мы поплелись за ней в трапезную.

По пути я не переставала думать о незнакомце.

Наверно, его поселили здесь, чтобы не попадался на глаза остальным родственникам, подумала я. Может быть, ему нравится бывать в библиотеке, листать старинные книги, бродить по темным коридорам... Он как будто не от мира сего, сразу заметно. Одет странно, говорит тоже странно, не знает окрестностей столицы, будто никогда не покидал этого места!

Но почему же его не увезли на время проведения Испытания? Он не пожелал покинуть замок? Пожалуй, с таким и чародей не враз совладает, если он примется сопротивляться!

Скорее всего, он не опасен, решила я. Живет в своем выдуманном мире, в котором ему хорошо, вот и все. Он ведь был вежлив с незваной гостьей, не так ли? По-своему, но... Он действительно не причинил мне вреда! А что не подумал о правилах приличий... похоже, в его волшебной стране они совсем не такие, как у нас.

Лучше молчать о нем, вот что. Должно быть, с него взяли обещание не попадаться на глаза гостям, но он не удержался и пошел в библиотеку среди бела дня: не иначе, воображаемое войско с нетерпением ожидало полководца или же заморские послы – правителя, и ему нужно было уточнить что-то в книге и записать для памяти, только и всего.

Если я проговорюсь, его ведь могут наказать. Запрут где-нибудь понадежнее, раз уж его по какой-то причине нельзя отсюда увезти, и не выпустят, пока гости не разъедутся. И кто знает, что он успеет придумать, сидя под замком? Решит, к примеру, что его предали, что замок захватили

враги... И чем это закончится? Он выйдет на волю или даже найдет способ сбежать, возьмет оружие и примется очищать свой дом от врагов? Или...

– Тесса, как ты можешь есть эту дрянь? – услышала я страдальческий шепот Лиссы и опомнилась.

Оказалось, я успела уничтожить большую часть содержимого тарелки, даже не почувствовав вкуса. Сейчас, правда, распробовала: оно было недосоленным, а еще на зубах поскрипывал песок – похоже, овощи не слишком хорошо помыли. Да и куриная лапка с когтями и пара перышек, обнаружившиеся на дне тарелки, поубавили аппетита...

Судя по вымученным улыбкам нескольких девушек за соседним столом, эту трапезу готовили они. Им не повезло намного больше, чем нам с кузинами, вот что! И бабушка, и матушка сами спускались на кухню, чтобы приготовить какой-нибудь изысканный десерт или особое блюдо, не доверяя его служанкам, но вряд ли они знали, как состряпать обед на несколько десятков человек... А даже если и знали понаслышке, уж точно никогда не пробовали это делать.

«На кухне я точно опозорюсь», – подумала я и поболтала ложкой в неаппетитном вареве. Сильно проголодавшись, вот как я сейчас, можно и не такое съесть, но... Сомневаюсь, что у меня получится лучше. А если командовать опять станет наша предводительница, уверена, ничего путного у нас не выйдет.

«Смирение, сказал Грифон, – вздохнула я. Я решила называть незнакомца так: имени его я не знала, но надо же как-то именовать его в мыслях? – Что бы мне ни выпало в следующий раз, я постараюсь выполнить это хорошо. Даже если никогда не делала этого прежде!»

Почти все встали из-за стола голодными. Я видела, однако, что принцесса Карадин (как и несколько ее соседок по столу) мужественно одолела изрядную часть своей порции и даже нашла в себе силы поблагодарить стряпух. Мне хотелось последовать ее примеру, но я не успела – кузины увлекли меня прочь из трапезной. Может, оно и к лучшему: подумали бы еще, что я подлизываюсь к принцессе...

И одно только не давало покоя, не укладывалось в стройную версию о тихом сумасшедшем, обитающем в замке Старой Птицы: его рана. Откуда он возвращался среди ночи в окровавленных доспехах? И куда подевался его меч? В библиотеке я видела у него кинжал, а вот ночью при нем не было оружия! Во всяком случае, я не заметила.

Хотя... Возможно, это тоже часть его фантазий, и меч у него воображаемый. А рана... Можно неудачно упасть откуда-нибудь, напороться на ветку или камень – вот и все. Наверно, он воображал штурм

замка, взобрался на стену или дерево и не удержался... Да. Скорее всего, так и было. И доспехи не настоящие, не слишком-то прочные, и на плече у него всего лишь царапина, иначе как бы она, в самом деле, зажила за двое суток?

«Почему двое суток? – только теперь спохватилась я. – Еще и одних не прошло!»

Должно быть, Грифон попросту потерял счет времени. Ему что день, что неделя... ничего не меняется в его выдуманном королевстве.

Если честно, я ему даже немного позавидовала.

После обеда нас ждал короткий отдых, а затем прогулка под присмотром горничных. На наше счастье, хотя и вновь собрались тучи, дождь все не начинался, а потому мы хотя бы не промокли. И все равно в парке (какой уж там внутренний двор, территория замка оказалась намного больше, чем можно было предположить, глядя на него с фасада) мы в своих одинаковых черных плащах с капюшонами выглядели словно стая озябших галок. Они как раз раскричались в кронах голых деревьев, вот сравнение и пришло мне на ум. Правда, мы были намного более молчаливы: все старались держаться по двое-трое. Видимо, кто-то приехал вместе, как мы с кузинами, кто-то успел познакомиться здесь хотя бы с соседками по спальне. Изрядная компания имелась только у принцессы Карадин и еще двух девушек, включая ту самую брюнетку в зеленом, но это и понятно.

«Интересно, – подумала я, под руку с кузинами вышагивая по мрачной аллее, – а что Старая Птица подумывает о доброжелательности и, к примеру, взаимовыручке?»

В легендах такие качества обычно очень ценятся, но здесь... Сомневаюсь, будто кто-нибудь протянет руку помощи – все ведь стремятся преодолеть Испытание, и чем меньше останется соперниц, тем лучше, не так ли? Чего доброго, немного освоившись, девушки начнут пакостить друг другу. Это ведь совсем просто: можно разлить помои на чисто вымытый пол, опрокинуть корзину с бельем в грязную лужу, якобы нечаянно бросить что-нибудь несъедобное (да хотя бы высыпать горшок соли!) в котел с обедом... Да мало ли еще способов! Я и то могла с ходу придумать добрый десяток таких пакостей, а многие, уверена, куда более искушены в подобном.

Еще тетушка рассказывала о временах своей юности, о том, как они с сестрами соревновались в том, кто быстрее выживет из дома горничную – не потому, что та скверно прислуживала, а просто так, забавы ради. Я помнила кое-какие из этих рассказов и полагала, что и кузины их не забыли. И, вполне вероятно, могут пустить тетушкины ухищрения в ход...

хорошо, если не против меня. Оставалось только надеяться на лучшее и какие-никакие родственные чувства...

А может, ничего и не случится. Все-таки за нами пристально наблюдают, и подобные поступки не останутся незамеченными! Вот только... кто сказал, что за них осудят?

– Очнись, Тесса, – сказала мне Делла. – Ты будто спишь на ходу!

– Так и есть, я не выспалась, – вздохнула я. – Всю ночь мерещились какие-то ужасы: сама понимаешь, старинный замок, да еще такой зловещий...

– Это все твое воображение, – строго ответила она. – Замок как замок, запущенный, правда. Похоже, к нашему приезду тут отмыли только парадные залы, коридоры да несколько спален, а все остальное любезно оставили для нас!

– То ли еще будет, – жалобно произнесла Лисса и снова с подозрением принялась к своей руке. От кухни даже после мытья попахивало птичником, но мы с Деллой деликатно помалкивали. – Может быть, нам лучше...

Она не договорила, но мы прекрасно поняли ее и без слов: может, сразу отказаться от этого нелепого Испытания? Уехать из неудобного холодного замка в родной дом, рассказать об ужасах Испытания (приукрасив их, конечно же, чтобы впечатлить родных и домочадцев) и забыть о нем раз и навсегда? И о короле тоже: нет ведь никакой уверенности, что он выберет кого-то из нас, даже если мы сумеем преодолеть все тяготы и доберемся до заключительной части Испытания! А раз так, то чего ради терпеть лишения?

Но обсуждать это вслух мы, разумеется, не рискнули...

* * *

Вернувшись к себе, мы коротали время до вечера, сочиняя письма домой. Писать нам не возбранялось, но распорядитель сразу сказал, что запечатывать послания не нужно, их непременно прочтут. Очевидно, распространяться о подробностях Королевского Испытания не следовало, а раз так, то о чем писать? Мы живы, здоровы (во всяком случае, пока), вот и все. В конце концов, родителям будет достаточно этих строк для того, чтобы быть спокойными за нас, чего же еще желать?

Мое письмо получилось до неприличия коротким, и я, положив его на прикроватный столик, сказала кузинам, что прогуляюсь перед ужином.

– Ты в парке не нагулялась? – фыркнула Делла, кутаясь в плащ и натягивая рукава на ладони.

Наш гардероб сделался богаче: Ина принесла нам смену белья и повседневные платья – черные и коричневые, можно было даже выбрать, такая щедрость! Теперь от горничных мы отличались разве что отсутствием передников. Впрочем, цвет и фасон нас уже не слишком заботил, главное, платья были теплыми, из толстой шерсти – ужасно колючей, по мнению Лиссы. Вязаные чулки и вовсе возмутили ее до глубины души – в них нога не помещалась в туфли, а без них было, мягко говоря, зябко.

Впрочем, обувью хозяева замка тоже озаботились: со всех нас сняли мерки и обещали вскорости обеспечить прочными башмаками. И то: мы как-то не рассчитывали ходить на речку и в хлев! Дорожные же ботинки вряд ли бы продержались долго: они все-таки рассчитаны на путешествие в карете!

Сегодня в комнате было намного холоднее, нежели вчерашним вечером: не иначе, топить печи тоже послали девушек, а делать это без сноровки не так-то просто. У нас дома печами и каминами занимался опытный старик, и я не раз слышала, как он распекает молодых слуг – то они не так сложили поленья, то подбросили слишком много дров, то слишком мало, то сунули в топку сырое дерево, задымив все покои, то слишком рано закрыли вьюшку... Целая наука, и я подумала, что, быть может, с этим делом мне удастся справиться хоть сколько-нибудь хорошо? Ох, вряд ли... Дома я любила сидеть на ковре у камина и смотреть, как танцуют язычки пламени на головнях, словно сказочные духи пламени. И мне доверяли подложить полено в огонь или осторожно поворошить угли кочергой – тогда летели красивые искры... Но вот растопить незнакомую печь – это может оказаться не так-то просто.

«Нечего загадывать, – сказала я себе, выйдя в коридор, – что будет, то и будет. Не то ты со своим воображением напугаешься прежде, чем получишь следующее задание, да так, что от страха вообще ничего не сумеешь сделать. Довольно думать об этом! Лучше вспомни о том, что не закончила сегодняшней урок!»

Слова распорядителя не давали мне покоя: если не сделаешь чего-то сегодня, придется заканчивать завтра. А ну как меня отправят на птичий двор? Тогда я точно не улучу времени, чтобы вернуться к треклятой пыли! Но сейчас мне совершенно нечем заняться, так почему бы и не прогуляться наверх и не завершить начатое, благо ведро и тряпку я оставила там – еще тогда подумала, что, может, после обеда вернусь...

Сказано – сделано.

Наверху было темно, только в коридорах тускло горели светильники, но заблудиться там сложно, и я живо отыскала нужную дверь. И ведро, да, когда споткнулась об него в темноте и ушибла палец на ноге. Спасибо, воду не расплескала!

Пришлось ощупью найти светильник в комнате (хорошо, я еще днем запомнила, где он находится), зажечь его от огонька в коридоре, осветить всю комнату, а потом уж заниматься делом. Удивительно, но теперь у меня получалось намного лучше и быстрее... Впрочем, чему удивляться? Когда не выполняешь какое-то действие бессмысленно, а знаешь его смысл и цель, хотя бы в общих чертах, то работа спорится.

Взять хотя бы прописи: будучи ребенком, я терпеть не могла вырисовывать палочки и закорючки, ставила кляксы и рвала тетради, пока дедушка не снизошел до меня и не объяснил: без этих закорючек я никогда не научусь писать красивым почерком, как у него, не смогу вести переписку с родственниками, подругами и важными людьми, а вдобавок неграмотную никто не возьмет замуж – это ведь позор, чтобы знатная девица не умела держать перо в руках! О замужестве я тогда не думала, а вот позориться перед родней не желала, особенно перед кузинами – Делла ведь уже умела писать, пусть и коряво.

К тому же я сама сообразила: кроме писем, которые мне пока что некому отправлять, можно ведь записывать свои фантазии, чтобы не позабыть! Правда, прятать такие записки приходилось чрезвычайно тщательно: если бы кузины их нашли и прочли, то непременно разболтали бы, а это... Мягко говоря, очень неприятно.

И я придумала свой собственный язык – теперь никто не сумел бы разобраться в моих рассказах! Правда, давно уже ничего не писала на нем, но еще не позабыла, какая закорючка что означает...

«Придуманый язык! – сообразила я. – Совсем как у Грифона... Он, наверно, тоже хорошо помнит, как изменится значок в этой его скорописи, если к нему добавить точку или черточку».

Работы оставалось всего ничего, и, наверно, если бы утром я не разговорилась с Грифоном, то успела бы до обеда. Закончив, я направилась вниз, а по пути не удержалась – толкнула дверь библиотеки.

Увы, дверь была заперта. Жаль... Я хотела что-нибудь почитать: из дома взяла только две книги, самые любимые, которые могла перечитывать вновь и вновь, но этого ведь мало! Наверно, Грифон не рассердился бы, если бы я выбрала что-нибудь занимательное? Да хотя бы описание империи Дзейли или какой-нибудь войны, а лучше того – легенды и

сказания. И почему я не додумалась спросить у него разрешения? Может, он сам выбрал бы что-нибудь не слишком сложное (вряд ли я много пойму в военном трактате), но занимательное...

«Раньше нужно было думать», – сказала я себе и пошла прочь. Должно быть, те, кому поручено было присматривать за Грифоном, обнаружили его отсутствие. Не сомневаюсь, он умел обманывать бдительность надсмотрщиков, то есть чрезмерно преданных подданных, следующих за ним по пятам. Возможно, в самом деле заперли его от греха подальше. И библиотеку тоже закрыли – незачем посторонним шарить по полкам и хватать дорогие старинные фолианты!

«Странно, – подумала я. – Замок ведь действительно запущен. Кое-что привели в порядок, но... неужели за библиотекой настолько тщательно следили, что ни одна книга не пострадала от сырости?»

Я припомнила: переплеты отнюдь не выглядели покоробившимися и тем более заплесневелыми, страницы в той книге, что положил передо мной Грифон, не склеились и не пошли пятнами, чернила не поплыли, а бронзовый переплет не позеленел. Книга была потертой, словно ею часто пользовались, но вовсе не собиралась рассыпаться по страницам.

«Может, и следили, – решила я. – Если эта библиотека – постоянное прибежище Грифона, то ничего удивительного нет. Он ведь хочет видеть в ней порядок, потому там и пыли нет, и...»

Там окна застеклены, вспомнила я. Большие окна в человеческий рост. Когда я вошла, библиотека была залита светом, но в ней было тепло, ниоткуда не сквозило, как в любой другой комнате замка с распахнутыми ставнями.

И стекла в рамах были вовсе не мелкие, иначе я обратила бы внимание на частый переплет – от него и тени падают заметные, и света в помещение попадает меньше.

«Ты обратила бы внимание, ну конечно! – сказала я сама себе. – Ты же ничего не замечаешь у себя под носом! И суток не прошло – сообразила, что именно увидела...»

И все-таки, до чего странно! Я еще не видела здесь стекол в окнах. Может быть, в господских покоях есть нечто подобное, но там я не бывала. И окна везде узкие, с выступающими наружу подоконниками – дедушка объяснял, это для того, чтобы пущенная снизу стрела не попала, если тебе вздумается высунуться. А настолько маленькие они ради того, чтобы человек не пролез, если замок станут штурмовать и приставят лестницы. Если окно чуть побольше, то на нем непременно окажутся прочные решетки, намертво вмурованные в каменную кладку, – их я видела, к

примеру, в трапезной на первом этаже.

Этот замок был настоящей крепостью, и увиденная мной библиотека... Она словно из другого места!

Но я ведь не могла ее выдумать! Я прекрасно помню большие прямоугольники света на каменном полу, редкие пылинки, кружащиеся в солнечных лучах, блеск начищенного канделябра на полированном столе...

Как ни старалась, я не могла придумать этому объяснения. Правда, спросила у Ины, когда та пришла после ужина и принесла воду для умывания:

– Скажите, а в замке есть библиотека? Хотелось бы почитать перед сном...

– У тебя еще есть на это силы? – фыркнула Делла, но я не обратила на нее внимания.

– Нет, сударыня, – отозвалась горничная. – Вернее, зал остался – он в другом крыле, – но все мало-мальски ценное оттуда вывезли много лет, если не веков, назад, а то, что осталось, сгрызли мыши. Боюсь, книги у нас здесь остались только счетные.

Я вспомнила толстые тома у распорядителя и вздохнула.

Как же так? Неужели мне действительно померещилось? Но это было словно наяву... Может быть, Старая Птица решила пошутить надо мной? И как знать, не видели ли чего-нибудь подобного другие девушки?..

Глава 5

День тянулся за днем, и вскоре я поняла, что Делла права. Какое уж там почитать перед сном: упасть бы и забыться!

У нас болели колени, спины и плечи, а во что превратились руки, лучше даже не описывать. Лисса плакала по вечерам, рассматривая огрубевшие ладони и коротко обрезанные ногти – она так гордилась их длиной, нежным цветом, блеском и совершенной формой.

– Да ведь если после этих пыток они и впрямь решат оценить наши успехи в изящных искусствах и велют... хотя бы сыграть на клавироне, как мы станем это делать? – вскричала она однажды, а я только вздохнула.

В игре на музыкальных инструментах я уступала кузинам, хотя, конечно же, не опозорилась бы и за клавироном, и с лантой в руках, но Лисса была права – пальцы утратили былую чувствительность, и теперь ничего не стоило взять не тот аккорд или промахнуться мимо струны. И, наверно, если письма наши действительно отправляли домой, то родные удивлялись изменившемуся почерку...

– Можно подумать, они поставили себе целью изуродовать лучших девушек королевства, а не выбрать из них достойнейшую! – сердито произнесла Делла и шмыгнула носом.

Близилась зима, а лучше топить не стали. Я ошиблась: столь важное дело нам не доверяли, здесь были свои истопники, и им, похоже, приказали беречь дрова. С другой стороны, только на нагрев воды, чтобы отмыть всех девушек после работы, этих самых дров уходило немало, так что бережливость можно было понять.

Ну а таскали воду теперь мы сами. Помню, я едва не надорвалась, попытавшись поднять полное ведро. Что ж, пришлось носить по половинке. Так было дольше, конечно, но если не мешкать, то ничего, не страшно.

Вот на кухню я до сих пор не попадала. Многое пришлось переделать, и далеко не со всем я справлялась так, чтобы не было стыдно, но хотя бы позориться со стиркой не довелось. Впрочем, я знала, что рано или поздно меня не минует это назначение: когда отпустил первый испуг и удивление, я начала следить за остальными и записывать, кто уже побывал на каких работах и как долго ими занимался.

Выходило, поблажек не делали никому: та же принцесса Карадин вчера, к примеру, стирала на речке (я до сих пор вспоминала это с ужасом).

Приходилось, конечно, вычеркивать выбывших, а их становилось все больше и больше, ряды наши заметно поредели. Кто-то уходил тихо – их просто недосчитывались поутру за завтраком, кто-то со скандалом – вчера же одна девушка вдруг разрыдалась посреди двора, швырнула корзину с выстиранным бельем наземь и закричала, что она, наследница знатного рода, не желает терпеть подобное унижение... Конечно же, ее желание мгновенно удовлетворили – мы видели, как отбыла неприметная карета, одна из тех, в которых развозили по домам не прошедших Испытание.

– Может, попросимся домой? – жалобно произнесла Лисса, дуя на озябшие пальцы. – Что скажете, девочки? Мы и так очень долго продержались! Скольких уже нет?

Прозвучало это довольно-таки зловеще.

– Почти половины, – ответила я. – Но сама подумай: мы действительно столько терпели, осталось совсем немного!

– Откуда ты знаешь? – нахмурилась Делла.

– Записываю и считаю, я же вам говорила. Все должны испробовать каждую работу, понимаете? У вас вообще осталось по одному назначению, а у меня... – Я не удержалась и досадливо вздохнула: – У меня два.

– Почему так? – не поняла Лисса.

– Чем больше девушек куда-то отправляют, тем меньше времени дают, – пояснила я. – Считают, наверно, что так будет быстрее, но...

– Но кое-что я лучше бы одна сделала, чем кое с какими персонами! – гневно фыркнула Делла.

– Вот именно. Словом... может, еще подождем?

– Ну... пожалуй, – согласилась Лисса, задумалась и тут же оживилась. – О, так выходит, я буду мыть полы! Я еще этого не делала! А Делла... Делла – пыль вытирать, ты с этого начинала, Тесса! Ха-ха, это же совсем легко!

– Да уж, вспоминаю с тоской, – усмехнулась я.

– Раз так, то и впрямь нечего жаловаться, – сказала Делла. – Подождем. Правда, может оказаться, что потом нам придумают занятия похуже, но...

– Куда уж хуже?! – воскликнула Лисса. – От меня до сих пор несет навозом, а ведь уже неделя прошла, и я уже сколько раз вымылась... и платье выстирала!

– Тебе кажется, – невозмутимо ответила та. – Это нервы.

– Дедушка говорит, у служанок не бывает расстройства нервов, – ввернула я, – потому что оно случается исключительно от безделья.

– О, в таком случае выходит, его величество желает удостовериться,

что его будущая невеста ничем подобным не страдает, – усмехнулась Делла.

– Вот ведь странно, – сказала вдруг Лисса, наматывая темную пряжу на палец. Волосы цеплялись за шершавую кожу, и она недовольно поморщилась.

– Что именно?

– Я же помню тех, которых исключили. Вот была такая Вита-Ранна, ну... чуть повыше меня ростом, с родинкой на щеке, я еще думала, это мушка...

– Ну и?..

– Она всегда очень старалась, – ответила Лисса. – Даже плакала, если чего-то не успевала. И шла доделывать после прогулки или даже после ужина, если могла. Но ее выгнали, а я... Ну, кое-что у меня совсем не получилось, правда! Я ужасно боюсь птиц, а эти мокрые простыни такие тяжелые, а вода просто ледяная!.. Словом, наверняка я очень плохо стирала, но... Я все еще здесь.

– А я не справилась на кухне, – призналась Делла. – Это был суший кошмар. Все так суетились, что только мешали друг другу, а мне не хватило решимости на них прикрикнуть. Я подумала: вдруг мне только кажется, что я знаю, как лучше, а на самом деле совсем все испорчу? Ну вот... вы помните, что получилось.

– Да, это действительно было ужасно, – вздохнула Лисса, а я кивнула и добавила:

– У меня тоже не задалась стирка. А когда гладили, я прожгла несколько вещей... Утюг неподъемный, а дышать в гладильной просто нечем, голова идет кругом!

– Словом, не понимаю, по какому принципу исключают претенденток, – завершила мысль Лисса. – Тесса? Может, ты сообразишь?

Я покачала головой. Не говорить же им о том, что решение принимает Старая Птица! Кузины меня на смех поднимут, припомнят все мои детские выдумки... Лучше уж промолчать.

– Вероятно, некая система отбора существует, просто мы ее не знаем, – произнесла Делла. – Думаю, смотрят не только на умения претенденток, но и на их поведение, старание и... м-м-м...

– Взаимодействие с другими? – подсказала я.

– Да, пожалуй. Кто-то сразу берется командовать, как Тина-Санна...

Я кивнула – так звали брюнетку в зеленом.

– Кто-то, наоборот, подчиняется, кто-то, может быть, толком ни на что не способен, но подбадривает остальных, а у кого-то, – кузина покосилась

на меня, – лучше получается действовать в одиночку. Все это имеет определенное значение. Может быть, нам выставляют оценки по каждой позиции, а потом считают... право, не могу предположить!

– Очень похоже на правду, – кивнула Лисса. – Сперва уберут склочных, ленивых, вовсе уж безруких и тому подобных, а затем... О, я надеюсь, затем мы сможем проявить себя во всем блеске!

– Конечно, как только отмоемся от навоза, – ядовито улыбнулась Делла, – и приведем себя в порядок.

– О да, с такими руками я не могу показаться на люди! Согласись, Тесса, это ужасно выглядит?

– У меня еще хуже, – показала я свою руку. Недавно я исцарапалась в кровь, и ранки еще не зажили. – А у Деллы губы потрескались и нос обветрился.

– В любом случае, – заключила та, быстро ощупав его, – раз решили, будем ждать. Даже интересно, что с нами будет дальше...

В этом я была с ней совершенно согласна, вот только очень хотелось домой.

Уже скоро зимние праздники, а мы, похоже, не увидим родных, не получим подарков, не подарим их сами и не сможем повеселиться как следует в самую длинную ночь года... Ну, если нам не накроют столы в трапезной и не велят половине девушек приколоть к груди зеленую ленточку и танцевать за кавалеров. А если поровну поделиться не удастся – ведь до той поры непременно исключат еще кого-нибудь – что ж, кому-то придется меняться ролями. Это могло бы быть даже весело (если у нас не случалось гостей, мы с кузинами развлекались именно так и танцевали друг с другом), но только не в такой мрачной обстановке!

* * *

Наутро меня и еще двух девушек ждали конюшни. Они здесь были небольшими: в одной содержались верховые кони для господ и гонцов, в другой – упряжные, в третью ставили лошадей гостей. Разумно, в общем-то: мало ли, какую заразу могут завезти путники, особенно если у них наемные экипажи...

Я полагала, что втроем будет проще выгребать навоз: ведь если братья за ручку ведра вдвоем, оно не кажется таким тяжелым! Двое носят, третья выгребает, потом меняемся... Увы, меня не стали слушать. Тина-Санна – мне не повезло угодить в ее компанию – фыркнула и заявила, что и

в одиночку справится, но если мы с Ода-Леттой на это не способны, то вполне можем работать вместе, а она потом придет и поможет. Летта – она была довольно бойкой, но рядом с Санной не тушевалась разве что принцесса Карадин – взглянула на меня, виновато улыбнулась и ушла к средней конюшне, а я отправилась к крайней слева.

Лошадей, к счастью, заранее вывели конюхи – наверно, выпустили в загоны, – иначе не представляю, как бы мы справлялись. Я умею ездить верхом, но одно дело – сесть в седло хорошо выезженной, послушной лошади, когда тебя подсаживает слуга и рядом всегда есть кто-то, готовый прийти на помощь, и совсем другое – справиться с каким-нибудь тяжеловозом со скверным нравом! Я видела этих коней – у них копыта больше моей головы, наступит нечаянно – можно прощаться с ногой. А если такой играючи мотнет мордой, когда я попытаюсь надеть уздечку, я же просто улечу!

Говорят, лошади хорошо чувствуют страх и неуверенность, потому их нам и не доверили. Или, вернее, побоялись, что они нас покалечат, пускай даже не нарочно. Нам-то от этого легче не станет...

К слову, до сих пор в замке никто не пострадал, хотя я очень этого опасалась. Запросто можно было поскользнуться на мокрых ступенях, обвариться кипятком из котла, уронить на себя горячий утюг, свалиться в колодец или реку... Но нет, все обходилось ушибами и ссадинами. Не иначе, Старая Птица ворожила: вряд ли бы ей понравилось, если бы в гнезде кто-то погиб глупой и нелепой смертью!

Такие мысли помогали хоть немного отрешиться от непередаваемого аромата навоза. Теперь я понимала Лиссу... Мойся не мойся, а мерещиться этот запах будет еще долго. «Но ничего, – утешала я себя, – навоз не самое страшное. У тебя впереди еще кухня».

Хорошо, что там не будет Тина-Санни: она уже попотчевала нас отменным обедом – все встали из-за стола голодными. Спасибо, завтрак и ужин были нормальными, иначе мы поумирали бы от истощения – почти ни у кого не получалась хоть сколько-нибудь съедобная стряпня. Наверно, если бы кухонная работа была постоянной, девушки приспособились бы, поняли, как готовить правильно, но много ли освоишь за два-три дня? Да еще постоянно ругаясь друг с другом – каждая ведь знала или думала, что знает, как будет лучше! Ну, это если не находилось командира вроде Тина-Санни, бравшего всю ответственность (и неизбежный позор) на себя...

Я вынесла еще несколько ведер – тоже таскала по половинке, как и воду, подышала свежим морозным воздухом и снова взялась за вилы. Вот ведь!.. Конь – благородное животное, а навоза от него не меньше, чем от

какой-нибудь скучной коровы!

Дверь за спиной открылась и закрылась, процокали по каменному полу лошадиные копыта, и я сказала, не разгибаясь:

– Рано еще, я не...

– Ты меня подкарауливаешь, что ли? – весело ответил знакомый голос, и я все-таки выпрямилась и обернулась.

Это был Грифон, совершенно такой же, каким я его запомнила с той самой встречи в библиотеке. Разве что одет он был иначе, для выезда, и только герб на плече сиял по-прежнему даже и в полумраке конюшни.

Под уздцы он держал рослого рыжего коня – тот все норовил ухватить хозяина за ухо, а Грифон отталкивал его морду ладонью. Видно было, что игра привычна, и оба получают от нее большое удовольствие.

– Вовсе я не подкарауливала, – сказала я, невольно позавидовав им: носились на вольном воздухе в свое удовольствие, а теперь станут отдыхать.

И все же хорошо, что Грифона не заперли. Вот только почему выпустили днем, когда его может увидеть кто угодно? Вряд ли он сбежал, ведь за конюшней хорошо смотрят, так как же...

– А почему ты постоянно попадаешься на моем пути? – живо спросил он.

– Просто совпадение. Сударь, я не знаю, где конюх, и...

– Не нужно мне конюха, – поднял он руку. – Этот мерзавец только меня и признает, так что будь любезна, дай дорогу. Я сам им займусь.

– Только вас? – удивилась я, посторонилась и оперлась на вилы. – А если... ну... Мало ли что может случиться...

– Есть, конечно, кое-кто, кого Луч к себе подпускает, пускай и после долгих уговоров. Но пока я держусь на ногах, предпочитаю сам заниматься своим другом, – серьезно ответил Грифон и дернул рыжего за длинную челку. Тот в ответ схватил его зубами за рукав, пожевал и выпустил с довольным видом. – А ты, я вижу, держишься? Я так и думал, что ты не сдашься! Где это видано, чтобы отмеченные солнцем страшились трудностей?

– Мои кузины тоже не сдались, – сказала я. – Младшая, правда, предлагала попроситься домой, но потом согласилась потерпеть – немного осталось.

– Почему ты так решила? – Грифон замер с седлом в руках.

Я объяснила, как пришла к таким выводам, и он кивнул.

– Верно, со смирением вам скоро предстоит распрощаться.

– Даже не хочу предполагать, с чем нам придется попрощаться! – не

выдержала я и поддела вилами клок грязной подстилки.

– С разумом, – ответил он. – Что так смотришь? Ты им вроде бы не обделена, поэтому бояться нечего.

– Но что это означает, сударь? Какие-то... загадки, задачи?

– Всегда разное, – уклончиво сказал Грифон, достав откуда-то скребницу. Я не увидела, откуда: то ли из одной ему известной ниши в стене, то ли с притолоки – с его ростом даже тянуться не нужно было. – Разум и есть разум. Не чувства. Это все, что я могу тебе сказать, и вовсе не потому, что не желаю, а просто... – Он развел руками и едва увернулся от очередной лошадиной атаки. – Невозможно предугадать, как решит испытать вас Старая Птица на этом этапе.

– Втором? – зачем-то уточнила я.

– Да. Я был прав, видишь?

– В смысле?

– Я сказал, что этапы могут подразделяться на несколько других, помельче. Ваш жених не хочет терять времени понапрасну, – пояснил он. – Что ж, могу его понять, хотя...

– Вы заставили бы девушек пройти полное Испытание? – спросила я.

– Я бы вообще не стал его назначать, – ответил Грифон. – Это же не обязанность, а право. Как бы объяснить... Если тебе нужно жениться во благо короны, кандидатур кругом хоть отбавляй, но сердце не лежит ни к одной, тогда Испытание становится наилучшим выходом. Оно покажет наверняка, какая из девушек станет достойной супругой, верным другом и надежной опорой. Заметь, – добавил он, – о любви речи не идет.

– Как и обычно в браках высокопоставленных особ, – пожалала я плечами. Нашел чем удивить!

– Но если ты уже выбрал, то Испытание ни к чему, – закончил Грифон.

– А вдруг избранница не прошла бы его?

– Вот поэтому и не нужно проверять, – ответил он и нахмурился. – Или – или, Гара-Тесса. Или ты веришь себе – и неважно, из любви ты предпочел эту девушку или по расчету, – или Испытанию. Третьего не дано. Конечно, любовь может развеяться без следа, расчет оказаться неверным, а Испытание – не ошибается, но... – Грифон вздохнул. – Решать опять-таки тебе.

– Интересно, существует ли Испытание для мужчин? – вслух подумала я, и он засмеялся. Луч ответил ему коротким ржанием.

– Ему без разницы, юбку ты носишь или штаны!

– Вот на это бы я посмотрела, – мечтательно произнесла я. – Интересно, что в него входит? Должно быть, умение ездить верхом?

Сражаться?

– Чистить навоз тоже бы заставили, – усмехнулся Грифон и, обняв коня за шею, посмотрел на меня. – И заниматься многими другими унижительными для мужчины делами. Те, кто способен лишь красиво держаться в седле и недурно владеть мечом, вряд ли прошли бы даже первый этап.

– А вы? – не удержалась я.

– Напекаешь на то, что я мог бы по-рыцарски забрать у тебя вилы и закончить работу? Нет, Гара-Тесса, прости – не могу. Не потому, что не умею, просто не имею права. Да и ты мне спасибо за помощь не скажешь: вряд ли тебе хочется отправиться домой, когда уже так много осталось позади...

– Я вовсе не это имела в виду, сударь, – сердито ответила я и принялась за дело. Не то опять заговорюсь с ним, а держать конюшню пустой до ночи никто не станет!

– Не сердись, – попросил он и снова принялся орудовать скребницей. – Расскажи лучше, какое задание оказалось самым сложным?

– Сложно решить... – Я вздохнула. – Каждый раз думаешь: о нет, ничего хуже и быть не может, но... Знаете, стирать на реке было просто ужасно. Я упустила простыню, пришлось бежать за ней по берегу и вылавливать из воды – она зацепилась за куст. Как я не переломала ноги на камнях, ума не приложу! И хорошо еще, что течение не быстрое, иначе я бы ее не догнала...

– Да, летом речка мелеет, – кивнул он, а я вздрогнула. Уже зима на дворе!

– Весной она, должно быть, бурно разливается? – осторожно спросила я, напомнив себе, что Грифон живет не в реальном мире, а в своем, вымышленном. И даже если он только что был снаружи и ездил верхом, глядя на унылые голые деревья, ничто не мешало ему воображать зеленые кроны, ясное синее небо над ними и жаркое солнце в зените.

– Да, тогда к ней даже мужчинам подходить опасно, – кивнул он. – Я, пожалуй, еще рискну отправиться на другой берег, но кому-то другому не посоветую. Да и зимой... Затянет в полынью – не найдут, бывало такое. Коварная речка.

– Вот как... – Я кашлянула и продолжила: – Нынешнее мое занятие вы сами видите. И ощущаете... ароматы.

– Подумаешь, – сказал Грифон. – Доводилось мне обонять кое-что похуже.

– Колоть дрова мне тоже не понравилось. Топор все время завязал в

колоде – не могу ударить как следует, даже и с хорошим замахом. Я видела, как работают дровосеки, – пояснила я, когда он недоуменно взглянул на меня.

– Верно, Гаррат ведь расположен в лесной глуши! И как это я позабыл?

– А бить поленом оземь, чтобы высвободить топор, тоже я не могла, – продолжила я, не обратив внимания на его насмешку, – оно слишком тяжелое, сил не хватает. Но я придумала, как быть: ударяла другим поленом по обуху, пока первое не раскалывалось. Но это было ужасно долго...

– И все же ты сумела это сделать, – без улыбки ответил он.

– Да, но... Я думала: если бы это было не Испытание, а мне нужно было бы поскорее наколоть дров, чтобы согреть... не знаю, больных или раненых? Детей и стариков? Пока бы я возилась, они успели бы замерзнуть насмерть!

– Зато ты сама согрелась, – сказал он, и я от неожиданности со скрежетом провезла вилами по каменному полу.

– Это вовсе не смешно, сударь!

– Разве я смеюсь?

Я помолчала. Спорить с ним не хотелось – все-таки человек не в себе, мало ли что взбредет ему в голову? Но и молчать не годилось: он явно ждал продолжения.

– Из самого ужасного осталась стряпня, – сказала я наконец.

– Неужели ты не умеешь готовить? – Грифон поднырнул под лошадиной шеей и оказался вплотную ко мне.

– Я... ну... – Я отвела взгляд, потом созналась: – Не умею. То есть... Конечно же, я знаю рецепты и могу проследить, чтобы все делалось как положено! Матушка говорила, это важно, иначе всякая служанка сможет обмануть... Но самой мне никогда не приходилось готовить ничего сложного, я только наблюдала!

Я поняла, что оправдываюсь невесть за что, и умолкла.

– Дай угадаю, – сказал Грифон и улыбнулся. – Ты опасешься накормить товарок чем-нибудь похуже того, что состряпали они сами?

– Именно так, сударь. Откуда мне знать, как готовить обед на два десятка человек? Как все это делать? Я видела, как потрошат птицу, но сама... не знаю, смогу ли повторить. – Тут я вспомнила сиротливую когтистую лапку в своей тарелке и невольно улыбнулась. – Словом, будет очень обидно опозориться. Я и так-то не блистала, но хотя бы никто не видел, как я мучилась с дровами... или вот теперь...

– Ладно, – помолчав, произнес Грифон, оглянувшись и подался ближе ко

мне. – Послушай-ка...

Странное дело, от него пахло не только лошадиным потом и (что уж скрывать) его собственным, кожей и металлом, но еще и разогретым солнцем летним лугом, словно он долго лежал в траве... Какой-то невзрачный цветок запутался в волосах, а к воротнику прицепился репей. Конь тоже заметил его и с аппетитом сжевал.

– В чем дело, сударь? – Мне хотелось попятиться, но было некуда.

– Открою тебе страшную тайну, – прошептал он. – Мне доводилось стряпать в походе на весь отряд.

– Ужасно, – сказала я. – Это и есть ваша тайна?

– Да нет же! Кто об этом не знает... Я про другое. Слушай внимательно и запоминай: прежде всего налей в котел воды и разведи огонь, а потом...

Я выслушала его, потом спросила недоверчиво:

– Что, и это все?

– А ты чего хотела? Колдовскую ложку, которая сама собой намешает обед на сотню персон?

– Нет-нет, сударь, я вовсе не это имела в виду, – поспешила я сказать, видя его неудовольствие. – Но звучит так просто, а на деле...

– А на деле – просто ничего не перепутай, и тогда, по меньшей мере, никого не отравишь, – сказал Грифон, снова придя в хорошее настроение, ухмыльнулся и добавил: – И не забудь курам лапы отрубить.

– Могли бы не напоминать, – обиделась я.

Хм, странно, я ведь не говорила о том случае вслух. Или говорила?

– Скажи спасибо, что вам их не живыми приносят.

– Спасибо! – искренне ответила я и содрогнулась, представив, каково это – рубить курице голову.

Он похлопал коня по блестящей спине и сказал:

– Не стой без дела. Я скоро закончу и перестану тебя отвлекать, но все же поторопись...

Я молча кивнула, подхватила ведро и понесла к выходу, а когда вернулась, в конюшне не было ни Грифона, ни его коня. Наверно, он счел, что денники вычищены скверно и нечего его красавцу здесь делать, а может, решил, что я стану раздражать Луча своей возней, вот и увел его прочь. И сбрую захватил, во всяком случае, я ее не увидела.

Но это меня не волновало, я повторяла про себя порядок действий, чтобы не забыть, и искренне надеялась, что товарищи Грифона – если он их не выдумал – сказали ему спасибо за ужин не из одной лишь вежливости.

На полу я нашла соцветие клевера и спрятала на удачу. Откуда оно

взялось, совсем свежее, в начале зимы?..

Глава 6

По моим расчетам выходило, что следующее задание я стану делить с тремя товарками, но последние несколько дней изрядно проредили ряды королевских невест, и...

Мы с принцессой Карадин (к этому времени не оставалось уже никаких сомнений в ее происхождении) очутились вдвоем против чудовищной махины замковой кухни.

Признаюсь, я не осмеливалась первой заговорить с этой девушкой, потому просто рассматривала утварь и большой очаг, в котором, наверно, можно зажарить целого быка – вертел имелся.

– Время идет, – сказала она. – Нужно начинать готовить, если мы хотим подать к обеду... хоть что-нибудь. К слову, ваше имя – Гара-Тесса, верно?

– Да, госпожа, – кивнула я, подивившись: мы с принцессой еще не сталкивались на заданиях, а она все же как-то узнала мое имя и запомнила его! Впрочем, если я вела списки и вычеркивала выбывших, что мешало ей и кому угодно другому делать то же самое?

– Кара-Идда, – поправила она. – А лучше просто – Идда. Вы не возражаете, я надеюсь?

– Ни в коем случае, – ответила я, вовремя проглотив «госпожу». – Тогда я – просто Тесса.

Впрочем, все мы здесь в равном положении, поэтому она права – неуместно любезничать. Но и фамильярничать ни к чему.

– Вы, случайно, не знаете, с чего начать? – задумчиво произнесла она, глядя на гору битой птицы, на мешки с крупами и груды овощей.

О, как мне хотелось сказать «не знаю» и предоставить ей решать, как именно мы станем готовить обед для оставшихся сестер по Испытанию!

Но... «Давай же!» – шепнул мне на ухо воображаемый Грифон, и я в кои-то веки пересилила себя и сказала:

– В общих чертах знаю... Идда.

– Тогда командуйте, – просто сказала принцесса, и я снова лишилась дара речи. – Что с вами, Тесса? Я, честно признаюсь, до вполне сознательного возраста полагала, будто булки растут на деревьях, а вот это все оставалось чем-то из области тайны. Повара творили что-то на кухне, но меня туда не пускали...

– Но я никогда этого не делала!

– Всегда бывает первый раз, – улыбнулась она. – Если вы имеете хоть какое-то представление о стряпне, то вам и половник в руки! И пускай он послужит не хуже маршальского жезла!

Я невольно засмеялась, представив себя на парадном портрете с поварешкой в руках, и сказала, повторяя слова Грифона:

– Прежде всего нужно развести огонь и налить в котел воды... Ой, нет, не так. Сперва выпотрошим кур! Все выбрасывать не нужно, но придется повозиться...

Грифон сказал: мясо с костей проще обдирать, когда оно сварится. Если готовить похлебку не из оленины, а из дичи, то это проще простого. Еще он добавил: бросай в котел все, что понравится, только с солью и приправами не переборщи. Мне ничего другого не оставалось, как последовать его рецепту.

Пока варились злосчастные куры (потрошить их – сущая мука, даже и с острым ножом!), мы с принцессой перебирали крупу – в ней попался не только мусор, но и камушки. Потом чистили и резали овощи (и пальцы заодно), разбирали выловленную из котла птицу, добавляли «что понравится» – то нарезанную копченую грудинку, то какую-нибудь специю... Времени присесть не было.

– Не представляю, как повара справляются со сложными блюдами, – покачала головой Идда и бросила кость в корзину под столом. – У них должно быть две дюжины рук и по меньшей мере три головы, чтобы помнить обо всех мелочах и все успевать...

– Наверно, это дело привычки, – сказала я, попробовав похлебку на соль. – Те, кто первый раз берет в руки перо, тоже говорят, будто совладать с ним сложнее, чем с плугом. Я учила писать свою кормилицу – она из деревни родом, буквы знала, но и только. Она мучилась с прописями так же, как мы с вами – с этим котлом!

– Вот бы позвать ее на подмогу, – мечтательно протянула Идда и засмеялась, и я с ней заодно. – Дайте попробовать, Тесса...

Я протянула ей ложку на длинной ручке.

– Хм-м-м... Это, конечно, не то блюдо, которое можно подать на стол его величества, но им, по меньшей мере, никто не отравится, – заключила она. – Но соли, на мой вкус, мало.

– Лучше недосолить, чем пересолить, – ответила я.

– И то верно, – согласилась Идда и убрала под косынку выбившуюся белокурую прядь. – Но где вы выучились подобному, Тесса?

– Я вовсе этому не училась, – начала я и тут же сообразила, что сказать: – Просто отец с братьями часто ездят на охоту, пропадают на

несколько дней, а потом рассказывают, как славно провели время. Они ведь не берут с собой повара, поэтому готовят сами, на костре, из того, что удалось добыть, вот я и подумала, что их способ нам подойдет! Жарить кабана я бы не взялась, а вот эта похлебка...

– Я сейчас напробуюсь так, что остальным не останется, – весело произнесла Идда и снова потянулась ложкой в котел.

– Имейте совесть, сударыня, не то я стукну вас половником! – расхрабрилась я.

– Дожили, принцессу бьют поварешкой, – пожаловалась она, но все-таки выхватила из котла кусочек курятины.

– Можно спросить?

– Конечно.

– Почему вы решили пройти Испытание вместе со всеми? Или это не вы, а ваши родители велели вам...

– Нет, я сама, – не дала мне договорить Идда. – И, признаюсь, не столько ради блестящего замужества, сколько из любопытства.

– Как так? – не поняла я.

– Очень просто. Полагаю, его величество не горит желанием взять меня в жены, иначе давно сделал бы это, – произнесла она. – Я знаю, мой отец имел беседу с покойным королем... Правда, они ни до чего не договорились. Ну а его величество я знаю с раннего детства, а он, соответственно, меня. И прекрасно осведомлен о том, что я собой представляю... Повторюсь, это взаимно.

– Не вполне понимаю... Я не думала, что его величество настолько молод!

– Вы хотели сказать: не предполагали, что я не настолько юна, насколько выгляжу? – улыбнулась Идда.

Я присмотрелась: конечно, принцесса была старше меня (я сама недавно стала совершеннолетней) и даже Деллы, но насколько именно, сказать сложно.

– Я младше его величества почти на семь лет, – пришла она мне на помощь. – Ну а поскольку моя матушка часто бывала при дворе, а я вместе с нею, то, повторюсь, мы знакомы с раннего детства.

Действительно, Идда ведь родственница короля, пускай и очень дальняя. Нет ничего удивительного в том, что она хорошо знает его.

– А почему вы сказали о любопытстве? – спросила я.

– Потому что я хотела узнать, как проводится Королевское Испытание.

– Неужели оно нигде не описано?

– В том-то и дело, Тесса, что нет, – покачала головой Идда. – Только

внешняя его часть: решив избрать невесту... Как я понимаю, это делается в том случае, когда равнозначных кандидатур слишком много, а жених не настолько искушен в политике, чтобы выбрать наилучшую. И слишком опасается прислушаться к мнению советников – они ведь станут продвигать своих протеже... Словом, браки, заключенные после Испытания – в том случае, если хоть кто-то преодолевал его, – всегда оказывались на редкость удачными. Но...

– Пойдите, – перебила я. – Что значит: хоть кто-то преодолевал... Разве в конце не должна остаться только одна?

– Нет, – без тени улыбки сказала принцесса. – Мне удалось выяснить, что в прошлом веке Испытание прервалось задолго до ожидаемого окончания: часть девушек сами покинули замок, а оставшиеся выбывали десятками. В самом конце осталось шестеро, и ни одна из них не была сочтена достойной.

– Но кто их оценивает? Кто решает, которой суждено стать королевой?

– Вот этого-то я и не знаю, – вздохнула она. – Разумеется, при дворе ходят разные слухи... Представьте, на нас даже ставки делают, будто мы лошади на скачках! Но при этом никто не может или не желает сказать, каким же образом принимается решение.

– Идда, а вы пробовали искать тех, кто участвовал в Испытании в прошлом? – вспомнила я свою мысль.

– Представьте себе, пробовала! Далеко ходить не нужно: сестра моей родной бабушки в свое время побывала в этом замке, но... – принцесса развела руками, – ничего не смогла мне поведать. И дело вовсе не в старческой забывчивости – она еще весьма бодрa, а остроте ее ума позавидует иная молоденькая девица, – просто... Мне показалось, она не может этого сделать. Она начинает говорить о том, как собиралась на Испытание, как волновалась, а потом вдруг сразу переходит к возвращению домой. По всему выходит, продержалась она довольно долго, но нельзя добиться ни слова о том, что с ней происходило!

– Вероятно, с тех, кто покидает это место, берут клятву... может быть, даже колдовскую? – предположила я. – Чтобы они не сумели рассказать обо всем этом... Ведь родителей не предупреждают о том, что нам предстоит? Многие были бы весьма недовольны, услышав, что их дочерям придется стирать и убирать навоз! Пускай даже главный приз этого состязания – рука его величества, для некоторых даже он не стоит подобного унижения...

– Тем более вовсе необязательно победительница получит эту награду, – заметила Идда.

– Что вы имеете в виду?

– Жениться на прошедшей Испытание – право короля, – пояснила она, – но не обязанность. Считается, что эта девушка подойдет ему лучше прочих, но если она вдруг окажется ему не по душе, он может отказаться от женитьбы.

– И ему ничего за это не будет?! – невольно воскликнула я.

– Королю? – рассмеялась Идда. – Конечно же, нет! Но девушке непременно найдут достойного мужа или, если она откажется от замужества с кем-то, кроме его величества, осыплют ее богатыми дарами... И она опять-таки ничего не сможет рассказать об Испытании! Я нашла одну такую девушку, вернее, уже бабушку – ту, что состязалась вместе с сестрой моей бабушки и победила, можете себе представить?

Я впечатленно покачала головой.

– Так вот, Тесса, она вообще не помнит о том, что принимала участие в Испытании, – проговорила Идда. – Считает, будто ей несказанно повезло: дворянин намного родовитее и богаче ее самой увидел ее случайно, будучи проездом в их краях, и возжелал в жены. Брак их оказался на редкость удачным, к слову.

– Как странно...

– Вот именно, странно, – согласилась она.

– Поймите, но если даже сама она не помнит об Испытании, то как же ее родные? Знакомые? Да хотя бы слуги!

– Если бы я могла их спросить, то непременно сделала бы это, – сказала Идда. – Но большинства свидетелей уже нет в живых, а остальные выжили из ума.

– Неужели и прежде никто и словом не обмолвился о том, что девушка куда-то уезжала, затем вернулась... и вышла замуж вот так внезапно?

– За давностью лет этого уже не установить. Может, сказано было, что она отбыла в гости к дальним родственникам или еще куда-то, – развела руками принцесса. – Знаете, чтобы не сглазить удачу. Не сглазили – в родных краях она появилась уже замужней.

– Интересно, те, кто уже выбыл, тоже забыли, где жили? – вслух подумала я.

– Вот это-то я и хочу узнать, – негромко сказала Идда.

– А вы уверены, что и вас не подведет память?

– Я думаю, – ответила принцесса, – что та, которая дойдет до конца и станет королевой, не утратит воспоминаний: они пригодятся ей в назидание на будущее. Их лишаются все остальные – ни к чему смущать умы окружающих рассказами о происходящем в замке Старой Птицы.

– Почему он так называется, Идда?

– Должно быть, из-за старинной легенды. Вряд ли вы ее слышали. Скажу лишь, что по ней короли, правившие этой землей, вели род от этой самой Старой Птицы... Но название не имеет особенного значения, не так ли?

Я прикусила язык. Нельзя даже упоминать о том, от кого я услышала легенду, потому что... Да потому что это меня скомпрометирует, вот и все!

– Вы полагаете, что победительницей станете именно вы? – спросила я, чтобы заполнить паузу.

– По меньшей мере, постараюсь, – улыбнулась Идда. – А еще перед отъездом я оставила записки самой себе и нескольким надежным людям. Даже если я проиграю и лишусь памяти, то, быть может, сумею вспомнить хотя бы о самом факте Испытания. А там уж разужнаю, кто еще в нем участвовал... Это ведь мои сверстницы, а не дряхлые старушки, так что, вероятно, мне удастся что-то из них вытянуть!

– Вы говорите об этом с таким воодушевлением...

– Старинные тайны – мое увлечение.

– Что ж, если нас с кузинами вдруг почтит вниманием принцесса Карадин, я постараюсь вспомнить о том, что со мной происходило... последние пару месяцев.

– Буду вам крайне признательна, Тесса, – сказала она. – Если бы можно было посылать письма себе самой или другу с описанием происходящего!

– А вы пробовали? – живо спросила я.

– Не рискнула, – покачала головой Идда. – Их ведь читают, вы сами это знаете. А писать в дневник и прятать его где-то в замке... нет никаких гарантий, что его не обнаружат. Или же что после Испытания я вспомню, что существовали какие-то записки, а тем более сумею пробраться в замок и отыскать их. Это хороший способ, если не задействовано колдовство, а оно наверняка здесь присутствует!

– Да, конечно... Идда, а вы не слыхали о таком, чтобы Испытание проводил не его величество, а... ну... другой вельможа?

– Нет, никогда, – удивилась она. – Откуда вы об этом узнали?

– Слышала от одной дальней родственницы, – солгала я, – будто в их краях знатный человек выбирал себе невесту подобным образом. И я подумала: если так, может, он откуда-то знал о том, как все это проходит? Хотя бы в общих чертах? Быть может, от слуг...

– Скорее всего, он что-то слышал, а остальное придумал сам, – подумав, сказала Идда. – В одном я уверена: без участия чародеев настоящего Испытания не получится.

– Почему вы так уверены?

– Вот вам самый простой пример: ни одна из нас до сих пор не покалечилась, синяки и ссадины не в счет, – ответила принцесса. – А ведь я сама едва не выпала из окна, когда снимала занавесь! Да и другие, уверена, поскользнулись, падали в воду или... не знаю, промахивались топором мимо полена. Однако никто не лишился пальцев на ноге... и даже не обварился кипятком на кухне!

– Я тоже об этом думала, – созналась я. – А еще о том, что в замке плохо топят, мы же постоянно возимся в холодной воде, однако до сих пор что-то не слышать громового чиханья, а носы ни у кого не распухли и не покраснели.

– Вот именно. Я знаю своих сопровождающих – одной достаточно легкого сквозняка, чтобы немедленно заболеть, но здесь она продержалась на удивление долго! Сломалась на стирке, – покачала головой Идда, – это оказалось для нее слишком тяжелой работой.

– Вот как... Скажите, но почему вы доверились мне? – задала я давно беспокоивший меня вопрос. – Неужели вы не опасаетесь, что я расскажу о ваших помыслах распорядителю или хотя бы горничной?

– Нет, – сказала она. – Вы не из таких, Тесса. Я достаточно хорошо разбираюсь в людях, чтобы утверждать это.

– Благодарю за доверие, но...

– Мне ничего не нужно от вас помимо того, что вы уже пообещали, причем по собственной воле, – опередила принцесса. – Разве что... Я полагаю, у вас есть немалый шанс добраться до финала Испытания. И если именно вы окажетесь той, кто его пройдет, сделайте милость – раскройте его тайну хотя бы мне!

– Вы шутить изволите... – стушевалась я, хотя, не скрою, мне приятно было услышать ее слова.

– Вовсе нет, – задумчиво произнесла она. – Если я верно поняла, по какому принципу отсеивали девушек на первом этапе, то все возможно. Впрочем, впереди еще много трудностей, так что моя теория может претерпеть немало изменений. Увидим.

– Конечно... И пора уже снимать котел с огня, – спохватилась я, – иначе похлебка пригорит, и мы все-таки опозоримся...

– Ничего, – сказала неунывающая принцесса, – еда с дымком всегда казалась мне вкуснее обычной!

Стряпня наша снискала заметный успех, и Лисса прошептала с явной завистью:

– Повезло же тебе оказаться на кухне с принцессой...

– Почему?

– Наверняка их учат всякому... – протянула кузина. – Так ведь?

– О да, конечно, – поспешила я согласиться. – Я сама поразилась: откуда бы ей знать такое!

– Быть принцессой и тем более королевой означает не только носить корону, но и разбираться в сотне разных дел, от малых до великих, – изрекла Делла, как раз покончившая с добавкой. – Не удивлюсь, если именно она окажется избранницей короля. А тебе действительно повезло, Тесса!

Мне и впрямь несказанно повезло повстречать разговорчивого Грифона, это верно. Я подумала: если увижу его еще раз, непременно поблагодарю за то, что помог советом, не дал опозориться и с большой вероятностью выбыть из Испытания в самом конце первого этапа...

– Зато вы справились безо всякого везения, – нашлась я с ответом. – Ведь мы до сих пор вместе!

– Да, действительно, – улыбнулась Делла, но тут же посерьезнела: – Что-то будет дальше...

Мне самой хотелось бы знать, что готовит нам следующий этап, и весь день до вечера я так и сяк вертела в мыслях слова Грифона. «Тебе потребуется разум», – сказал он... Но это будут не загадки и головоломки, хотя кто знает? Вдруг он ошибся? С другой стороны, он меня не обманывал... С третьей – всегда бывает первый раз, как сказала принцесса Карадин. Он ведь может не лгать нарочно, а добросовестно заблуждаться...

Однако что бы нас ни ждало, пригодится светлая голова, решила я наконец. Казалось бы, после прогулки, отдыха (в кои-то веки не нужно было спешить тайком доделать что-то!) и ужина можно лечь и уснуть, но нет! Я долго вертелась с боку на бок, но сон не шел.

Может, виной тому была беседа с принцессой Карадин: я даже не предполагала, что кто-то может ввязаться в Испытание, поставив себе целью вовсе не свадьбу с его величеством, а разгадку тайны! А может, сама эта тайна не давала мне покоя... Я ведь мыслила схоже – о прежних участницах Испытания, только принцесса пошла дальше и сумела расспросить хотя бы некоторых из них.

Что же выходит, если я выйду из состязания завтра, а кухни – через неделю, никто из нас и не вспомнит, где мы были и почему вернулись домой не вместе? Неужели наши родители не встревожатся? Если нет, получается, что в деле и впрямь замешано колдовство, и очень сильное. И как знать, одна ли Старая Птица здесь ворожит или руку к этому приложили королевские чародеи?

«Попроситься домой никогда не поздно», – напомнила я себе, натянула одеяло на голову и наконец-то уснула...

* * *

За последние несколько недель у нас уже вошло в привычку просыпаться ни свет ни заря. Поначалу нас будила Ина, открывая ставни и выстуживая и без того холодную спальню, потом мы приучились вставать до ее прихода, чтобы успеть умыться и одеться, не покрываясь мурашками озноба.

Вот и сегодня я проснулась, высунула голову из-под одеяла – было тихо и темно, только слышалось ровное дыхание кузин. Может, еще слишком рано? Я иногда просыпаюсь посреди ночи – наверно, снится что-нибудь, чего я потом не могу вспомнить. Но обычно после таких снов остается хотя бы ощущение... неправильного, странного или даже страшного, но не в этот раз.

– Почему нас никто не будит? – спросила вдруг Лисса сонным голосом, и я уверилась, что утро уже настало.

– Не знаю, – ответила я. – Может, Ина сама проспала?

– Надеюсь, ей за это попадет, – фыркнула она и села на кровати. – И нам попадет, если не будем готовы вовремя. Делла! Поднимайся, солнце уже высоко!

– Неужели? – недовольно пробурчала старшая кузина, большая соня, но тоже села, душераздирающе зевая.

Мы по очереди умылись – приспособились уже делать это на ощупь, поскольку света нам на ночь не оставляли, и зажечь огонь сами мы не могли, было нечем. Вернее, могли бы, если бы поступили, как я тем вечером – запалив фитилек от светильников в коридоре, но я не предлагала, кузины тоже. Вряд ли та же Делла не додумалась до подобного, но раз промолчала, значит, не желала нарушать установленные в замке порядки. В темноте так в темноте, лицо уж как-нибудь нащупаешь, платье задом наперед не наденешь, о сложных прическах мы давно позабыли, а расчесаться и заплести косу можно и на ощупь.

«Зачем все это? – думала я, завязывая пояс. – Мы ведь не малолетние дети! Доверить нам тяжелые утюги или топоры можно, а позволить зажечь светильник – нет! Почему так?»

Кто же поймет! Может, тут и был какой-то смысл: в темноте мы ощущали себя беспомощными, как ни храбрились, и даже слова не звучали:

так умолкает птица в клетке, если накрыть ее плотным покрывалом, не пропускающим ни лучика света. Ну а потом, когда мы выходили из этой тьмы, растерянные и, что скрывать, испуганные (что-то готовит нам новый день?), нами проще было управлять. По-моему, даже принцесса Карадин и Тина-Санна выглядели подавленными по утрам, что уж говорить о простых смертных!

– Сударыни, вы уже встали? Как славно! – Дверь распахнулась, на пороге появилась Ина с лампой в руке.

– Вы проспали? – поинтересовалась Делла. – Надеюсь, за это накажут не нас.

– Нет, сударыня, это вы поднялись слишком рано. – Горничная никак не отреагировала на ее вторую фразу. – С сегодняшнего дня распорядок дня изменится.

– Следовало предупредить нас заранее.

– Не я принимаю решения о том, что, как и когда делается в этом замке, – произнесла Ина и прошла в комнату. – Позвольте поздравить вас, сударыни: вы с честью миновали первый этап состязаний, и теперь вас ждут несравнимо более сложные испытания!

– Куда еще-то сложнее... – пробормотала Делла.

– Конечно же, к ним нужно подготовиться как следует, – будто не услышав ее, продолжала Ина. – Сегодня же вы переедете в новые комнаты, и каждая из вас сможет насладиться отдыхом в полной мере. Затем лучшие мастера приведут в порядок ваши руки и волосы, пошьют вам наряды, ну а после вы сможете усовершенствовать свои умения в танцах и игре на музыкальных инструментах.

– О, наконец-то! – не выдержала Лисса и захлопала в ладоши. – К нам пришлют придворного учителя танцев?

– И не одного, сударыня, – улыбнулась Ина, один за другим зажигая светильники. В комнате стало светло как днем. – В конце концов, вам ведь потребуются и партнеры – танцевать друг с другом, конечно, возможно, но ведь тогда вы не сможете составить большой круг и как следует усвоить все тонкости общения с кавалерами на балу...

– У нас был столичный учитель, – процедила Делла, больно дернув сестру за косу. – Не думаю, будто мы узнаем много нового из этих... хм... совместных занятий.

– Тем не менее не рекомендую спешить отказываться, сударыня. – Горничная коротко поклонилась. – С вашего позволения, меня ждут дела. Однако с этого дня вы можете располагать мною более свободно: других подопечных у меня не осталось.

– Что ж, все ясно, – сказала кузина, хотя по глазам видно было: она пребывает в некотором недоумении. – Можете идти, только прежде скажите, когда подадут завтрак?

– Уже скоро, сударыня, вы услышите колокол, – ответила Ина и удалилась.

Мы переглянулись.

– Чем же теперь нас станут испытывать? – прошептала Делла.

– Наверно, невиданными яствами, – улыбнулась Лисса. – Кто не сумеет сдержаться и отказаться от пирожных, тот скоро растолстеет и поедет домой!

– Не иначе...

– Так что держи себя в руках, сестричка!

– Следи лучше за собой! Ты никогда не отказываешься от второй порции!

– Кто бы говорил!

Пропустив мимо ушей их перебранку, я мысленно обратилась к своим заметкам (к слову, их нужно спрятать понадежнее, а лучше того – сжечь, впредь же писать на придуманном языке). Когда мы только прибыли, у Ины на попечении было девять девушек, включая нас с кузинами. Теперь остались только мы, но... Я не могла обсчитаться. Получалось, что еще нескольких отправили по домам минувшей ночью. Но почему? Что на этот раз не понравилось Старой Птице?..

Глава 7

За завтраком я убедилась, что не только наши соседки покинули замок: за столами хватало пустых мест. Неужели всех в последний момент подвело смирение? Из-за чего? Неужели... Нет, глупо думать о подобном! С другой стороны, если Старая Птица умеет прозревать помыслы, то наверняка уловила зависть к нам с принцессой, досаду и много других скверных чувств. Но будто до того никто не злился на более успешных в работе товарок! Я могу вспомнить это за собой, кухни в спальне тоже с обидой поговаривали о своих напарницах, мол, те будто родились с тряпкой или вилами в руках...

Я встретила взглядом с Иддой и убедилась – она тоже в недоумении. Но что толку? Не зная правил игры, мы могли полагаться только на себя. Каждый наш поступок, каждое решение влияли на вердикт тех, кто оценивал нас, – неважно, были это люди или некая потусторонняя сущность. Но понять логику наблюдателей и вывести закономерность не получалось. Для этого нужно было хорошо знать остальных девушек, их характеры и привычки, но какое там... Я, пожалуй, не взялась бы утверждать, будто способна предугадать поведение кузин, не говоря уж о посторонних!

«Наверно, даже лучше, если Старая Птица сама делает выбор», – невольно подумала я. Люди, какими бы они ни казались беспристрастными, скорее всего, уже выбрали любимиц и станут подсуживать им. Или даже заранее решили, кто из девушек наиболее перспективен, и теперь все сведется к противостоянию между ними, а остальные... Остальные останутся просто фоном, на котором фаворитки заблестят ярче!

Впрочем, с людей ведь тоже могли взять колдовские клятвы... но кто сказал, что чародеи – люди не заинтересованные в победе той или иной девушки?

«Что-то я совсем запуталась», – подумала я и сосредоточилась на завтраке.

– Сударыни, – произнес распорядитель, когда мы закончили. – Рад поздравить вас с успехом и объявить, что ближайшие несколько дней вы сможете предаваться блаженному отдыху в лучших покоях замка Старой Птицы! Вы с блеском доказали, что способны, не ропща, справиться со многими трудностями, к которым не готовила вас жизнь, теперь же вам

предоставится шанс показать себя с лучшей стороны...

Он сделал паузу, как бы приглашая задавать вопросы, но все молча смотрели на него, ожидая продолжения.

– Отдохните как следует, прежде чем предстать во всем блеске, – закончил он и удалился.

Мы с кузинами переглянулись.

– Ну теперь-то, я надеюсь, это будут обычные смотрины? – озвучила общее мнение Лисса.

– Предстать перед кем, интересно знать? – задумчиво пробормотала Делла. – И что эти... гм... «кто-то» станут оценивать? О нашем происхождении и без того все известно, тогда, выходит, смотреть будут на красоту? Манеры?

– Успехи в изящных искусствах, – напомнила я. – Тебе, кажется, не дается стихосложение, а Лиссе – живопись?

– А тебе – пение и вышивание, – парировала она. – Что ж, хотя бы о музицировании и танцах никому из нас не приходится беспокоиться.

– Если наш учитель действительно прибыл из столицы, а не подделал рекомендательные письма, – тихо хихикнула Лисса. – И не учил нас выдуманном па! Я слыхала о таком случае: для детей наняли преподавателя иностранного языка, которого не знал ни один из родителей, и он несколько лет учил их... А уже позже, когда мальчик вырос и отправился в путешествие, выяснилось, что преподаватель учил их совершенно иному, несуществующему языку, который сам и выдумал! Представляете? От букв до всяческих правил – все было ненастоящим! И множество слов, и отрывки текстов, которые давал переводить детям, тоже сочинил он сам!

– И что с ним случилось? – полюбопытствовала Делла.

– Ничего, – развела руками младшая кузина. – К тому времени он благополучно отбыл в свою выдуманную страну, где говорят на этом языке, и с тех пор его никто никогда не видел.

– Сочувствую родителям этих детей, – покачала головой Делла. – Выбросить столько денег на ветер... А над юношей, должно быть, изрядно насмеялись, либо же он опозорился, решив поговорить с иностранцем.

– Вроде бы ему хватило ума скрыть это свое... образование, – усмехнулась Лисса. – Не знаю, право. Ода-Летта не вдавалась в подробности.

– Это ей так повезло?

– Нет, кому-то из ее дальних родственников, и едва ли не в прошлом веке. Тогда, сами понимаете, проверить, правду ли сказал учитель, было

намного сложнее... Тем более всему прочему – счету, письму, истории и подобному – он обучал весьма недурно.

«Отбыл в вымышленную страну, – невольно повторила я про себя. – И снова придуманный язык! А что, если...»

Что, если тот человек ничего не придумывал, а в самом деле обучал детей наречию, которое для него было таким же привычным, как для нас – языки жителей Заозерья или Пригорья? И вовсе он не лгал, он просто... просто прибыл из других мест! Тех, что, казалось бы, находятся совсем рядом, но добраться в которые можно только с помощью сильного чародея или же совершенно случайно... Вдруг он вот так нечаянно заблудился, а потом оказалось, что вернуться назад не получается? Ведь такие пути открываются не каждый день и даже не каждый год, а потом быстро исчезают, и на то, чтобы отыскать их снова, может уйти вся жизнь. Во всяком случае, так говорится в сказках... А может, он знал, когда именно вновь появится дорога, и ему нужно было дождаться того момента. Не голодать же и не идти в батраки, если обучен грамоте и многому другому? Лисса говорит, помимо выдуманного языка, этот человек обучал детей другим наукам и делал это хорошо, значит, не был вовсе уж шарлатаном!

И Грифон... Вдруг он вовсе не безобидный сумасшедший? Что, если он действительно обитает в замке Старой Птицы – таком же или почти таком же, на расстоянии вытянутой руки, но за невидимой преградой, преодолеть которую обычно невозможно? Там существует древняя империя Дзейли и таинственная скоропись, которой Грифон научился у своего наставника, там когда-то кипели битвы при неведомом Эрдолане, за Испытанием наблюдает сама Старая Птица, некогда отвоевавшая солнце у Врага, а девушки не боятся остаться наедине с мужчиной... вспомнить только, как Грифон смотрел на меня: ему словно невдомек, что репутация моя может полететь в бездну, если нас застанут вдвоем! И то, как он говорил о моих поклонах – будто никогда не видел подобного... Не было похоже, будто он притворяется. И наши имена показались ему странными, словно в его королевстве людей называют иначе... И там, в этом другом мире, сейчас вовсе не зима, а жаркое лето, в лугах цветет клевер... А еще – подстерегают опасности. Не случайно ведь Грифон возвращался откуда-то ночью с окровавленным плечом...

Я даже зажмурилась, представив на мгновение, как открою дверь – любую, может быть, даже ту, что ведет в нашу с кузинами спальню, – и вместо застланных кроватей увижу... хотя бы библиотеку, залитую солнечным светом. А может быть, вовсе выйду на широкий двор, под ясное небо, и...

Конечно же, это просто разыгралось воображение, одернула я себя. Надо же такое выдумать!

Тот учитель, наверно, был обычным обедневшим дворянином, отчаявшимся наняться на работу: таких ведь пруд пруди, всем нужно как можно больше за одинаковые деньги... Те люди хотели иностранный язык в довесок к обычным наукам – они его получили. Ловкий пройдоха хорошо устроился и успел скрыться прежде, чем его обман раскрылся!

А Грифон... Я встречалась с ним трижды, но вряд ли колдовской путь открывается так часто! Неважно, кем бы он ни был, лучше мне больше не встречаться с ним: он может навредить мне, пускай и по недомыслию. Упомянет при каком-нибудь слуге, что разговаривал с рыжей девушкой в зеленом платье, вот и все. Других таких здесь нет, указание будет однозначным, и я – в лучшем случае! – немедленно отправлюсь домой, а в худшем... Не знаю, что может случиться.

Вряд ли этот случай предадут огласке, вероятно, даже родителей не известят, но что сделают со мной? Должно быть, уничтожат все без исключения воспоминания о пребывании здесь: сомневаюсь, будто какой-то чародей может выдернуть одно-единственное, словно нитку из вытканного рисунка, не повредив его. Значит, я позабуду о странном человеке из замка Старой Птицы...

Конечно, я и так не вспомню об Испытании, если меня отправят домой до его завершения, но это совсем другое дело! Я не взялась бы объяснить, в чем вижу различие, но чувствовала именно так, а потому намеревалась молчать обо всем, что связано с Грифоном.

Тем более, у меня не было ни единого доказательства его существования, кроме засушенного соцветия клевера в книге, но я ведь могла положить туда цветок еще летом, не так ли? А вот у него остался мой платок и шарф, он говорил об этом. Хотелось бы вернуть их, но как? Он ведь сам сказал – не носит их при себе, а предсказать, когда мы столкнемся вновь и увижу ли я его вообще, невозможно... Оставалось уповать на то, что эти вещи никого не интересуют. На платке даже монограмма не вышита, найти меня по нему не выйдет, он самый обычный. Да и шарф тоже – я всегда могу сказать, что обронила где-то... или его вовсе изъяли вместе с другими нарядными вещами! А почему не попал в список... мало ли, приглянулся той же Ине: ей, темноволосой и сероглазой, пошел бы серебристый шарф.

«Нет, прекрати, – одернула я себя. – Нельзя клеветать на девушку, которая не сделала тебе ничего дурного!»

В конце концов, меня еще не допрашивают с ножом у горла об этом

несчастном шарфе, а если начнут, я найду что ответить, ведь так? Им удобно повязывать голову, я так и сделала и... Уронила в навоз и не стала поднимать, к примеру, или упустила в реку, когда бегала за простыней. Неужели мои напарницы вспомнят о том, что было у меня на голове?

Может, и вспомнят, подумала я. Многие из них весьма приметливы... Что ж, тогда проще сказать полуправду: вечером я выглянула в коридор, услышала непонятные звуки и поспешила вернуться к себе, а шарф обронила и не сразу решилась сходить за ним. Когда же пришла на то место, вещи уже не было, и я подумала, что ее подобрала слуги, но не осмелилась спросить у них. Да, пожалуй, подойдет! За такое, конечно, тоже могут отправить восвояси, но простое любопытство всяко лучше встречи с неизвестным мужчиной...

– Тесса, ты снова грезишь с открытыми глазами? – потрепала меня за плечо Делла. – Идем скорее, посмотрим наши новые покои!

Оказалось, всех девушек переселяют в другое крыло, и контраст по сравнению с прежним нашим местом обитания был разительным. Взять хотя бы залы для занятий – огромные, светлые, и...

Я застыла на пороге музыкальной комнаты. Лисса бросилась к прекрасному клавирону, Делла следом за нею, я же не могла сдвинуться с места.

– Вы так впечатлены? – негромко спросила за спиной принцесса Карадин.

Она никогда никуда не спешила, это я уже заметила, но всегда попевала вовремя.

– Я бы даже сказала – поражена, – призналась я, озираясь с преувеличенным интересом. – Такое отличие...

– Скорее всего, прежде мы жили в крыле для слуг, – улыбнулась она и прошествовала дальше, а за нею две оставшиеся девушки из свиты – прочих уже не было с принцессой.

Я же снова посмотрела вперед. Нет, я не могла перепутать – это та самая комната! Высокая арка окна – сейчас за ним сумрачно, но света все равно хватало даже и без ламп, – стрельчатые потолки, причудливый узор каменных плит на полу... Вот только книжных стеллажей я не увидела, а вместо большого стола возле окна стоял клавирон. И еще – на этом окне теперь имелась решетка, красивая, узорчатая, а переплет в рамах оказался иной, намного более мелкий, чем тот, что я запомнила. И стекла в нем были цветные – подобие витража, а не кристально-прозрачные, как в моем... воспоминании? Или видении?

«Хорошо, допустим, убрать отсюда шкафы с книгами и поставить

клавирон несложно. Поменять рамы – тем более, – подумала я. – Вмуровать решетку... допустим, возможно. Но как я ухитрилась попасть сюда из другого крыла? Ведь когда я вышла из библиотеки, то очутилась в том же самом коридоре, что и прежде! Потайной ход? Не слыхала о таких, которые позволяют за один шаг миновать половину замка... Разве что ход этот колдовской!»

Увы, ответа на эту загадку не нашлось, а вскоре мне и вовсе стало некогда думать о ней: нас начали приводить в достойный вид. Теперь можно было вспомнить о расслабляющих и согревающих ваннах, душистых отварах для волос, нежных кремах для рук и чудодейственных маслах для ногтей – утраченное совершенство возвращалось на глаза, и Лисса шумно радовалась, разглядывая пальцы в ярком свете ламп.

Теперь мы жили поодиночке, но по вечерам все равно собирались вместе – в конце концов, у нас никого нет в этом странном месте, кроме друг друга.

Больше не приходилось дрожать от холода – в комнатах было уютно, пуховые перины и подушки так и манили зарыться в них и сладко спать до тех пор, пока не разбудят... Я продолжала просыпаться на рассвете: привычка, пускай даже кратковременная, не желала выветриваться. Снаружи было темно – светало теперь поздно, – но я все равно смотрела в окно: на бег косматых туч, среди которых лишь изредка проглядывал клочок чистого неба, на проливной дождь, гнущиеся вдалеке деревья, давно уже облетевшие...

Нас больше не водили на прогулки – погода совсем испортилась, – и это время заняли другие дела. Кто-то упражнялся на клавироне, кто-то перебирал струны ланты, разминая огрубевшие пальцы, кто-то пел или повторял танцевальные па: учителей пока что не было, но девушки не желали терять время понапрасну. Я тоже в свой черед освежила в памяти несколько музыкальных пьес, а потом села рисовать, благо и для этого имелись условия.

Живописью занимались немногие, и я подумала, что это может стать каким-никаким преимуществом. Конечно, батальное полотно или парадный портрет я создать не смогу, но моих умений вполне хватает на то, чтобы написать водными красками милый букет или пейзаж. Впрочем, набросать чье-то лицо мне тоже по силам, во всяком случае Деллу с Лиссой на моих рисунках никто еще не спутал. Вот я, чтобы занять себя, и рисовала сестер по Испытанию – это удобно было делать, пока они музицировали. Девушки не возражали, а Тина-Санна – подумать только! – похвалила мои рисунки. Сама она предпочитала вышивание (во всяком случае, упоминала об этом),

а кисти в руки не брала.

Признаюсь, мне хотелось набросать по памяти Грифона, но я сдержалась. Чего доброго, Лисса начнет выпрашивать, кто это такой, рассуждать вслух, чья фамильная горбинка у него на носу и рисунок бровей, ее услышат другие... Ни к чему это. Но хотя бы его рыжего коня я нарисовать могла – получилось, по-моему, похоже...

– Когда уже начнутся обещанные занятия? – прервала мои мысли Делла, опустив руки. Последняя нота угасла в тишине.

– Должно быть, скоро, – отозвалась Лисса и отложила ланту.

Они вдвоем подбирали старинную песенку – ее пели крестьяне в Гаррате, и нот, конечно же, не существовало. Мелодия, однако, была на редкость красивой, но дома кузинам все недосуг было заняться ею... Вот и выдался случай.

– Почему ты так решила?

– Я видела в окно, как прибывают кареты, – негромко ответила Лисса. – Много карет. И если это не обещанные кавалеры с прислугой, то я... я трухлявый гриб!

– Ты, скорее, заморская птица-болтун, – поджала губы Делла, но заметно приободрилась. – Как занятно! А наряды еще не готовы...

– Сегодня была последняя примерка, – напомнила та. – Ох, этот фасон меня убивает! Неужели нельзя было сшить что-то более модное?

– На модное, со всеми этими складками и шлейфами, пошло бы в разы больше ткани, – не удержалась я и тут же спросила, не дав ей возразить: – Интересно, а кавалеры тоже будут одеты соответствующе?

– О, в самом деле! – тут же отвлеклась Лисса, на что я и рассчитывала. – Вот бы скорее увидеть! То есть современная мужская мода мне нравится, но в старинной тоже что-то было...

– Да, в тех нарядах сразу разглядишь, кривые у мужчины ноги или нет, – невозмутимо произнесла Делла.

Я вспомнила Грифона и молчаливо согласилась.

– Наверно, в прежние времена берегли материю, – фыркнула Лисса. – Потому и не могли себе позволить шить пышные юбки и многослойные кафтаны.

– Просто она была очень дорога, – сказала я, припомнив уроки. – Шерсть и лен ткали, конечно, но торговый путь на юг еще не наладили, поэтому не было никаких шелков и атласа. Вернее, их привозили изредка, и они доставались разве что королевам и принцессам... ну или просто очень богатым людям. А еще...

– Ну, я почти угадала, – перебила Лисса, встала и потянулась. – Скорее

бы узнать, кто там приехал! А ты уверяла, что нам и словом не позволят перемолвиться с молодыми людьми, помнишь?

– Должно быть, ошиблась, – согласилась я и отложила кисть.

Уже стемнело, а в свете ламп, пускай и ярком, я писать красками не любила: оттенки получались совсем не те, какие я задумывала. Взглянешь днем – и ужаснешься!

* * *

Ждать Лиссе пришлось недолго: уже за ужином мы увидели тех, кому предназначено было составлять нам компанию во время грядущих занятий танцами и, возможно, чем-то еще.

Оставшихся девушек усадили за один стол, молодых людей (среди них были и сущие юнцы, еще безусые, младше, должно быть, Лиссы, и уже вполне взрослые мужчины) – за другой. Нужно ли говорить, что трапеза прошла... нервно? Во всяком случае, мне не давала покоя младшая кузина, непрестанно шептавшая: «Вот тот – вылитый Аррин, только у них так рано появляются залысины... Ему еще и двадцати нет, а погляди, как заметно! Еще лет пять, и голова его делается голый, словно яйцо! А этот, напротив... не туда смотришь, взгляни на светловолосого... Да, верно! Он наверняка родня Лаваранам, профиль очень похож! Те, правда, брюнеты, но мало ли, я же не знаю все побочные ветви...»

– Хорошо, что нас не заставили угощать этих молодых людей, – заметила Делла, и я мысленно согласилась с нею. После такой трапезы кто-нибудь мог и не выжить.

Я полагала, что гости хотя бы представятся, но нет: после ужина горничные повели нас по спальням, а куда и с кем уходили юноши, увидеть не удалось. Это интриговало все сильнее и сильнее!

Еще больше я удивилась, когда в мою дверь постучали.

– Это Идда, – произнес знакомый голос, – позвольте войти?

– Конечно, – отозвалась я и поспешила накинуть шаль поверх домашнего платья.

Не то чтобы я стеснялась такой же девушки, как я сама, просто... Россыпь веснушек – не то зрелище, которым хочется поделиться с малознакомыми людьми. На мое счастье, на лице отметин почти не было, на шее и в декольте их удалось вывести притираниями, и то не до конца, приходилось запудривать, а вот на плечах, руках и спине...

«Рябая, как кукушечье яйцо, – говорила обо мне кормилица, когда

купала в далеком детстве, – и в кого такая уродилась?»

Здесь же, без всяческих снадобий (изъятых по приезду), проклятые конопушки начали появляться даже там, где их давно уже не было. Обычно это случалось летом, если я имела неосторожность выглянуть на солнце в слишком легком платье с открытыми плечами и без рукавов, но теперь-то, зимой, когда я носила закрытую одежду, сквозь которую не проник бы ни единый луч, что заставило их проявиться?

«Молодые люди, несомненно, оценят мою редкостную прелесть», – подумала я, закутавшись как следует.

– Еще не спите? – произнесла Идда, закрыв за собой дверь. Она была полностью одета.

– Как видите... Что вас привело ко мне?

– Еще одна небольшая странность, – негромко сказала она, огляделась и спросила: – Позвольте присесть?

Я кивнула, и принцесса придвинула стул поближе к кровати.

– О какой странности вы говорите? – поинтересовалась я, видя, что она медлит.

– Вы хорошо рассмотрели кавалеров, с которыми мы ужинали сегодня? – вопросом на вопрос ответила Идда. – Вы ведь рисуете, у вас достаточно зоркий глаз!

– Признаюсь, я не приглядывалась, – созналась я. – А вот моя младшая кузина только и гадала, к какому знатному семейству может принадлежать тот или ной юноша. У нее хорошая память на фамильные особенности, знаете ли.

– У меня тоже, представьте себе, – протянула она и улыбнулась: мол, куда же без этого? – Более того, я неоднократно видела всех или почти всех молодых людей, которые, на мой взгляд, имели бы шанс оказаться в замке Старой Птицы. О, конечно, какие-то младшие братья и семияродные кузены могли ускользнуть от моего внимания, но...

– Но их никто и не пригласил бы в такое общество, вы это имеете в виду?

– Да. С другой стороны, возможно и такое. Именно ради того, чтобы никто из нас не встретился со знакомым. – Идда покачала головой. – И все же я с трудом представляю, как можно набрать две дюжины молодых людей определенного возраста, ни один из которых никогда не встречал ни одну из нас, и уж тем более, чтобы мы не слышали друг о друге!

– Не две дюжины, намного больше, – поправила я, подумав.

– Что?

– Их не могли собрать и раздать указания за последнюю неделю, они

попросту не успели бы добраться до замка со всех концов королевства, особенно по распутице, – ответила я. – И неизвестно было, сколько именно девушек останется к этому моменту... во всяком случае, я на это надеюсь. Но вспомните сами: в ночь перед объявлением следующего этапа нас было заметно больше, чем наутро!

– Полагаете, лишних убрали, потому что юношей не хватало? – усмехнулась Идда, но тут же посерьезнела: – Об этом я тоже думала. И еще кое о чем: все эти кавалеры в том возрасте, когда скрыть их отсутствие в родных краях довольно сложно. Даже если это младшие безземельные сыновья, о которых мало кто заботится...

– Наверняка найдутся девушки, которым они по душе, – подхватила я. – Пойдут слухи, а остановить их невозможно. Допустим, о ком-то можно сказать, что он уехал в путешествие, или учиться, или служить, но это тоже чревато: всегда может найтись совершенно случайный человек, который был в той самой стране, куда якобы отправился юноша, или в столице, служил в том же гарнизоне или рядом... Да, бывают и не такие совпадения, всегда можно разминуться на считанные минуты, возвращаться в разных кругах, наконец, но...

– Но когда таких юношей не один и не двое, а минимум три десятка – в том случае, если мы примем как данное, что после первого этапа Испытания девушек должно было остаться не больше, – протянула Идда, – и отсутствуют они достаточно долго, в их окружении не могут не заметить этого.

– Я не вполне понимаю, к чему вы клоните. Что же, по-вашему, это вовсе не благородные молодые люди, а... – Я запнулась, потом продолжила: – Просто достаточно воспитанные, образованные юноши приятной наружности?

– Мы еще не видели их в деле, – улыбнулась она. – Я имею в виду – в танцах, в беседе и прочем подобном.

– За месяц можно было недурно натаскать их в подобном. Если уж мы научились...

– Не сравнивайте грязную работу, справиться с которой способен любой, с настоящим воспитанием, Тесса! Судите сами: разве можно за месяц научить всему тому, что дается нам с рождения?

– Актеры неплохо справляются с ролями королей, – не удержалась я.

– Только гениальные, каковых единицы. В игре других заметна фальшь, но... балаган на то и балаган, никто не ждет от него достоверности, – покачала головой Идда. – И в несколько десятков отличных актеров мне верится намного меньше, чем даже в толпу никому

не известных юных дворян из захолустья!

– Если они из захолустья, это легко будет заметить, особенно вам, не так ли?

Должно быть, для принцессы и я не отличаюсь прекрасными манерами, и неважно, какой у нас с кузинами был учитель: привить умение не так уж сложно, но отточить его можно только в подходящей для этого среде.

– Несомненно, – ответила она. – И, думаю, вы обратили внимание на то, что кавалеров нам не представили?

Я кивнула.

– Могу поспорить, никто из них не назовет своего настоящего имени.

– Идда, но кто же они, по-вашему? – не выдержала я. – Если не ряженые, не собранные со всего королевства и быстро обученные дети обедневших дворян...

– Ну не так уж быстро, – перебила она. – Мы говорили о месяце, но месяц прошел с начала Испытания, а готовиться к нему начали за полгода, и это лишь официальная версия. Так что время было... При хорошей муштре даже осла можно научить танцевать и галантно общаться с дамами, но...

– Но натура его не изменится, вы это имеете в виду?

– Да, Тесса. И еще... – Принцесса встала и расправила подол. – Я видела, вы рисуете девушек. Позвольте взглянуть?

– Конечно, я сейчас...

– Сидите, я же вижу, что вы босиком, – остановила она меня жестом. – Я сама возьму, если вы не возражаете.

– Нет, что вы. Папка на столике, – указала я и довольно долго наблюдала, как Идда перебирает рисунки.

– Может, из вас и не вышел бы большой художник, но характеры вы схватить умеете, – сказала она наконец и положила папку на место. – Не откажетесь выполнить мою скромную просьбу?

– Постараюсь сделать все, что в моих силах, – ответила я, уже догадываясь, что именно от меня потребуется.

Я угадала.

– Нарисуйте наших кавалеров, – попросила Идда. – Одного за другим. Можно не в красках, набросайте их хотя бы вчерне – этого будет вполне достаточно. А потом мы с вами посмотрим, что получилось. Хорошо, Тесса?

Я кивнула.

– Прекрасно. А теперь – доброй ночи, – сказала она, улыбнулась и

вышла, неслышно притворив за собой дверь.

Вот так дела... Что на уме у принцессы? За кого она принимает этих молодых людей?

Что ж... Рано или поздно я об этом узнаю!

Глава 8

Завтрак прошел все в той же нервной атмосфере: девушки шушукались и переглядывались, посматривали на приглянувшихся им молодых людей, а те казались делано безразличными, но не всем удавалось сохранять подобную личину. То один, то другой будто бы нечаянно встречался глазами с девушкой напротив, и тут же оба отводили взгляды и делали вид, будто поглощены трапезой или беседой с соседом.

«Пустили лис в курятник», – непременно сказала бы моя кормилица. Я представила, как она осуждающе качает головой в неизменном пышном чепце и поджимает губы, и невольно развеселилась.

Наблюдать за соседками по столу оказалось весьма интересно. Конечно, не всех мне было хорошо видно, но те, кого удавалось рассмотреть, вели себя очень по-разному. Так, Идда со спутницами и еще несколько девушек держались так, словно ничего необычного не происходит, а напротив сидят или старые знакомые, или невидимки.

Другие без особого стеснения рассматривали молодых людей, как, к примеру, Тина-Санна. Я бы даже сказала – оценивающе изучали и прикидывали в уме, кем может оказаться тот или иной кавалер и стоит ли иметь с ним дело. Их можно было понять: ведь на роль невесты короля претендуют многие, но достанется она лишь одной, так не следует ли заблаговременно подготовить запасной вариант?

Большинство (включая меня, как это ни прискорбно) не знали, как вести себя в столь неоднозначной ситуации, а потому предпочитали не смотреть прямо перед собой, если же натыкались на чужой взгляд, спешили потупиться.

Вот Лисса – та уже стреляла глазками в симпатичного шатена, сидевшего чуть наискось от нас, а тот посматривал на нее с заметным одобрением, и немудрено: кузина очень мила. Конечно, ей не тягаться с признанными красавицами, но у нее хорошенькое личико, отличная фигура, прекрасные манеры и веселый бойкий нрав. В Гаррате у нее отбоя не было от поклонников!

Вторая кузина копировала поведение принцессы, и немудрено. Они с Лиссой очень похожи внешне, но, к сожалению, Делла немного занудна. Возможно, в этом виновата роль старшей сестры, а может, это лишь склад характера, не могу сказать. Так или иначе, Делла всегда пеняет Лиссе на чрезмерное легкомыслие и неприличную для девушки нашего круга

склонность к всевозможным забавам, более приставшим дочкам разбогатевших торговцев. Мне обычно достается за рассеянность, витание в облаках и любовь к неумным фантазиям, но исключительно из-за той неловкости, которую порой испытывают окружающие из-за моей неуместной задумчивости и ответов невпопад. Так-то легкая мечтательность по мнению Деллы – не порок, а скорее благодетель для девушки из хорошей семьи.

Я вспомнила наконец о просьбе Идды и заставила себя присмотреться к сидящим напротив. Мой взгляд тут же перехватил интересный юноша: рослый – насколько можно судить по сидящему человеку, – широкоплечий, с открытой улыбкой и непослушной гривой каштановых волос. Мне показалось, будто он отдаленно напоминает Грифона, я даже головой встряхнула – что за чушь! Ничего общего: вот он повернулся, и мне стало прекрасно видно, что профиль у него совсем иной, да и глаза...

«А какого цвета были глаза у Грифона?» – вдруг задумалась я и не смогла вспомнить. Мне показалось – темные, но впервые я увидела его в сумрачном коридоре и опасалась взглянуть ему в лицо, да и в последующие наши встречи не рассматривала пристально и уж точно не встречалась с ним взглядом. А еще думала нарисовать по памяти... Получилось бы, интересно?

У этого юноши глаза были голубыми. А может, и серыми, просто синяя туника выгодно оттеняла их: Лисса угадала, молодые люди тоже одевались по моде многовековой давности. Совсем как Грифон.

Не был ли он одним из них? Если да, то хотя бы становилось понятным его присутствие в замке. Если нет, тогда я никак не могла объяснить связанных с ним странностей, как ни старалась!

«Что-то ты слишком много думаешь о нем, – сказала я себе. – Неужели влюбилась?» И тут же снова встряхнула головой, чтобы глупые мысли выскочили из нее побыстрее – о таком и помыслить было невозможно!

Просто... Просто мне очень хотелось разгадать его загадку, пускай даже я понимала, что не стоит совать нос в подобные тайны, целее будет. А если ответ не найдется, я так и стану мучиться, возможно даже годами, я ведь уже упоминала о своей особенности. Должно быть, это мне и предстояло: даже если я снова повстречаю Грифона, вряд ли удастся расспросить его... И лучше будет убраться от него как можно скорее и как можно дальше! Но в то же время так хотелось поговорить с ним подольше, узнать о неведомых странах и, быть может, научиться азам дзейлинской скорописи...

«Что со мной? – опомнилась я, когда вилка звякнула о край тарелки. –

Откуда эти мысли? Они какие-то... не мои!»

Откинувшись на спинку стула, я нашла взглядом Идду – вид у нее был несколько озадаченный, да и у ее спутниц тоже. А вот кухни и многие другие выглядели настолько задумчивыми и в то же время радостными, что я невольно подумала: уж не добавили ли в нашу еду и напитки какое-нибудь зелье? «Злое зелье», – тут же подбросила память слова Ины. Откуда вдруг такое воодушевление? Почему Лисса так нежно смотрит на юношу напротив, Делла с ожесточением крошит поджаренный хлебец, а Тина-Санна озирается в недоумении? И что такое со мной самой?

«Разум есть разум. Не чувства», – вспомнила я слова Грифона. Быть может, на этом этапе Испытания и впрямь задействовано колдовство, призванное разбудить чувства в соперницах? Причем самые обычные низменные чувства к посторонним мужчинам, а вовсе не возвышенную любовь к его величеству, которого большинство из нас видели-то только на портретах! Не это ли станет испытанием? Почему нет... У Старой Птицы явно своеобразное чувство юмора.

«Имеет ли она какое-то отношение к очередной выдумке, или же это дело рук людей?» – задала я себе очередной вопрос, но он, конечно же, остался без ответа.

– Сударыни, – раздался голос распорядителя. – Те из вас, кто уже закончил трапезу, должны подойти ко мне и вытянуть жребий, каковой укажет на молодого человека, который в последующие дни делается вашим спутником и помощником, партнером в танцах и прочих увеселениях. Прошу же!

– Можно поменять, если не понравится? – звонко выкрикнула с места Мада-Норра, с которой мне довелось мыть полы.

Рот у нее не закрывался ни на мгновение, а еще она была необычайно смешлива и любила пошутить над остальными, но это выходило у нее как-то не обидно.

– Только если договоритесь с той, которую тоже не устроит предназначенный слепым жребием временный партнер, – ответил распорядитель, и она, казалось, удовлетворилась ответом. – Ну же, сударыни, прошу!

И вот так, одна за одной, мы получили спутников... на ближайшее время, если верить словам распорядителя. Мне достался тот самый, что издали показался похожим на Грифона. Вблизи я увидела куда меньше общего. Ростом он уступал моему странному знакомцу, руки у него оказались мягкими – я сразу вспомнила жесткие пальцы Грифона, когда напарник коснулся моей ладони. От него приятно пахло, а выглядел он...

Скажу так: словно ему никогда не приходилось утруждать себя. О нет, он не был ни толстым, ни рыхлым, но взгляд на него рождал мысли о том, что чем бы он ни упражнял тело, это всегда было только в удовольствие, но ни в коем случае не в тягость. Этаким сытый и довольный собой кот, холеный, сильный и ловкий, но... Только с певчими птичками вроде нас, пришло мне на ум. Ему никогда не попадался на пути настоящий дворовый полудикий зверь, тощий, весь в шрамах, одноглазый, с порванными ушами – гроза крыс, всех окрестных кошек, а то и зверей покрупнее...

Думать так об этом юноше оказалось настолько забавно, что я не смогла сдержать улыбки, а он, конечно же, заметил и не преминул сказать:

– Вы прелестны, когда улыбаетесь, сударыня.

– Спасибо, сударь, вы не первый, кто говорит мне об этом, – ответила я словами Деллы.

Кузина не любила дежурных комплиментов и порой бывала чрезмерно резка с их любителями. Наверно, она могла бы придумать что-нибудь более хлесткое, но, увы, – я никогда не была сильна в пикировке. Пришлось прибегнуть к подобной уловке...

– Сударыни, – продолжил распорядитель, – сегодня начнутся танцевальные классы. Соблаговолите переодеться к занятиям и быть на месте точно вовремя – колокол вы услышите. Желаю всем успехов!

Так потянулись дни нового этапа Испытания, словно подчиненные счету наставляющего нас учителя танцев – шаг, шаг, поворот, поклон... Дни, наполненные навязчивым вниманием кавалеров, отделаться от которых удавалось только в спальнях и только на ночь – днем они поджидали под дверьми, готовые в любой момент сопровождать нас, куда только заблагорассудится.

Лисса за три дня сменила пятерых провожатых – по договоренности с другими девушками, конечно же, которые тоже меняли их как перчатки.

Делла из последних сил терпела того, кто достался ей по жребию, так же поступала и я. Мне, пожалуй, было даже проще: я не настолько раздражительна, как старшая кузина, я могла отрешиться от болтовни партнера и погрузиться в собственные мысли. Главное было не кивать на каждое его слово, иначе выходило, что ты соглашаешься с любым, даже самым безумным, предложением, например взглянуть на звезды с вершины башни. Это зимой-то, в такой холод! Я, конечно, мечтательна и романтична, но не до такой степени! И к тому же мой кавалер определенно не был тем, с кем я отправилась бы на подобную ночную прогулку. Его звали Танн – Идда оказалась права, все молодые люди представились короткими, ни о чем не говорящими именами.

«О да, – сказала я себе, послушно двигаясь под музыку, – ты предпочитаешь гулять в одиночестве. Вот только встречи происходят... необычные».

Удивительное дело – до сих пор все девушки были на месте.

– Может быть, теперь исключать будут парами? – жизнерадостно предположила Лисса за ужином и улыбнулась своему новому кавалеру, Лану.

– Ты хотя бы узнала, с кем заигрываешь? – спросила Делла, поднеся к губам бокал.

Ей казалось, будто так со стороны сложнее заметить наши переговоры. Увы, она лишь закапала платье и привлекла больше внимания, чем если бы просто негромко говорила.

– Никто не называет настоящих имен, – чуть слышно ответила Лисса, и я кивнула. – О себе ничего не рассказывают. Мне не удалось даже выяснить, на севере они жили или на юге, на равнине или в холмах, в лесу или у реки, сколько у них братьев и сестер, живы ли родители... Немыслимо! Обычно люди так охотно говорят о себе, даже расспрашивать не нужно, а эти молчат, словно проклятые!

– Скорее уж, заклятые, – пробормотала я. – Зато они с интересом слушают, вы заметили?

– Еще как! Я нарассказала множество небылиц первому, потом все то же самое, но наоборот – второму, а третий пытался уточнять у меня детали и первых историй, и вторых, – хладнокровно заявила Лисса, поймала мой взгляд и улыбнулась. – Жаль, что у меня нет твоего воображения, Тесса, иначе я придумала бы такие истории, в которых эти кавалеры запутались бы, как котенок в распущенном клубке!

– Чего ради? – нахмурилась Делла. – Рассчитываешь попасть домой к зимним праздникам?

– Почему бы и нет? – дернула плечом Лисса. – Я думала, тут в самом деле окажутся неженатые молодые дворяне, а эти...

– Кто же они, по-твоему? – делано удивилась я.

– Не имею представления. Придраться невозможно, держатся они на высоте, но... сложно объяснить, вы же общаетесь только со своими верными тенями!

– Ты все же попробуй, – попросила Делла, и Лисса задумалась.

– Они, – произнесла она наконец, – какие-то одинаковые! Желают говорить лишь только о том, что интересно мне, при этом никогда не имеют собственного мнения... Ах, Тесса, если бы ты попробовала разговорить своего Танна! Ты прочитала столько книг, побеседуй о них!

– Но если он их не читал?

– Перескажи и попробуй сказать, что он думает об этом, неужели тебе сложно?

– Конечно, нет, но... – Я поймала взгляд Деллы и согласилась: – Я постараюсь.

Не объяснять же, что мне вовсе не хочется разговаривать с Танном и тем более делиться с ним мыслями о любимых историях? Это ведь все равно что пустить незнакомца в свою спальню и позволить бесцеремонно перевернуть вещи, перетрогать все любимые безделушки, рассмотреть их на свету и отбросить в сторону, как не заслуживающие внимания... или, наоборот, отложить, а то и вовсе присвоить.

– Ты так и не объяснила толком, что имела в виду, – вернула нас Делла к теме разговора.

– О, конечно, – спохватилась Лисса. – Я хочу сказать, что эти молодые люди совершенно безлики. Они... как манекены или те самые птицы-болтуны: только и умеют повторять: что вам угодно? О чем вы думаете? Почему вы так думаете? Зачем вы так поступили?

– То есть им приказано выведать, что у нас на уме?

– Наверно. У тебя есть другие идеи?

– Боюсь, нет. – Делла промокнула губы салфеткой и тщательно сложила ее. – И я вынуждена взять свои слова обратно.

– В каком смысле?

– В таком, что Тессе не следует более... хм... тесно общаться с ее спутником, ни на какие темы. Не то замечается и скажет что-нибудь... неуместное.

– Спасибо, я всегда знала, что ты высокого мнения о моих умственных способностях, – пробормотала я.

– Не обижайся, – неожиданно ласково произнесла кузина и погладила меня по руке. – Но согласись: если ты увлечена чем-то, то можешь забыть и наговорить лишнего.

Я, помедлив, кивнула. Увы, это было правдой, и не мне играть в шпионку, пытаясь подловить Танна на чем-то. Сомневаюсь, что даже Идде это по плечу, в особенности если здесь задействовано колдовство...

– Посмотри, как Ода-Летта улыбается Ритту, – негромко сказала Лисса, и я взглянула направо. – Вот увидишь, она натворит глупостей.

– Перестань, – попросила я, – она разумная девушка, и если уж добралась до второго этапа...

– Мы же не знаем, чем ее поманил Ритт, – еще тише произнесла кузина, и я вдруг заметила на ее лице незнакомое выражение, очень

взрослое и совсем не приятное. Она же повторила мои мысли: – Ода-Летта из небогатой семьи, она наверняка не верит в то, что может стать королевой. Так почему бы не выйти из игры с небольшой выгодой для себя?

– Хочешь сказать, кто-то из твоих кавалеров уже предлагал тебе руку и сердце? – правильно поняла ее Делла.

– Двое из троих, – показала на пальцах Лисса. – Третий еще не успел, но, думаю, наверстает упущенное после ужина или завтра утром.

– Но такой ход рассчитан на... Не на самых умных девушек, – поправила ее та.

– Однако это сработает, вот увидишь, – предрекла Лисса и улыбнулась, печально и совсем по-взрослому. – И не смотри так на меня, Делла. Ты до сих пор считаешь нас с Тессой маленькими сестренками, способными только хныкать и пачкать платя. А мы, представь себе, уже выросли, даже Тесса. Верно я говорю? Тесса?

– Что? – опомнилась я, и кузины тихонько засмеялись, но не зло, не обидно.

– Довольно говорить об этом, на нас уже смотрят, – сказала Делла. Лицо ее помрачнело. – Будьте осторожнее, особенно ты, Тесса. А ты, Лисса, перестань менять ухажеров, достаточно с тебя пятерых.

– Я больше не буду, – тоном маленькой девочки, обещающей не трогать варенье, протянула Лисса, надула губы и хлопнула ресницами, но тут же перестала гримасничать. – В самом деле, довольно. Я проверила, что хотела, и больше слова лишнего не скажу, чего и вам желаю!

Тут она оглянулась и добавила шепотом:

– Не сомневаюсь, Ода-Летта выболтала Ритту о себе все, вплоть до любимого цвета нижнего белья!

– И это моя сестра!.. – простонала Делла. – Вы закончили? Идемте к себе, я хочу отдохнуть...

Стоит ли говорить, что мне отдохнуть не довелось? Едва я отделалась от Танна, дождалась Ины (слава всему существу, теперь не нужно было далеко ходить, чтобы принять ванну) и решила лечь, как в дверь едва слышно постучали.

– Идда, это вы? – шепотом окликнула я.

– Кто же еще? – так же тихо отозвалась она, проскользнув в комнату. – Зря вы не запираете двери, Тесса.

– Чего здесь опасаться?

– Будто вы не знаете... – Принцесса тяжело вздохнула и откинула назад тяжелые белокурые локоны, схваченные светлым шарфом, почти

таким же, как был у меня.

– Догадываюсь, но... – Я замялась. – Неужели вы думаете, будто кто-нибудь отважится... Ну... Войти к нам без спросу?

– Может быть, и нет, – задумчиво ответила она и села на край моей кровати. – Однако проверять не хочется. Мой любезный Сэд вчера долго скребся под дверь, умоляя позволить ему хотя бы поцеловать мою руку или краешек платья. Пришлось вылить на него кувшин воды и приказать пойти проспать.

– В самом деле, кто мешал ему целовать вашу одежду среди бела дня, – усмехнулась я. – Но вы правы, Идда, а я была беспечна – даже не посмотрела, есть ли здесь засовы.

– Есть, я первым делом это проверила, – сказала она.

– Нужно предупредить кузин. Хотя, – перебила я саму себя, – они и без того достаточно сообразительны. Послушайте, что сказала за ужином Лисса...

Идда внимательно выслушала меня и кивнула.

– Судя по всему, ваша младшая кузина не обделена интуицией. Я почувствовала то же самое, но вот проверять, – она усмехнулась, – проверять не стала.

– Понимаю, это вам не пристало.

– И все же наблюдений Лина-Лиссы мало, – добавила Идда. – Мне хотелось бы присовокупить ваши.

– Вы имеете в виду рисунки? – уточнила я, дождалась кивка и протянула руку за папкой. – Вот, посмотрите. Кажется, я успела запечатлеть всех, кто попался мне на глаза. Приходилось делать это по памяти, но я на нее не жалею. Там на обороте подписано, кто...

– Нет, позвольте, я не стану смотреть на имена, – перебила она и повела себя странно: высыпала все листы из папки на кровать, изображениями вниз, и перемешала их.

– Что вы делаете? – не сдержалась я.

– Сейчас увидите, – сказала Идда и поискала что-то взглядом. – Дайте мне грифель, будьте так любезны! Благодарю... И, Тесса, вы не будете возражать, если я немного испорчу ваши работы?

– Нет, конечно, это же просто наброски, – недоуменно ответила я, глядя, как она выбирает из вороха рисунков один и показывает мне.

– Кто это?

– Ирр, если не ошибаюсь, – ответила я, присмотревшись. – Да, у него приметная родинка над бровью, и...

Принцесса, склонившись над рисунком, принялась ожесточенно

черкать грифелем.

– А теперь?

У юноши, изображенного на рисунке, появились усики, брови стали гуще, родинка исчезла в них, немного изменился рисунок рта.

– Вылитый Адри, второй кавалер Лиссы, – с удивлением ответила я. – Но...

– Пойдите...

Идда снова принялась колдовать над моим рисунком, а когда показала мне его, я уверенно произнесла:

– Это же Танн! Точно такая челка, и... Что это означает?

– А вы как полагаете?

– Не могут же все они быть братьями или близкими родственниками!

– Конечно же, нет, если только не явились из сказки, в которой у несчастной матери было три десятка сыновей – рост в рост, лицо в лицо, голос в голос, – усмехнулась Идда, вороша рисунок.

– Лисса тоже сказала, что они какие-то одинаковые... Но как это может быть, я не представляю, если только их не заколдовали!

– Или не наколдовали, – негромко сказала она. – Вы же сами убедились – достаточно немного изменить прическу, добавить пару штрихов, и Ирр превращается в Танна, а Танн... в кого угодно. Быть может, здесь вовсе не две дюжины молодых людей, а всего один... одно...

– Что?..

– Существо, – почти неслышно произнесла Идда, – способное разделяться на десятки себе подобных и при этом сохранять единый разум. Как в очень старых и страшных легендах... Не знаю, слышали ли вы в Гаррате сказки о Враге. Сомневаюсь в этом...

– О Враге?! – я вовремя схватила себя за язык, и возглас мой прозвучал не громче комариного писка.

– Все-таки слышали? – удивилась принцесса. – Надо же... я полагала, эти истории почти исчезли, их нигде уже не рассказывают, а о Враге даже упоминать перестали.

– Вот только в глуши память у людей дольше, – сказала я, потому что именно такого ответа она ожидала.

– Разве же Гаррат – глушь? Всего две недели пути до столицы, – усмехнулась она. – А что именно у вас рассказывают, Тесса?

– Я помню только одну сказку, слышала от кормилицы, – ответила я, мысленно попросив прощения и у бедной женщины, которая поминала Врага разве что в присловьях, и у Грифона. – О Старой Птице, которая отвоевала солнце у Врага. Правда, что это за Враг, каким он был, никто не

знает.

– Расскажите, – попросила Идда, и я послушалась. – Как мало осталось от истории великой битвы... Но даже это – больше, чем ничто.

– Кто он такой? – спросила я. – И почему больше не рассказывают эти сказки? Вы что-то знаете, Идда, так скажите же, наконец!

– В том-то и дело, что я почти ничего не знаю, – медленно произнесла принцесса. – Я сказала вам, что интересуюсь Испытанием не ради королевской короны, а... просто так. Это правда. Но Испытание неразрывно связано с замком Старой Птицы – с нею самой, судя по всему.

– В основании фундамента лежит ее гнездо, – повторила я слова Грифона и добавила: – Так у нас говорят.

– Вот даже как! – Глаза Идды загорелись. – Подумать только, столько лет... веков!..

– Вы что же, верите, будто Старая Птица в самом деле существовала? – попыталась я вернуть ее к реальности. – И Враг, кем бы он ни был, действительно украл солнце с неба? Разве это возможно?

– А почему нет? – Она посмотрела на меня в упор, и я невольно отстранилась. – Колдовство существует до сих пор, чародеи не вымерли, хотя мастерство их изрядно ослабло по сравнению с прежними временами. Наверняка они тоже хранят какие-то тайны, но добраться до них невозможно. Для этого нужно родиться чародейкой, пройти посвящение... А после этого ты, даже если окажешься достаточно сильной и сумеешь добраться до самых вершин, скорее всего, забудешь, что именно искала!

– Откуда вы знаете?

– Беседовала со многими чародеями, – с досадой ответила Идда. – Все они – лишь жалкая тень великих мастеров древности. Не знаю, что именно делают с ними в наши дни во время посвящения, но они ничем не лучше глиняных болванчиков! Слушают только своего господина, привязаны к нему гирляндой заклятий и связками амулетов, а собственной волей обладают только самые могущественные... Которые, конечно же, не снизойдут до беседы с одной из десятков принцесс!

«Инна-Ро – чудовищный брюзга, – услышала я голос Грифона, – но он один из немногих людей, кому я могу доверять безоговорочно. Согласись, это важно?»

А еще он сказал о разуме и мечте... Как жаль, что я испугалась тогда и не смогла поговорить с ним подольше! Окажись на моем месте Идда, уверена, она не упустила бы такого случая, и неважно, кем сочла бы Грифона – призраком, собственной фантазией или сумасшедшим, – все равно узнала бы все, что только захотела. Он ведь не прочь был поговорить,

никуда не торопился... Но что уж теперь локти кусать!

– Вы говорили о Враге, – напомнила я. – Но я не уверена, верно ли я поняла... Вы связываете его... с Испытанием?

– Да, – ответила Идда. – В легендах говорится, будто он един во многих лицах. Совсем как наши спутники, не так ли? Быть может, в действительности они выглядят совсем иначе. Это могут быть полоумные пастушки и нищие бродяжки, но в силах Врага заставить их выглядеть и вести себя как знатные кавалеры...

«Она сама одержимая», – подумала я, невольно отодвинувшись подальше.

– Замок, – принцесса обвела мои покои широким жестом, – меняется на глазах. Вы не заметили?

– Пожалуй, – на всякий случай согласилась я и сказала по наитию: – Но, думаю, вы не правы. Даже если от настоящего Испытания, каким бы оно ни было в прошлом, осталась лишь шелуха, Старая Птица все равно следит за нами.

– Почему вы так решили? – тихо спросила Идда.

– Никто из нас покамест не погиб и даже не покалечился. Вы сами об этом говорили, помните? Это Старая Птица присматривает, – выпалила я.

– Если это все, на что у нее хватает сил, – произнесла она, – то плохи наши дела...

– Я не понимаю вас!

– Если бы я сама понимала... – Она взялась за голову. – Я приехала сюда, чтобы узнать, как проходит Испытание. Но выходит, что... Все так запуталось, Тесса!

– Объясните же, я постараюсь понять, – попросила я.

– Это вовсе не Испытание, – сказала принцесса и посмотрела на меня в упор. – Это жертвоприношение.

Глава 9

Я молчала, как громом пораженная, потом все же вымолвила:

– Жертвоприношение? Но кому? И каким образом? Разве это делается так?..

– Да. Именно так. Теперь все сходится, – проговорила Идда. Волосы ее растрепались, упали на лицо, и она смотрела на меня из-за спутанных прядей, словно из клетки. – На первом этапе мы должны были проявить смирение, верно?

Я кивнула, забыв спросить, откуда она знает об этом. Уж наверно, принцессе было ведомо больше, чем всем нам, вместе взятым.

– Забрали тех, кто проявил неумную гордость, леность, праздность... Это была славная закуска для Врага. Он любит таких.

Принцесса теперь казалась мне еще более сумасшедшей, чем Грифон, от ее слов мороз подирал по коже.

– Но некоторые ведь отказались сами! – сказала я. – Эти-то в чем провинились?

– Трусость, – улыбнулась Идда. – У каждой найдется что-нибудь... Вот увидите, Тесса, скоро девушки снова начнут пропадать, и любую найдется в чем обвинить. В тщеславии ли, лжи, злословии...

– Нас, должно быть, тоже могут... забрать? – Я снова поежилась.

– Конечно. Интересно только знать, когда это случится... и как именно. И жаль, что я никому не смогу рассказать об этом!

– Идда, но ведь... Вы сами говорили – сестра вашей бабушки проходила Испытание, и она осталась в живых! Чего же опасаться?

– Мы не знаем, что именно она потеряла, – обронила Идда. – Ведь я не говорила, что нам непременно перережут глотки на алтаре, о нет!

– Да уж, исчезновение стольких девушек замолчать сложно...

– Враг действует не так, – не слушая, продолжала она. – Он не забирает жизнь – зачем она ему? Он отбирает то, что составляет твою суть, пускай даже это умение лгать не краснея... Та старая женщина прожила долгую, ничем не примечательную жизнь. У нее были дети и внуки, она похоронила мужа и, я знаю, уже в преклонном возрасте нашла друга сердца, но...

Она перевела дыхание и продолжила:

– Бабушка говорила – ее сестра после Испытания сделалась иной. Словно бы потускнела, утратила блеск, стала... обыкновенной. Я не сумела

дознаться, чем именно она прежде выделялась среди других, но, очевидно, что-то все-таки было, раз по ней сходили с ума мужчины и ненавидели женщины? И это вовсе не красота, о нет!

– Знаете, – произнесла я и сглотнула, потому что в горле неожиданно пересохло. – Моя кормилица говорит: в каждом человеке есть словно бы особое зернышко, как в праздничной булочке. Оно может быть сладким, соленым, острым или даже горьким, но без него вкус не тот.

– Как точно подмечено, – без улыбки сказала Идда. – Зернышки... Враг выколупывает их, оставляя обычное пресное тесто. Или сдобное, без разницы.

– Но зачем?

– Откуда же мне знать? Может быть, развлекается, а может, питается.

– Чего ради маскировать это под Испытание? – не отступалась я. – Что мешает ему заниматься тем же самым где угодно и с кем угодно? Неужели все дело в том, что в замке девушки собраны вместе, как... как булочки на блюде, напоказ? Не приходится далеко ходить и тщательно выискивать? Нигде больше не получится узнать, как принцесса относится к чистке конюшен, проверить ее в деле, верно?

– Скорее всего, так и есть, – обронила Идда. – Наверно, он способен устроить испытания одной-единственной избранной, но это долго, сложно и...

– Вотсе не обязательно в итоге он получит желаемое? – закончила я. – Девушка может оказаться самой обыкновенной, и добыча не будет соответствовать затраченным усилиям. А здесь – выбирай не хочу! Хоть несколько да окажутся подходящими! Вы это имеете в виду?

– Я в самом деле не знаю, Тесса, – покачала головой Идда. – Это... это лишь легенды. Но они вдруг обрели плоть, и теперь я не представляю, что с этим делать. Быть может, стоит просто завершить Испытание в свой срок и спокойно дожить отпущенный век, не вспоминая ни о чем?

– Вас ли я слышу! – не удержалась я. – Не вы ли мечтали раскрыть тайну?

– Иногда тайна оказывается больше, чем может вынести человек, – тихо сказала она. – Я не Старая Птица, хотя мои предки и вышли из ее гнезда, и мне не по силам встретиться лицом к лицу с Врагом.

– Трусость! – сказала я. – За нее, по вашим же словам, должны были забрать еще на первом этапе. Только не говорите, будто это разумная осторожность!

– Какая уж тут осторожность, если каждое наше слово наверняка становится известным... кому-то, – усмехнулась Идда и облизнула

пересохшие губы.

– Полагаете, Врагу и его присным, если это действительно они, больше нечем заняться, кроме как слушать болтовню девушек перед сном?

– Надеюсь, у них есть дела поважнее, – признала она. – Но что вы предлагаете, Тесса? Я признаю – я схватила загадку себе не по зубам, и теперь мне остается или выпустить ее, сделать вид, будто я промахнулась по ошибке, или же...

– Погибнуть? – тихо спросила я.

– Исход все равно один.

– Но почему вы думаете, будто вас уничтожат, если вы продолжите доискиваться правды?

– Не меня, но мою личность, – напомнила Идда. – Впрочем, всех нас ждет та же участь, и вас в том числе. Просто с некоторыми это случится раньше, а с другими прежде как следует позабавятся... Должно быть, Врагу по нраву, когда жертва на пределе, – это все равно что острая приправа!

– Ну а раз исход один, тогда тем более нет смысла опускать руки, – сказала я, сама себе удивляясь. – Пускай мы обо всем забудем, но хотя бы какое-то время будем знать... ну ладно, не правду, но хоть что-то! Мы можем строить догадки, предполагать, искать доказательства...

– Жить, – сказала она и улыбнулась. – В самом деле, я что-то раскисла, а вы возвращаете мне веру в себя, Тесса! Что бы я делала без вас?

Я промолчала – никогда не могу найтись с ответом в такие минуты. Может, оно и к лучшему, иначе сказала бы что-нибудь глупое и нелепое и все испортила.

– Кто вообще такой этот Враг? – спросила я, чтобы не молчать. – У нас толком не рассказывают...

– У нас тоже, – ответила Идда, – но, насколько мне удалось понять, он – средоточие всего дурного, что только есть в людях. Скажем, если кто-то любит бахвалиться или сплетничать – еще не страшно, многие из нас поддаются желанию приукрасить себя и свои поступки или обсудить знакомых за их спинами. Но Враг всегда рядом. Если человек податлив, тот найдет лазейку и начнет подталкивать: ври больше, еще больше... Займи денег, обещаю вернуть, когда разбогатеешь, скажи, что выгодно женишься или найдешь сокровище, и тогда всех озолотишь, а пока гуляй напропалую!

– А и правда, – сказала я, подумав, – иногда с людьми случается такое: будто их кто-то подзуживает и заставляет делать гадости. Раньше были обычными, ну, пускай не самыми приятными, а потом... Это Враг виноват?

– Нет, – сказала Идда. – Враг – это... Он как холодный ветер. Кто виноват в том, что он выстудил дом? Ветер – потому что дует, как ему

вздумается, или человек, потому что не закрыл двери и ставни и не разжег очаг?

– Не вполне понимаю, – призналась я, а она ответила:

– Все просто. В каждом из нас есть хорошее и дурное, одного больше, другого меньше, и это дается не от рождения. Неразумные дети не отличают зло от добра, да и взрослые не всегда на это способны...

Идда помолчала, потом продолжила:

– Вам наверняка приходилось и лгать, и злословить, и желать дурного, пускай даже в мелочах, верно?

Я пристыженно кивнула.

– И со всеми так. Это все равно что сквозняк в доме: наглухо законопатить все щели можно, но тогда ведь задохнешься у жаркого огня, – сказала Идда. – Но есть те, кто намеренно гасит огонь и распахивает окна навстречу ветру. Им кажется, так жить легче. Не нужно собирать хворост, подбрасывать его в очаг, не нужно следить, чтобы не погасло пламя, – ветер дует сам по себе... Вы понимаете?

– Кажется, да, – сказала я. – Можно сдаться на волю стихии и лететь, куда несет этот самый ветер, а можно ей противостоять. Второе тяжелее, но... Но ведь многие так делают, иначе наш мир давно рассыпался бы в прах!

– Неразумный Враг того и хотел, когда похитил солнце, – произнесла принцесса как нечто само собой разумеющееся. – Но Старая Птица его вернула. Солнце живет здесь...

Она коснулась рукой сердца, совсем как Грифон. У нее не было вышитого герба на одежде, но она ведь сказала, что ее предки вышли из гнезда Старой птицы. Могло ли случиться так, что та говорила через своего дальнего потомка? Даже помыслить о таком страшно!

– Но это было так давно... – тихо продолжила Идда. – Людей стало больше, пламя рассеивается, а Враг, наоборот...

– Чем больше людей, тем больше пороков? – догадалась я. – И тем он сильнее?

– Да, именно так.

– Лучше бы Старая Птица убила Врага, а не просто отобрала солнце! – в сердцах произнесла я.

– Нет, о чем вы, Тесса! – воскликнула Идда. – Его нельзя убивать. Без него...

Она развела руками, отчаявшись подобрать слова, а я представила себе палящее солнце, от которого невозможно укрыться, солнце, безжалостно выжигающее любую обиду, зависть, злость, даже самые ничтожные... И

даже те, что дают силы подняться на ноги и двигаться вперед, несмотря ни на что.

Или жарко натопленную комнату, в которой нет ни малейшего движения воздуха – ветер убит, он больше не стучит в закрытые ставни, не воет в дымоходе... и пламя угасает, потому что ему нечем дышать.

– Тогда я не понимаю, что происходит.

– Тот, кто решил использовать Испытание, чтобы накормить Врага, тоже не понимает, – сказала она. – Надеется обуздать стихию, но это не дано никому из смертных. Даже Старая Птица не пыталась такое сделать.

– Но если этот некто старается, как вы говорите, придать Врагу сил, выходит, он полагает, что сумеет им управлять? Или хотя бы договориться с ним? Обменять жертвы на... что?

– Не представляю, но план этот обречен на провал с самого начала. Вы пробовали когда-нибудь убедить ветер не дуть? – негромко засмеялась она. – Это то же самое, только разговаривать придется с могучим ураганом. Но, может быть, на короткий миг – короткий в понимании человека – ему удастся заставить Врага действовать... Вероятно, не так, как было задумано, но...

– Для чего? – снова спросила я. – Чтобы снова похитить солнце с неба?

– Думаю, нам хватит катастрофы помельче, – ответила Идда. Лицо ее до странного осунулось, глаза потускнели. – Люди вообще мыслят мелко. Уничтожить город. Или даже смести с лица земли половину королевства. Не нашего, конечно же, соседнего. Тогда их можно будет брать голыми руками...

– Перестаньте, я не верю в это! – воскликнула я. – Устраивать подобное ради... ради захвата власти?!

– Но это так по-человечески... – тихо произнесла она и вдруг замерла. Только пальцы шевелились – Идда перебирала мои рисунки.

– Что с вами? – спросила я и дотронулась до ее руки. Она была нестерпимо горячей.

Может, у принцессы жар? Отсюда и все странные речи о Враге и прочем... А я, вместо того чтобы звать на помощь, выслушиваю ее бредни!

– Тесса, а вот этот – совсем иной, – вдруг произнесла она совершенно другим тоном и протянула мне листок. – Кто это? Я его прежде не видела.

Я поняла, что сейчас провалюсь сквозь землю, потому что не удержалась – набросала все-таки портрет Грифона. Такого, каким увидела его в конюшне: растрепанным после скачки, с травинками в волосах и улыбкой на губах...

– Так... Один знакомый, – только и удалось мне выговорить.

– По сравнению с ним остальные тем более кажутся ненастоящими, – сказала принцесса и встала. – Мы заговорились с вами, Тесса, а завтра рано вставать... Доброй ночи.

– Вы хорошо себя чувствуете? – спросила я.

– Да, вполне, – удивленно ответила она, не удержалась и зевнула, деликатно прикрыв рот рукой. – Только спать очень хочется, но это поправимо, верно?

– Конечно... Но что делать с нашими... кавалерами?

– Вести себя как можно более осторожно, – ответила она. – Понаблюдаем – пока мы не знаем, чего можно от них ожидать.

– Ода-Летта ведет себя... опасно, – выговорила я, и мы с принцессой обменялись взглядами.

Обе мы понимали, что предупредить Летту бесполезно, она не поймет и не поверит. Выходило... Придется ждать и смотреть, чем закончится ее роман? Это...

«Как сквозняк в теплой комнате», – подумала я, проводив Идду и закрыв дверь на засов. Мне удалось коснуться ее руки – она оказалась совершенно обычной, глаза не блестели лихорадочно, на щеках не было румянца, а на лбу – испарины... Может, мне показалось? Немудрено после такой беседы! Мне ведь все время чудилось, будто не Идда говорит со мной, вернее, не только она, а кто-то еще – ее устами, отчаявшись донести до нас важную мысль. Увы, слабый человеческий разум не вмещал ее, приходилось передавать хотя бы так, частями, урывками... Я поняла почти все – или мне просто хотелось так думать.

Знать бы, что запомнила Идда! Может быть, она и не помнит, о чем мы говорили, а уверена, будто все это время мы обсуждали кавалеров?

Распрошу завтра, решила я и принялась собирать рисунки. Нет, все-таки я скверная рисовальщица: кавалеры и впрямь на одно лицо, а Грифон в жизни и вполтину не так симпатичен, как на портрете! Я приукрасила его по привычке – кузинам и знакомым нравилось, когда я изображала их красивее, нежели они были на самом деле.

Хранить этот рисунок было нельзя, и я, поколебавшись (ведь можно спрятать в книге, за переплетом, или еще где-нибудь!), поднесла листок к огню. Сперва затлел край, потом пламя разгорелось, охватило весь рисунок, и я уронила его на пол, опасаясь обжечь пальцы.

В последний раз мелькнуло улыбающееся лицо – вместо непослушной гривы пламенели языки огня, – и исчезло, рассыпалось черным пеплом. Я растерла его подошвой туфли, совсем как кровь Грифона на каменных плитах в коридоре – это было недавно, а казалось, будто прошла целая

вечность...

«Ничего, – сказала я себе, накрыв голову подушкой. – Вернусь домой и нарисую его снова, хоть сто тысяч раз!»

Но это было слабым утешением – я ведь знала, что, вернувшись в отчий дом, не вспомню ровным счетом ничего...

* * *

Наутро я проснулась, чувствуя себя совершенно разбитой. Подумала еще: может быть, Идда и впрямь нездорова, а я подхватила от нее заразу? В самом деле, мне казалось, будто я заболеваю, но жара не было, в отражении своем я не сумела углядеть признаков начинающейся лихорадки – ни пятен румянца, ни противоестественной бледности, ни блеска в глазах, характерного для болезни. Не было ни кашля, ни боли в горле... Оставалось только списать дурное самочувствие на плохой сон (мне и впрямь снились кошмары, но что именно я видела, вспомнить не удалось), духоту в комнате и... не знаю, перемену погоды и новолуние, не иначе! Бабушка – я помнила ее достаточно хорошо – всегда говорила, что в такие дни голова у нее болит и кружится, отказывалась от пищи и на день-другой закрывалась в своих покоях. Матушка страдала тем же самым, правда по иной причине, но на мне женские недомогания таким образом не сказывались, да и не время было.

«Наверно, это от безделья», – невольно усмехнулась я. И правда: когда работали не покладая рук, думать о подобном было попросту некогда – выспаться бы! А теперь непривычное тело мстит за издевательства – то там заболит, то здесь кольнет, будто мне сто лет...

Отчаянный крик заставил меня вздрогнуть и выронить щетку для волос. Крик повторился, хлопнула дверь, раздались другие голоса, и я не удержалась – отодвинула засов и выглянула в коридор. Как раз вовремя, чтобы увидеть мелькнувшее в конце коридора коричневое платье убегающей прочь горничной – это она оглашала замок рыданиями. Что же случилось?

– В своем ли вы уме? – услышала я голос Идды и подошла ближе. – Кто дал вам право калечить чужую прислугу?

– А кто дал ей право жечь мне лицо щипцами для завивки?! – взвизгнула Каса-Онна, рослая шатенка, ровесница Идды. – Взгляните! Останется шрам!

– Вы вот ЭТО называете ожогом? – презрительно спросила

принцесса. – В самом деле? Крохотное розовое пятнышко, следов которого через четверть часа и не сыщешь?

– Это не ваше дело, сударыня! – ответила Каса-Онна. Зеленые глаза ее метали молнии, наполовину завитые темные локоны змеями вздыбились вокруг головы. – Я готова ответить на вопросы господина распорядителя, но пускай сперва он сам объяснит, как такую неумеху допустили прислуживать знатным девицам!

– Какой бы она ни была неумехой, – неожиданно встряла Мада-Норра, – это не повод уродовать ее! Вы всегда предвзято относились к Але, и это могут подтвердить все, с кем вы делили спальню в самом начале Испытания.

– То есть вы одна, – ядовито улыбнулась Каса-Онна. – Остальных уже нет в замке.

– Мое слово против вашего? Не возражаю! – та вздернула подбородок. – Надеюсь, вас выставят отсюда еще до завтрака, сударыня. Подумать страшно, что до финала Испытания может дойти настолько неуравновешенная особа!

– О, разумеется, лучше пускай победительницей станет та, что стерпит от горничной и раскаленные щипцы, и яд в напитке! – не осталась в долгу Каса-Онна.

– Сударыни, вам лучше вернуться в комнаты и закончить утренний туалет, – негромко произнесла Ина, неведомо когда появившаяся за нашими спинами. Я и не заметила, что кухни тоже здесь. – Нехорошо, если молодые люди увидят вас неодетыми.

– Что с Алой? – тут же спросила Лисса. – Ей сильно досталось?

Ина помолчала, взглянула по сторонам – все были достаточно увлечены ссорой, чтобы не обратить на нас внимания, – и тихо ответила:

– Да, сударыня. Боюсь, она ослепнет на левый глаз. Мы позвали лекаря, но...

– Я ей сейчас эти локоны повыдергаю! – неожиданно воскликнула Лисса и ринулась было вперед, но Ина ловко схватила ее за локти.

– Прекратите, сударыня! Вы ведете себя неподобающе!

– А Каса-Онна, значит, повела себя подобающе? – гневно фыркнула кухня, стряхнув с себя руки горничной. – Или... Это устроено нарочно? Не могу представить, чтобы вы, Ина, терпеливо ждали, покуда я выжгу вам щипцами глаз, и даже не попытались увернуться или оттолкнуть угрозу! Как вы меня сейчас удержали... Неужели Ала не могла постоять за себя?

Ина не ответила, а мы переглянулись. Лично я надеялась, что с Алой все обошлось и она лишь играла отведенную роль, но... Кто знает? Быть

может, жизнь и здоровье каких-то горничных не имели значения в затеянной игре? Или они тоже... не вполне люди? Впрочем, мне не нужно было рисовать служанок, чтобы увидеть – они-то как раз очень сильно различаются, не то что наши кавалеры.

– Пройдите в свои комнаты, сударыни, – повторила Ина.

Я слышала, другие горничные также пытаются увести своих подопечных, но те мешкали. И то: жизнь в замке была бедна событиями, а тут такое происшествие!

И вдруг раздался звук оглушительной пощечины, а после него наступила не менее оглушительная тишина.

Все мы повернулись к спорщицам и могли видеть застывшую с поднятой рукой Каса-Онну и оцепеневшую Кара-Идду – с алым отпечатком пятерни на щеке.

– Оскорбление ее высочества... действием... – едва слышно выговорила одна из спутниц принцессы, будто мы сами не видели, что произошло.

Я была уверена, что Идда спровоцировала Каса-Онну: та и без того кипела от негодования, и нескольких точно выверенных фраз наверняка хватило ей для того, чтобы окончательно утратить контроль над собой и поднять руку уже не на горничную, а на ту, что была намного выше ее по положению.

Принцесса Карадин, конечно же, очень дальняя родственница его величества, но в ее жилах течет королевская кровь. И это не шутки. Пусть во время Испытания все мы вроде бы равны, но...

– Оскорбление действием, – согласилась Идда, коснувшись горячей щеки. – Я требую удовлетворения! Немедленно!

Девушки ахнули и попяtilись.

– По праву оскорбленной стороны я вправе выбрать оружие, – протянула принцесса, наступая на Каса-Онну. – Вряд ли вы умеете фехтовать, сударыня, не так ли?

Та затравленно оглянулась, взгляд ее упал на доспехи в нише, и я уж было решила, что сейчас Каса-Онна попытается схватить неподъемный меч, но какое там...

– Вы явно неплохи в рукопашной, – закончила мысль Идда, – поэтому защищайтесь как сумеете!

– Сударыни!.. – попытались вмешаться горничные, Ина в том числе, но тщетно.

Рука у принцессы оказалась тяжелой – она вернула Каса-Онне оплеуху, от которой та отлетела к стене. Правда, не сдалась (что ей было терять, в

самом деле?) и попыталась ударить Идду кулаком в грудь, но угодила в плечо. Попытка схватить противницу за волосы тоже не увенчалась успехом – в отличие от Каса-Онны, Идда была тщательно причесана. От растопыренных пальцев с острыми ногтями принцесса тоже увернулась, дав сопернице хорошего пинка, а когда та бросилась на нее снова...

Я не сразу поняла, что случилось. Каса-Онна вдруг покатилась по полу, жалобно взвизгнув и зажимая лицо ладонями, а Идда вынула платок и тщательно отерла брызги крови сперва со своей руки, а затем с длинной острой шпильки, которую успела выхватить из прически.

– Проверьте, вышибла ли я ей глаз? – приказала она своим наперсницам и усмехнулась, ловко вонзив шпильку в тяжелый узел белокурых волос. – Даже если нет, надеюсь, этот урок пойдет ей впрок.

– Сударыня, ваше поведение возмутительно! – без особенной уверенности в голосе произнесла Нера, одна из старших горничных. – Я вынуждена буду доложить господину распорядителю, и...

– Доложите, разумеется, – перебила Идда. – И не забудьте присовокупить рассказ о том, что натворила эта... – Она брезгливо взглянула на скулящую на полу Каса-Онну. – И речь вовсе не о пощечине, которой она меня наградила.

– Непременно, сударыня, – Нера поспешила к лестнице.

Две горничные подняли на ноги Каса-Онну и увели ее в комнату, а прочие принялись ненавязчиво теснить нас прочь от места происшествия.

Впрочем, Лиссу не так-то просто сдвинуть с места, если она того не желает.

– Сударыня, где вы выучились так драться? – выкрикнула она через плечо Ины.

– Дерутся пьяные в трактире, – охотно отозвалась Идда. Мне показалось, ей понравилось это представление: она покраснелась, а грудь ее вздымалась чаще обыкновенного, хотя запыхаться принцесса не успела. – А сражаться меня научили дома. Неужели в других краях благородных девиц не учат постоять за себя?

– К сожалению, нет, – ответила Делла и отстранила Ину. – Предполагается, что у девушки имеется защитник, в противном же случае остается лишь сдать на милость победителя.

– Можно завизжать и упасть в обморок, – добавила Лисса, глядя на принцессу влюбленным взглядом. Кажется, она нашла себе новый объект для поклонения. – Но вот как обороняться подручными средствами, нам не объясняют.

– О, обычно я ношу при себе стилет или кинжал, но их изъяли по

приезде, не говоря уж о револьверах, – улыбнулась Идда. – Однако мои учителя знали, что такой поворот событий возможен: вряд ли вас впустят в чужой дом с оружием, – а потому научили меня обходиться малым. Это старинное искусство. Говорят, его принес в наши края наставник кого-то из королей древности – их имен история не сохранила, но, судя по всему, тот мастер происходил откуда-то из рассветных стран. У нас сражаются иначе.

«Инна-Ро, – невольно вспомнила я слова Грифона. – Может, речь о нем или о его соотечественнике? Нет, что за ерунда...»

– Жаль, что матушка запретила нам учиться фехтовать! – выпалила Лисса.

– Скажи спасибо, что она нам верхом ездить разрешила, – вздохнула Делла и тут же добавила: – Прошу извинить, ваше высочество. Моя сестра так непосредственна... Надеюсь, с возрастом это пройдет.

– Надеюсь, что нет, – с улыбкой ответила Идда, чем повергла кузин в некоторое недоумение. – Обрыдло видеть при дворе пресные физиономии. Ваши лица внесли бы приятное разнообразие.

С этими словами она развернулась и удалилась в свою комнату, а ее наперсницы, повинувшись жесту Идды, с подавленным видом отправились восвояси, оставив нас на опустевшем поле боя...

Глава 10

– Что на вас нашло? – шепнула я, когда мы с Иддой встретились в танцевальном зале. Пока партнеры находились во внешнем круге, можно было переброситься парой слов.

– А вы как полагаете? – Она плавно повернулась, ослепительно улыбнулась своему кавалеру, и мы разошлись.

– Вы решили спровоцировать... не знаю, кого именно? – спросила я, когда мы вновь оказались рядом.

– Отчасти, – ответила она через плечо. – Я не хотела доводить дело до дуэли, но...

– Но – что?

– Семейное безумие взяло верх, – вздохнула Идда, и танец опять развел нас по сторонам зала.

«О чем она?» – невольно задумалась я, бездумно повторяя не такие уж сложные па.

Никто из нынешней династии не замечен в сумасбродстве... даже в переносном смысле слова. Конечно, простые смертные о многом могут не знать, но если бы у кого-то из Даррахейнов проявились признаки сумасшествия, об этом непременно стало бы известно, ведь за много веков правления они многократно роднились с другими знатными семействами...

– Что вы имели в виду? – спросила я, опять встретившись с Иддой. – Под фамильным безумием?

– Карадины этим грешат, – виновато ответила она. – Иногда накачивает, и... вы видели результат. Обычно это случается, когда мы наблюдаем жесточайшую несправедливость по отношению к беззащитным...

И поди пойми, чьему именно роду принадлежит это так называемое безумие!

– Говорят, – добавила Идда, обходя вокруг меня в завершающей фигуре танца, – наш род идет от последнего прямого потомка Старой Птицы, и такие вспышки праведного гнева – ее наследие.

– А как же Даррахейны?

– Это темная история, – шепнула она. – Король погиб, а на его вдове женился тот, кто... Словом, он занял престол. Наследник родился через год, но...

– Но считался сыном покойного короля, – кивнула я. – И это он стал

основателем династии?

Идда кивнула и добавила, прежде чем кавалеры снова развели нас в стороны:

– Наш предок был всего лишь признанным бастардом. Младшим братом убитого короля, а не сыном вдовой королевы...

«Почему же он не предъявил прав на престол?» – подумала я, склоняясь перед партнером. Впрочем, что тут гадать? Младшему брату могло быть совсем мало лет, он мог расти далеко от столицы, а когда повзрослел, новый король уже крепко держал в руках бразды правления. Вряд ли у бастарда хватило бы сил и влияния на то, чтобы предъявить права на престол. И никто не рискнул поставить на него и развязать смуту в надежде сменить правителя, иначе сейчас королевством правила бы династия Карадин, а не Даррахейн.

Быть может, новый муж вдовы оказался не таким уж плохим королем? Он ведь не уничтожил память о предшественнике, Идда бывает при дворе, носит титул принцессы... И, в конце концов, семейные легенды часто оказываются далеки от истины. Кто знает, как все было на самом деле?

– О чем вы задумались, сударыня? – обратился ко мне Танн, усадив отдыхать и поднеся бокал с прохладительным напитком.

– Мне кажется, во втором туре мы слишком ускорились и обогнали остальных, – ответила я, – нужно двигаться более плавно, иначе мы нарушаем рисунок танца. Учитель будет недоволен, вот увидите!

– Непременно учту ваше пожелание, – наклонил он голову. – Не будет ли большой дерзостью с моей стороны спросить, о чем вы беседовали с ее высочеством?

– Она спросила, не видела ли я, насколько сильно изуродована бедная Каса-Онна, – сказала я.

– Несколько раз?

– Даже если так, что с того?

– Неужели ее высочеству нравится смаковать подробности происшедшего по ее вине?

– Вы изволите меня допрашивать, сударь? – не выдержала я.

– Что вы, сударыня, просто... – Танн тяжело вздохнул. – Прошу вас, будьте осторожны.

– Непременно учту ваше пожелание, – с любезной улыбкой повторила я его слова, с треском закрыла веер и встала. – Я хотела бы переодеться к обеду.

– Я провожу вас, сударыня. – Он подал мне руку, и я безо всякой охоты приняла ее.

Может, не стоило говорить с Иддой прямо в танцевальном зале? Конечно, музыка и звук шагов заглушали наш шепот, но...

В комнатах нас наверняка подслушивают, а других укромных мест я не знаю. Не записками же обмениваться – их легко отобрать... Вот если бы Идда выучила мой секретный язык, тогда все оказалось бы проще, но, увы, – не было времени показывать ей эту тайнопись.

Я с большим трудом отделалась от Танна и заперлась на засов. Можно было ненадолго перевести дух: я не увижу своего сопровождающего, если только мне не взбредет в голову выйти из комнаты. Но я этого делать не собиралась, а впустила только Ину – та принесла воду для умывания и смену белья. Что и говорить, это было кстати после танцев!

К обеду я вышла достаточно отдохнувшей и готовой противостоять натиску Танна. Вот только когда мы уселись за стол, между нами с Деллой осталось свободное место...

Мы переглянулись с недоумением и, что скрывать, с тревогой – днем Лисса была с нами, вела себя как обычно, и ее внезапное исчезновение выглядело странно. Обычно девушки исчезали ночью: утром нам объявляли, что такая-то и такая-то покинули замок Старой Птицы, но еще ни одна не пропадала среди бела дня! Можно было понять отсутствие Каса-Онны – она лелеяла свою рану, но куда подевалась кухня?

Я посмотрела на Идду – та тоже заметила отсутствие Лиссы и нахмурилась.

Делла поманила к себе Ину и спросила вполголоса:

– Лисса что, занемогла? Приказала подать ужин в комнату?

– Нет, сударыня, – ответила та.

– В таком случае, где же она?

– Боюсь, ваша сестра покинула нас, – спокойно ответила Ина, разглаживая передник и не глядя нам в глаза.

– Но почему так... скоропалительно? – нахмурилась Делла. – Мы могли бы передать с нею письма – зачем посылать гонцов, если Лисса все равно едет домой? И почему она ничего нам не сказала?

– Возможно, остатки гордости не позволили ей посмотреть вам в глаза? – предположила Ина, едва заметно улыбнувшись. – Ведь ваша сестра очень юна, и вряд ли она желала ваших, сударыни, утешений и уверений в том, что ее еще ждет блестящее замужество...

– А где ее кавалер? – обратила я внимание на пустое место за столом напротив и припомнив слова самой Лиссы: «Может, теперь исключать будут парами?»

– Сами посудите, сударыни, что ему делать здесь, когда его дамы с

нами нет? – негромко произнесла Ина.

«Если она сбежала с этим проходимцем, матушка нас убьет, – читалось в глазах Деллы. – Нет! Прежде я убью их!»

– Почему же об исключении Лиссы из числа участниц Испытания не было объявлено во всеуслышанье, как это делалось прежде? – не сдержалась и я. Наверно, все-таки заразилась от Идды: прежде мне и в голову не пришло бы подать голос при таком скоплении народа. – Господин распорядитель! Ответьте, будьте так любезны: где Лина-Лисса, младшая дочь Линдора?

– Да, мы требуем ответа! – поддержала Делла и незаметно протянула мне руку. Мы сцепили пальцы прямо над пустым стулом Лиссы.

Воцарилось молчание.

– Эта девушка, – произнес наконец распорядитель, пожевав губами, – отбыла из замка два с небольшим часа назад

– Сразу после урока танцев? – вслух удивилась Мада-Норра. – Что заставило ее поступить столь странным образом?

– Должен отметить, – продолжил распорядитель, хмуря брови, – что Лина-Лисса, младшая дочь Линдора, не была отстранена от Испытания, а завершила его по собственной воле.

Мы с Деллой переглянулись. Что за чушь! Лисса вовсе не собиралась уезжать, уж настолько-то мы ее знали! Она горела желанием если не победить, так хотя бы пройти Испытание полностью, узнать, что будет дальше...

Но даже если бы она решила вернуться домой, то непременно сообщила бы нам! Ведь многое из того, чего нельзя написать в скупых письмах, можно передать на словах... А Лисса не знала, что позабудет обо всем, покинув замок Старой Птицы, или, возможно, приобретет какие-то иные воспоминания, имеющие мало общего с реальностью. И потому обязательно спросила бы у нас с Деллой, что шепнуть родителям или еще кому-то!

Может быть, с ней что-то случилось? Вряд ли несчастный случай – их здесь не бывало, я уже говорила, но если кто-то навредил ей? Этот ее кавалер, как же его...

Судя по выражению лица, Делла мыслила так же.

– Я желаю, чтобы мне незамедлительно сообщили о благополучном прибытии Лина-Лиссы домой, едва только вернутся сопровождающие ее люди, – неожиданно произнесла Идда таким тоном, что шепотки в зале мгновенно стихли. – А поскольку уехала она совсем недавно, то, господин распорядитель, потрудитесь послать вдогонку этой девушке человека –

пускай передаст мою просьбу написать лично мне и объяснить, по какой причине она решила прервать Испытание. Обещаю и могу поклясться честью – я не разглашу этой тайны даже родной сестре и кузине Лина-Лиссы, но...

– Но вы не в том положении, чтобы чего-то требовать, сударыня, – все тем же негромким, но необычайно внятным голосом перебил ее распорядитель. – Вы вправе сами прервать Испытание, а после того засыпать уехавшую подругу письмами или даже навеститься к ней в гости, но пока вы находитесь в замке Старой Птицы, вы ничем не отличаетесь от других участниц состязания.

– Да неужели? – прошептала Мада-Норра, накручивая на палец длинную русую прядь.

Она всегда так делала, если замечала нечто интересное, я давно это подметила. По правде сказать – когда застала ее в курятнике: Мада-Норра наблюдала за тем, как петух топчет курицу, словно никогда в жизни не видела подобного. Может, и не видела – она была родом из столицы.

– Не в моих правилах раздавать советы, сударыня, – продолжил распорядитель, – но вам следует больше следить за собственным поведением, нежели за чужим, и уповать на то, что завтра вы сами не покинете наше общество.

– Поверьте, я не стану рыдать ночами в подушку, если меня с позором изгонят из этого славного замка, – с улыбкой ответила Идда, но мне почудилось, будто она не на шутку встревожилась. – И вы совершенно правы: ничто не мешает мне нанести визит Лина-Лиссе и ее уважаемым родственникам. Надеюсь, мне не откажут в гостеприимстве?

– Гаррат будет рад приветствовать вас, – отозвалась я.

Еще бы не рад! Если дедушка узнает о визите принцессы Карадин, он лично проверит каждый закоулок замка, чтобы не ударить в грязь лицом перед высокородной гостьей...

Обед продолжился в мрачном молчании, а после него, когда настало время самостоятельных занятий, Идда подседа ко мне в музыкальной комнате. Я по-прежнему рисовала – это помогало занять руки, хотя не избавляло от тяжелых мыслей. Увы, на чтении я сосредоточиться не могла, брать в руки ланту не хотелось тем более – я знала только веселые пьески, а сейчас мне было не до смеха.

– Прелестный букет, – похвалила она мою работу, – хотела бы я уметь рисовать так по памяти!

– Это же совсем не сложно, – ответила я, с недоумением покосившись на принцессу. С трудом верилось, будто она не в состоянии изобразить

нечто до такой степени незамысловатое!

– Должно быть, только для тех, кто обладает не только хорошей памятью, но и живым воображением, – сказала Идда. – Я прекрасно помню цветущие сады и букеты, которые преподносили мне поклонники, но вот беда – не могу перенести их из памяти на бумагу.

– Думаю, вам просто не хватает практики, – предположила я, поняв, наконец, что она не просто так затеяла этот разговор. – Может быть, попробуете? Сейчас у нас предостаточно времени, так почему бы не посвятить его живописи?

– Пожалуй, но только если вы согласитесь быть моей наставницей. – В светло-карих глазах принцессы мелькнул огонек. Судя по всему, я правильно поняла ее намеки. – Признаюсь, я так давно не держала в руках грифель и кисти, что непременно стану делать глупейшие ошибки!

– О, это вовсе не страшно, – в тон ответила я. – Их всегда можно поправить, а если рисунок окажется безнадежно испорчен – бросить его в огонь и начать заново.

– Этим мне и нравится рисование, – проговорила Идда. – В вышивании, которым, как уверяют, славится Каса-Онна, исправлять что-то намного сложнее. Иногда приходится распускать половину работы, а я не настолько терпелива... Ну же, приступим!

Конечно же, это был фарс, но, пускай зрителей у нас оказалось не так уж много, мы старались изо всех сил. Только с третьей попытки принцесса изобразила нечто, отдаленно напоминающее цветок, а пока пыталась исправить рисунок, быстро написала прямо поверх него: «Вещи Лиссы на месте».

– Идда, не нужно так давить на грифель! – воскликнула я, когда она густо заштриховала надпись. – Получается ужасная грязь, вы же сами видите... Позвольте, я покажу, как нужно. Да, позвольте направить вашу руку... Вот так, плавно...

«Вы уверены?» – коряво вывела я рукой Идды. Она кивнула и, высвободившись, дописала: «Я проверила».

– Так лучше? – спросила она вслух. – Хм, пожалуй... но все равно – ужасно!

Смятый листок полетел в камин, и мы с принцессой наблюдали, как распустился и тут же рассыпался прахом огненный цветок.

Вот так дела... Мы с Деллой не додумались заглянуть в комнату Лиссы. Вернее, хотели сделать это перед ужином, когда все разойдутся по своим покоям. Быть может, Лисса оставила нам записку?

«Что это означает?» – написала я на новом листке и тут же размазала

слова, делая вид, будто изображаю туманную даль и угрюмые голые деревья на ее фоне. Идда едва заметно пожалала плечами.

Да уж, гадай тут... Мы ведь не знали, уезжали ли другие девушки с вещами или без, никому не приходило в голову проверить это! А хотя...

«Ваши спутницы? Их вещей нет?» – черкнула я, и Идда кивнула. Верно, ее наперсницы жили с ней в одной комнате и в соседней, а сложно не заметить отсутствие сундука, еще вечером стоявшего рядом с твоим!

В таком случае, куда подевалась Лисса? Даже если на мгновение предположить, будто она умолила отправить ее домой немедленно, то неужели никто не подумал о том, как она станет обходиться две недели в пути (а то и больше!) без смены одежды, а главное, теплых вещей, кроме тех, которые она надела на себя?

«Наверно, с ней действительно что-то случилось, но это скрывают», – подумала я и зябко поежилась – откуда-то словно потянуло сквозняком.

Вспомнились мои мысли в самом начале Испытания, при первой встрече с Грифоном: девушка якобы уедет домой, но на самом деле ее принесут в жертву, родителям же сообщат, что дочь благополучно вышла замуж... В свете последнего разговора с Иддой – о жертвах, Враге и прочем – эти рассуждения уже не представлялись вовсе уж нелепыми! А учитывая то, что все мы, вернувшись домой, ничего не вспомним... О, сколько возможностей открывалось перед негодьями!

А сундук Лиссы... Наверно, его просто не успели убрать – если бы слуги пришли за ним среди дня, кто-нибудь непременно бы их заметил. Должно быть, это оставили до вечера, и если бы любопытная Идда не сунула нос в спальню Лиссы, мы... Мы могли поверить, что та взяла и уехала, а по какой причине – гадать можно до бесконечности.

«Может, она сбежала?» – предположила я и тут же стерла написанное.

«Вам лучше знать, это ваша кузина», – был ответ, и еще один листок полетел в огонь.

Да, конечно же, я знала Лиссу с раннего детства, и могла уверенно сказать: вряд ли кто-то из здешних кавалеров сумел подбить ее на побег. Не зря ведь она меняла их, а потом смеялась, и...

«Она заметила, что они одинаковые», – написала я, и мы с Иддой переглянулись. У нас-то была версия, объясняющая пугающую схожесть молодых людей, пускай и фантастическая, но до чего додумалась Лисса? Или даже не додумалась, а увидела или подслушала? Вызвала своего спутника на опасную откровенность? Или...

Или наш разговор с Иддой – и ночной, и сегодняшний – все-таки услышали. Чем же тогда стало исчезновение Лиссы: предупреждением?

Наказанием? Но почему не взяли меня, раз я замешана в этом деле? Принцессу Карадин, возможно, тронуть не осмелились, а мы с Лиссой равны по происхождению, всей разницы – я первая дочь в семье, а она вторая! Вдобавок Лисса принцессе никто, они даже не общались, и логичнее было бы убраться отсюда, чтобы дать Идде понять – следует прекратить изыскания.

Гадать можно было до бесконечности, но... Узнать бы только, что с Лиссой, где она, жива ли, в безопасности? Даже если из дома придет письмо – через месяц с лишним, если повезет! – кто поручится, что оно настоящее? Подделать почерк и печать не так уж сложно, особенно если здесь замешано колдовство... А к тому моменту, как я сама отправлюсь домой, я, может, вовсе позабуду о том, что кузин у меня было две.

Что же делать?

Наверно, задумавшись, я задала этот вопрос вслух, потому что принцесса приложила палец к губам, вслух же сказала:

– Думаю, нужно прекратить бесплодные попытки... обучить меня живописи. Не представляю, во что превратилось бы мое платье, возьмись я за кисть!

«Прекратить попытки, вот как? А Лисса?»

Очевидно, мысли мои достаточно ясно читались на моем лице, потому что принцесса покачала головой и отвела взгляд. Я поняла это так: лучше оставить все как есть, пока не пострадал кто-нибудь еще. Например, мы сами...

– Благодарю за терпение, Тесса, – сказала она, на мгновение сжав мою руку и пристально посмотрев в глаза. – Но, увы, это безнадежно. Остается только ждать развязки... И надеяться, что в финальном испытании нам не придется писать портрет его величества – я непременно проиграю!

Я вежливо улыбнулась в ответ. Надеюсь, внешне мое выражение лица можно было принять за разочарование собственными учительскими способностями...

Вот только я не могу успокоиться, пока не разгадаю загадку, и в этот раз было то же самое: я чувствовала, что должна хотя бы попытаться отыскать Лиссу или ее следы! Принцесса заходила в ее комнату, но она совсем не знала нашу кухню, а потому могла и не заметить какой-нибудь мелочи, чего-то такого, что поняли бы только мы с Деллой, всю сознательную жизнь прожившие с Лиссой бок о бок... Одним словом, мне самой нужно было заглянуть в спальню кухни, и случай представился, как я и рассчитывала, перед самым ужином.

Выждав время (сейчас все должны были переодеваться и

прихорашиваться, включая наших кавалеров), я выскользнула в коридор. Так и есть – никого! Комната Лиссы была рядом с моей, и я толкнула дверь – ту не удосужились запереть.

Я зажгла светильник от захваченной с собой свечи и огляделась. Комната выглядела совершенно безликой – здесь уже успели навести порядок. Постель аккуратно застелена, нигде ни пылинки, и...

Сундука не было. Я прекрасно помнила, где стояло это окованное металлом чудовище, принадлежавшее еще прабабушке кузин по отцовской линии. Делла наотрез отказалась от такого наследства, Лисса же с восторгом забрала громадный сундук, упростила мастеровых в Гаррате обновить источенное жучками дерево, сделать новые металлические накладки взамен отвалившихся в незапамятные времена, и с тех пор хвасталась, что такой вещи нет даже у королевы-матери. Разумеется, можно подумать, та польстилась бы на подобную... хм... древность!

Кузина уверяла, к слову, что в этом сундуке можно пересидеть конец света, если тот вдруг застанет в гардеробной: достаточно забраться внутрь и закрыть крышку, только не захлопывать, чтобы можно было дышать. Даже если рухнет замок, сундуку ровным счетом ничего не делается, и когда уцелевшие разберут завалы, то найдут Лиссу живой и невредимой, только страшно голодной, так она говорила.

«Что, если Лисса все еще была здесь, когда Идда заходила перед обедом? – пришло мне на ум. – Только оглушенная и запертая в сундуке? Остальных уводили ночью, никто ничего не видел, даже соседки по комнате, но это совсем другое дело... Как если бы Лиссу убрали не потому, что она выбыла из Испытания, а по какой-то иной причине! А во время обеда сундук унесли... Ну почему Идда не заглянула внутрь?!»

Скорее всего, пробовала, тут же подумала я, только сундук был заперт. Лишь бы Лисса в нем не задохнулась! Она, помнится, хотела приказать повертеть в крышке дырочки – вдруг крышка все-таки захлопнется, и как тогда дышать? Я только не знала, претворила ли она свою идею в жизнь...

Больше в комнате ничего не нашлось. Ни клочка бумаги, ни рисунка на стене, ни нацарапанного на полированной спинке кровати послания. Или Лисса не успела ничего сделать, или просто все следы надежно уничтожили.

– Что вы здесь делаете, сударыня? – услышала я голос Ины за спиной и невольно вздрогнула.

– О, ничего. Просто Лисса одолжила у меня лучшую кисть, и я надеялась, что ей хватило совести если не вернуть ее лично, так хотя бы оставить на видном месте, – солгала я. – Но увы... К слову, во время

уборки вы не находили ее?

– Кисть? Как она выглядела, сударыня?

– Вот такой длины, – показала я, – с полированной рукоятью из светлого дерева, а сама она очень мягкая, из шерсти зимней белки. Довольно толстая, но настолько удачной формы, что с ее помощью удобно прописывать даже самые мелкие детали.

– Ничего похожего я не видела, – сказала Ина и жестом пригласила меня покинуть комнату. – Но я спрошу у других горничных. Возможно, кто-то решил, что гостя забыла эту вещицу, и отнес ее господину распорядителю.

– Или оставил себе...

– Зачем горничной такая кисть, сударыня? Ведь не пыль же со статуэток смахивать, – улыбнулась Ина и добавила: – Не беспокойтесь, если она осталась в замке, то непременно найдется. А теперь прошу, поспешите – ужин уже скоро.

«Если она осталась в замке, то непременно найдется», – повторила я мысленно. О кисти ли говорила Ина? Или о самой Лиссе?

Мне казалось, Ина неплохо к нам относится... насколько вообще служанка может хорошо относиться к случайным гостям замка. В любом случае нам с кузинами не в чем было себя упрекнуть: Лисса порой пыталась капризничать, но Делла пресекала это сразу же; я иногда о чем-то забывала или путала, как обычно... Но все это, вместе взятое, не могло сравниться с поступком Каса-Онны!

К слову о ней...

– Как здоровье той горничной, которую утром обожгли? – спросила я, когда Ина уже готова была закрыть за собой дверь моей комнаты.

– Благодарю за беспокойство, сударыня, – сдержанно ответила она. – Лекарь сказал, ей повезло – зрение все-таки не пострадало. Но шрам останется, и заметный.

– Мне очень жаль, – искренне сказала я и добавила: – Почему же Каса-Онну до сих пор не выставили из замка? Или Старой Птице по вкусу такие... такие гости?

– Не могу знать, сударыня. – Ина замыкалась на глазах.

– Если она после подобного все еще здесь, то что же натворила Лисса? Я не верю, будто она сама решила уехать, даже не предупредив нас с Деллой!

– Не могу знать, – повторила горничная и закрыла дверь со словами: – Поторопитесь, сударыня, не то опоздаете к ужину.

«Разве же Танн позволит мне задержаться хоть на минуту?» –

усмехнулась я про себя и посмотрела в зеркало.

В чем смысл смены нарядов, я не понимала: все равно они были похожи, разве что вечерние казались немного пышнее и наряднее, чем утренние. Право, у нас дома различия были куда более заметны, а здесь, казалось, если я приду к ужину в утреннем платье, никто и внимания не обратит.

«Попробовать, быть может?» – мелькнула крамольная мысль, но я тут же прогнала ее прочь. Нет, нет, именно из таких мелочей и складывается общее впечатление, а я и так уже... под подозрением, несомненно. Достаточно крохотного промаха, несоответствия установленным правилам, чтобы меня смогли отправить домой, а я никак не могла этого допустить! Во всяком случае, до тех пор, пока не узнаю, что случилось с Лиссой...

Если бы можно было посвятить Деллу во все! Но принцесса не давала своего позволения на это, и я сомневалась в том, что смогу его получить. К тому же Делла вряд ли поверит в бредни о человеческих жертвоприношениях, решит, что я просто выдумываю, чтобы отвлечь ее от тревожных мыслей... а выходит, как обычно, с точностью до наоборот! Если бы Идда сама поделилась с ней нашими догадками, тогда, возможно, Делла прислушалась бы, но, увы, – если принцесса решила оставить свои изыскания, вряд ли из нее удастся вытянуть хоть одно лишнее слово.

– Вы заставляете себя ждать, сударыня, – с упреком сказал Танн, когда я вышла в коридор.

– Пунктуальность никогда не была моей сильной стороной, – ответила я. – И не вы ли не далее как вчера клялись ожидать у моего порога хоть до окончания веков?

– Боюсь, обстоятельства изменились, – произнес он, подходя ближе и предлагая мне руку. – Прошу, идемте скорее!

– Сударь, трапезная в другой стороне! – спохватилась я и попыталась отступить, но было поздно: кто-то взял меня сзади за плечи и сжал пальцы...

Это было настолько больно, что я даже закричать не смогла – только сдавленно ахнула, и мне тут же сунули в рот кляп. Не то чтобы я разбираюсь в подобных вещах, но чем еще мог оказаться скомканный кусок материи? Спасибо, чистой...

– Не сопротивляйтесь, сударыня, и нам не придется причинять вам боль, – сказал мне на ухо Танн, и глаза мои закрыла плотная повязка. С другой стороны послышался смехок, и мне показалось, будто это тоже Танн – до того был похож голос. – Идемте!

Меня подхватили под руки и повлекли в неизвестность. Наверно, мне

нужно было упасть в обморок или хотя бы изобразить его – тогда не пришлось бы спотыкаться о ступени. Уж наверно, меня донесли бы до нужного места! Или, тут же пришло мне на ум, привели бы в чувство каким-нибудь простым, действенным и крайне болезненным способом – я все еще ощущала железную хватку на плечах. Роскошные, должно быть, появятся синяки...

А о том, что ждет меня впереди, я думать не желала. Мне было слишком страшно.

Глава 11

«Как это будет?» – металась в голове мысли. То, что я не хотела размышлять о собственной участи, вовсе не означало, будто я этого не делала. Но если бы можно было запретить себе мыслить, я непременно бы так и поступила!

«Я очнусь в карете по пути домой, заплаканной и уверенной в том, что провалила Испытание? Или сразу дома – замкнувшейся в молчании, расстроенной и не желающей разговаривать обо всем этом даже с матушкой? Даже с дедушкой, который непременно будет настаивать на том, чтобы я поведала свою историю в мельчайших подробностях? А может, окажется, что никакого Испытания вовсе не было, а мы с Лиссой гостили у какой-нибудь дальней родни?»

Не помню, где услышала или прочитала о том, что неизвестность – хуже любой пытки. Теперь я могла говорить об этом со всей уверенностью...

Танн и второй, неизвестный, мужчина отвели меня куда-то, усадили на жесткий стул и приказали не двигаться, если я не желаю, чтобы они меня связали. Я послушалась: мне вполне хватило кляпа во рту и повязки на глазах, чтобы почувствовать себя совершенно беспомощной. Что я ощутила бы, очутившись в прочных путах, не хотелось даже представлять.

О, мне всегда нравились истории, в которых храбрые девушки, очутившись в заточении, умом и хитростью прокладывали себе путь на волю! Приятно было ставить себя на их место в грезах, вот только... Настоящая жизнь оказалась вовсе не похожей на мечты, и даже то, что я прекрасно знала об этом и никогда не путала фантазии с реальностью, ничуть не помогало. Даже мешало, наверно: я не могла вообразить храброго рыцаря, который непременно явится на помощь. Не было здесь ни рыцарей, ни друзей, ни даже верных слуг...

Принцесса Карадин, возможно, попробовала бы отбиться от этих двоих. Даже, наверно, сумела бы заколоть одного своей шпилькой, а у второго отобрать оружие и... хотя бы сбежать – пускай в зимнюю ночь, но сбежать! А мне не хватало храбрости даже на то, чтобы почесать нос: велено было сидеть неподвижно, и я не смела шевельнуться.

Внезапно лица моего коснулся слабый ветерок – похоже, отворилась дверь. Послышались шаги – кто-то остановился напротив меня.

– Вот эта девушка, господин, – раздался голос Танна.

– Вижу. Ее сложно спутать с другими, – с усмешкой ответил незнакомец. Голос показался мне смутно знакомым, но где я могла его слышать? – Надеюсь, она не успела поделиться с кем-либо своими догадками?

– Нет, господин, – уверенно ответил второй надсмотрщик.

– Прекрасно...

Кто-то вдруг сдернул с меня повязку, больно прищемив прядь волос, – если бы не кляп, я бы не сдержалась и вскрикнула.

Небольшая комната была ярко освещена, и я заморгала – на глазах выступили слезы. Взглянув на того, кто стоял передо мной, я снова подавила возглас, потому что...

Потому что передо мной стоял Грифон.

– Вижу, девушка узнала меня? – с усмешкой произнес он, и я медленно покачала головой. Даже если я уже видела его лицо, то имени все равно не знала. – Что? Не узнала? Удивительно...

– Может быть, подстегнуть ее память, господин? – негромко произнес Танн.

– Оставь! – резко ответил Грифон. – И помни, с кем имеешь дело.

– Со слишком любопытной девчонкой, – был ответ. – Такой же, как ее кузина и... Сиди смирно!

Должно быть, при упоминании о Лиссе я невольно дернулась, и напрасно: тяжелая ладонь второго, безымянного, похитителя припечатала меня к стулу.

– Я не ее имел в виду, – проговорил Грифон, в упор глядя на Танна. – Себя. Мне кажется, ты начал забываться, друг мой...

– Прощу простить, господин, – коротко поклонился тот. Раскаяния в его голосе я не услышала, и это явно не ускользнуло от внимания Грифона.

– Ты неискренен, – произнес он. – Хуже того, ты дерзишь. Но тобою мы займемся позже, а пока нужно решить, что делать с этой юной искательницей приключений...

Он наклонился ко мне, и я невольно отшатнулась. Вернее, отшатнулась бы, если бы меня не удержали на месте.

Холодные глаза впились в мое лицо, и мне захотелось зажмуриться: казалось, ими смотрит не человек, кто-то... или что-то иное. Но, должно быть, во всем было виновато лишь мое воображение.

«У Грифона волосы были длиннее, – вспомнила я вдруг, – намного гуще и без седины. И подстриженные совсем не так. И нос с горбинкой, не очень ровный – я еще подумала, что его наверняка не раз ломали... А у этого – прямой, и кончик иной формы... И лицо бледное, словно он давно

не был на солнце, не то что Грифон! Это не он!»

Глупо, но у меня отлегло от сердца. Проще было подумать, что этот человек – старший брат или даже отец Грифона, чем поверить, будто тот способен так разительно измениться. Я же помнила, как он разговаривал со мной во время тех коротких встреч – ничего общего с манерой этого мужчины! Вот разве что оба называли меня «девушкой», но Грифон делал так только поначалу, а после знакомства торжественно именовал полным именем...

– Гара-Тесса, – произнес незнакомец, оборвав мои мысли, – первая дочь Гаррата, участвует в Испытании добровольно, с согласия обоих родителей. Все верно?

Я зачем-то кивнула, а Танн подтвердил:

– Да, господин.

– Гара-Тесса успешно миновала первый этап и приблизилась к зениту второго, – продолжил мужчина.

Он стоял передо мной, заложив руки за спину, и мне приходилось сильно задирать голову, чтобы видеть его лицо. Почему-то мне казалось, что в такой ситуации Грифон опустил бы на одно колено. Или приказал подать второй стул. Или сам принес бы его. А что еще более верно – ничего подобного с ним бы не произошло!

– Внучки старого Гар-Дайна, – протянул он, – чувствуется его кровь... Удивительно даже: три девицы из одного гнезда забрались так далеко, оставив позади куда более родовитых соперниц!

«Дедушка? – удивилась я. – При чем тут он? То есть, наверно, этот человек его знает, но...»

– Вам не нравятся рыжие, господин? – дерзко спросил Танн. – Хотя вам и брюнетка не пришлась по нраву.

«Это он о Лиссе? Что они с ней сделали?!»

Видимо, незнакомец прочел вопрос по моему лицу, потому что сказал:

– Твоя маленькая сестричка жива и здорова. И она останется таковой до тех пор, пока ты будешь вести себя смирно. Понятно?

Я кивнула, чувствуя, как на глазах снова вскипели слезы, только на этот раз – от бессильной злости. Чего он может потребовать от меня в обмен на благополучие Лиссы? На что я соглашусь, лишь бы ей не навредили? И что, если ей твердили то же самое? На что мы обе готовы ради друг друга? Ох, как не хотелось проверять... Хотя бы потому, что я опасалась собственного малодушия – мне так мало понадобилось для того, чтобы перепугаться насмерть, а дальше... Дальше будет хуже, а я вовсе не героиня из книг, которая способна достойно вынести пытки и унижение,

если будет знать, что от нее зависит чья-то жизнь!

– Мне нравится наблюдать за рядом изменений этого милого личика, – сказал вдруг незнакомец, – но сейчас у меня нет времени. Уведите ее. Я загляну к ней позже.

Меня вздернули на ноги и повлекли прочь. Если бы я могла говорить, то потребовала бы встречи с Лиссой, чтобы убедиться – она в самом деле цела и невредима! Во всяком случае, попыталась бы... Но, увы, – кляп оставался у меня во рту, и, как ни старалась я вытолкнуть проклятую тряпку языком, ничего не получалось.

– Повязку, – напомнил Танну второй конвоир, и мне снова завязали глаза. Потом на плечи набросили плащ, на голову опустил глубокий капюшон. – Пошевеливайся, время...

– Без тебя знаю. Чего ты боишься?

– Ничего.

– Нет, определенно, ты опасаяешься, – повторил Танн. – В чем дело?

– Бродит тут... всякое, – буркнул тот. – Ближе к полуночи, говорят, видели. Ну, кто видел, те, может, сбrehали, а вот которые не вернулись – те точно повстречали...

– И что это такое?

– Помолчал бы ты, а? Накличешь! И шевелись – нам еще вещи ее выносить, пока ужин не закончился, а ты еле плетешься!

– Я бы пробежался, – хмыкнул Танн, – да рыжуля не угонится.

– Так ускорь ее, – приказал второй, и Танн потащил меня быстрее, я едва поспевала за ним. Одно хорошо: не слишком тугая на этот раз повязка сползла набок, и хотя бы одним глазом я могла видеть, что там, впереди. – Сдается мне, белобрысую принцесску ты погонял бы с куда большим удовольствием?

– Может, еще и доведется... – пробормотал тот и вдруг остановился.

– Ты чего?

– Господин, – недоуменно произнес Танн, – разве он не сказал, что...

– Какой еще...

Голоса их слились в один, а я присмотрелась – впереди маячила высокая фигура, до странного зыбкая в свете факелов.

Факелов? Были же светильники... Куда меня завели, в какую часть замка? Я не вспомню дорогу назад, столько раз мы поворачивали, поднимались и спускались по лестницам!

– Померещилось, – произнес Танн. Фигура и впрямь исчезла. – Нет там никого.

– Ага. Кто из нас еще боится! – хмыкнул второй конвоир. – Тени

перепугался! Хорошо, не собственной...

Танн не ответил, только с силой дернул меня за руку, вынуждая идти быстрее, и я, конечно же, споткнулась и с размаху упала на колени. Встать не успела – он поволок меня за собой... куда подевался обходительный кавалер, которого я видела совсем недавно?

– Подними девку, – велел ему напарник. – Господин с тебя шкуру спустит, если узнает, как ты с ней обходишься! Совсем разума лишился, что ли?

Меня снова поставили на ноги, как куклу, и подтолкнули в спину, чтобы шагала проворнее. Наверно, я ободрала колени, как в детстве, но тогда все было просто – кормилица вытерла бы мне слезы, приложила к ссадинам прохладный зеленый лист подорожника, а зимой – горсть чистого снега, и все бы прошло. А теперь... Пес с ними, с разбитыми коленками! Мне будто на сердце кованым сапогом наступили – никто никогда так со мной не обходился! Как с вещью, безмозглой и безответной, сколько ни пинай такую, ничего не будет, если хозяин не заметит... Распоследняя служанка и то может в тарелку плюнуть, а я даже голос подать не смела!

Да и что бы я сказала? «Отпустите меня немедленно, я пожалуюсь отцу!»? О, как бы это насмешило моих конвоиров! Они бы животики надорвали! Отец далеко, и кто сказал, что я смогу до него добраться? И что он может поделаться с тем, похожим на Грифона? Тот ведь явно королевский родственник – очень уж характерная внешность, хоть сейчас портрет пиши...

Обругать этих двоих я и то бы не сумела! Вряд ли их задели бы слова наподобие «дурак» или «болван», а другие – я имею в виду те, которые доводилось случайно слышать во дворе, от отца или дедушки, – развеселили бы их еще сильнее. Нет ничего смешнее неумелой ругани, особенно в женских устах, говорила тетушка и сердито поджимала губы. Наверно, знала не понаслышке...

Я изо всех сил старалась сдерживать слезы, потому что от них непременно распухнет нос. И не в красоте дело, просто как я стану дышать, если рот заткнут? Вряд ли эти двое сжальтся и вынут кляп! Решат еще, что я притворяюсь, а стоит вытащить у меня изо рта тряпку, начну кричать на весь замок. Я не знала, что готовит мне заточение – куда еще, как не в темницу, влекли меня конвоиры? Но надежда на лучшее все-таки оставалась, пускай и совсем зыбкая. А вот если по пути захлебнуться собственными... м-м-м... слезами, ее не останется вовсе!

– Эй, – негромко окликнули сзади, и Танн вздрогнул. Рука его сильнее сжалась на моем плече, и я невольно всхлипнула – он сделал мне больно.

Вернее, больнее, чем прежде: Танн не слишком-то со мной церемонился. – Куда вы так спешите? В замке пожар, и вы спасаете самое ценное?

– Ну что вы, господин, – неожиданно любезно произнес напарник Танна. Я не видела его лица, зато могла во всей красе лицезреть широкую спину: он загородил меня от неизвестного свидетеля. – Просто даме сделалось дурно, вот мы и провожаем ее в покои...

Прежде я думала, что никто не бродит по коридорам ночами, кроме Грифона, но, видно, ошиблась. Здесь кипела жизнь, и то, что участниц Испытания отгородили от прочих обитателей замка, не означало, будто те бесследно исчезли.

– Мне почему-то показалось, что дама не рада вашей помощи, – услышала я и встрепелась.

– Вовсе нет, господин, – подхватил Танн и надвинул мой капюшон поглубже. Удивительное дело, голос его дрожал. – Она... она злоупотребила... если вы понимаете, о чем я... Поэтому речи ее не вполне разумны, и...

– Она может только мычать, – брякнул второй. – Простите, господин, но не нужно вам смотреть на... э-э-э... даму в беде. Она ведь вам не простит, если узнает, что вы видели ее в таком состоянии! И уж тем более, если кто услышит...

– Что ж, разумно, – согласился неизвестный.

Я зажмурилась в отчаянии: не было никакой возможности подать ему знак, что я действительно в беде, а не... Наверно, эти двое имели в виду, что я слишком много выпила? Какой стыд...

– Ну так мы пойдем своей дорогой, господин, а вы – своей, верно? – подобострастно и с заметной опаской произнес напарник Танна. – Да? Благодарствуем... Живее давай...

Это уже адресовалось Танну, и тот, обхватив меня за талию, так, что ноги мои не касались пола, почти понес прочь. Если даже я начну отбиваться, то случайный встречный решит, что дама пробудилась и недоумеваает, куда ее несут, а может, требует налить еще вина!

«А если не начну, – подумала я, – то не останется никакого шанса на спасение!»

И я брыкнулась что было сил, – Танн едва не уронил меня. В книгах девушки кусали негодяев, но я была лишена такой возможности. Однако руки мне не связали, а обломанные на тяжелой работе ногти успели отрасти... Достаточно, поняла я, когда Танн глухо выругался – я целилась ему в глаза, но попала, кажется, в нос. Вторая атака провалилась – капюшон свалился, повязка съехала на шею, но растрепавшиеся волосы не

давали мне толком разглядеть, что передо мной, и я попала Танну в плечо.

Теперь уже я замычала от боли – он едва не сломал мне кости, поймав за запястья, а его напарник схватил меня за волосы, намотав их на кулак, и...

– Нет, эта дама определенно не жаждет вашего общества! – произнес мужской голос, а затем раздался... пожалуй, шлепок, какой раздается, когда большой кусок сырого мяса с размаха припечатывают к разделочной доске. Вот только роль доски выполняла каменная стена, а ударился об нее со всего маха напарник Танна.

Сам Танн потащил было меня прочь, но далеко не ушел. Что именно произошло, я не видела – повязка съехала сильнее, волосы закрывали обзор, – зато слышала влажный хруст, короткий вопль и шум падения чего-то тяжелого.

Наступила тишина, и нарушал ее только звук шагов. Я сидела на полу, по-прежнему опасаясь поднять руки и снять повязку, убрать с лица волосы...

Неизвестный остановился прямо передо мной. Я увидела ноги в мягких сапогах, потом, чуть выше подняв голову, – край туники с вышитой кромкой, ножны, широкий наборный пояс...

А потом Грифон опустился на одно колено и посмотрел мне в лицо.

В книгах девушки лишаются чувств в такие моменты, но я никогда в жизни не падала в обморок и сумела только разреветься, когда он осторожно избавил меня от кляпа.

– Они ничего не успели с тобой сделать, Гара-Тесса, – сказал он скорее утвердительно, чем вопросительно, и поставил на ноги. – Волокли к своему господину, верно?

Я сперва кивнула, потом помотала головой – я ведь не знала, что со мной собирались сотворить! Грифон, однако, истолковал это по-своему.

– Сперва ты говоришь, что участвуешь в Испытании, – задумчиво произнес он, – но я так и не выяснил, кто проводит его. Ты выполняешь то, что принято делать во время Испытания... А потом я вдруг встречаю тебя среди ночи в таком месте!

– Каком? – зачем-то спросила я, шмыгнув носом.

– Безлюдном. Я имею в виду, здесь ходят только те, кто не хочет попасться кому-нибудь на глаза.

– Как вы?..

– Как я, – согласился он. – Вот только беда: об этих коридорах мало кому известно. Значит, плесень поселилась совсем близко ко мне. Рядом. Неудивительно, что в последние дни мне мерещится ее запах...

– О чем вы? – шепнула я.

Признаюсь, Грифона я сейчас боялась не меньше, а то и больше, чем тех двоих. Они хотя бы были понятными и, как я поняла, не причинили бы мне вреда, во всяком случае без приказа. А вот Грифон был совершенно непостижим и оттого особенно страшен...

– Мысли вслух, – сказал он, осторожно выпутал из моих волос повязку и ею же утер мне лицо. – На сердце тяжело. Вижу, неспроста.

Он помолчал, зачем-то рассматривая смятый кусок ткани, потом добавил:

– Я сказал тебе – не говори имени того, кто устроил Испытания, я хочу сам узнать его. Теперь я вынужден взять свои слова обратно. Назови мне имя человека, который превратил Испытание в потеху для себя и своих приближенных, и я объясню ему всю глубину его ошибки... И чем скорее, тем лучше. Пока никто не пострадал.

– Моя кузина!.. – смогла я выговорить. – Они и ее забрали, но я не знаю...

– Не в коридоре говорить об этом, – перебил Грифон. – Идем.

– Но Лисса...

– Ты не знаешь, где она, а я не знаю даже, кто развлекается в моем замке, и не могу предположить, куда он подевал твою кузину, – спокойно произнес он и положил руки мне на плечи. У меня колени подогнулись, хотя он вовсе не пытался придавить меня к земле, как делали, развлекаясь, мои братья. – Я хочу услышать все с самого начала. По порядку.

– Если бы можно было расспросить Идду! – воскликнула я.

– Кто это?

– Она тоже проходит Испытание, и она знает намного больше, чем я!

Мне было стыдно за мое малодушие, но, право, я обрадовалась бы компании даже Каса-Онны, что уж говорить о принцессе Карадин!

– Где ее найти? – коротко спросил Грифон.

– Сейчас все на ужине... – начала я, но он перебил:

– Это теперь такая новая забава – ужинать во время завтрака?

– Еще нет и полуночи, сударь! – изумилась я.

– Должно быть, у тебя в голове помутилось, и немудрено, после такого приключения... – пробормотал он и продолжил: – Так где искать твою подругу?

– Она мне вовсе не... – начала я, а Грифон засмеялся. – Что забавного я сказала?

– Во время Испытания девушки становятся или злейшими врагами, или лучшими подругами, – ответил он, – или остаются друг другу никем.

Думаю, я угадал, сказав, что вы сдружились?

– Не знаю, право. – Очень сложно было говорить с ним вот так, лицом к лицу. Впрочем, я старалась смотреть на герб на его плече. Так было проще. – Она...

Как же объяснить? Меня вдруг осенило:

– Помните библиотеку, сударь? То место, где вы рассказали мне легенду о Старой Птице?

– Я еще не выжил из ума и не позабыл собственный замок, – был ответ.

– Комната Идды недалеко оттуда.

– А как выглядит твоя Идда?

– Она... Высокая, выше меня почти на голову, – в недоумении ответила я. – Очень красивая. У нее светлые волосы и карие глаза. И еще... еще она отлично фехтует!

– Знаешь, Гара-Тесса, – серьезно сказал мне Грифон, – наверно, я не пропустил бы такую девушку, если бы обнаружил ее рядом со своей спальней.

– Что вы имеете в виду?

– Рядом с библиотекой, а значит, и с моими... хм... не парадными покоями, сейчас нет никаких посторонних девиц. Я предпочитаю наносить визиты, а не принимать их, если ты понимаешь, о чем я.

Я догадывалась, но... Нет, все-таки он не в своем уме! Но как бы там ни было, меня он спас и, возможно, сумеет найти Лиссу? Без помощи мне не справиться, это точно...

– Так может быть, проверим, сударь? – предложила я, стараясь улыбаться не слишком уж натянуто. – Библиотека – прямо от лестницы, а комната Идды – шестая по коридору налево.

– Хорошо, проверим! – неожиданно согласился Грифон, но в голосе его я не услышала ни азарта, ни насмешки. Что-то странное было в нем, чему я не могла подобрать названия. – Идем.

– А... эти двое?

– Я пришлю за ними. А теперь поспешим. Не нужно бродить по ночам, – Грифон увлек меня прочь. – Особенно по этим коридорам. Здесь не только люди водятся, Гара-Тесса. Хотя, если подумать, они лучше иных людей...

Я предпочла промолчать.

Мы шли в тишине, и причудливые тени плясали на стенах. Порой мне казалось, будто их отбрасываем не мы – слишком много их было, слишком странно они перемещались... Спросить Грифона о том, чудится мне или

нет, я не отважилась. Правда, спросила о другом:

– Правильно ли я поняла, сударь, что эти двое... что вы их...

– Допрошу. Но это будет не скоро.

– Они ведь могут сбежать!

– Нет, не могут, – непонятно ответил Грифон, вытянул руку и коснулся стены.

Одна из странных теней, похожих одновременно на паука, парусник и диковинное растение, метнулась к нему и замерла, как собака под рукой хозяина. Мне показалось, будто он почесал ей пальцем... ну, то, что у тени было вместо шеи, и диковинное создание умчалось прочь по стене, уступив место помеси единорога со змеей.

Расспрашивать дальше мне не захотелось.

– Можешь не считать повороты, – сказал он мне. Заметил, видимо, как я шевелю губами.

– Я уже сбилась, сударь, не беспокойтесь.

– Даже если бы не сбилась, обратной дороги не найдешь. Хочется узнать, кто рассказал этим двоим, как попасть в потайной коридор...

Он задумался о чем-то, а я осторожно посмотрела по сторонам. Здесь было не так темно, тени вели себя смирно. Лишь некоторые отваживались пробежаться по потолку, если думали, что на них никто не смотрит, – а меня они явно не считали кем-то важным. Но я по-прежнему не видела привычных светильников. Факелы горели ровно и ярко, но... Их ведь теперь разве что в церемониях используют!

– Почти пришли, – сказал Грифон, и я очнулась. Мы стояли на лестнице, ведущей к библиотеке. – Идем, проверим, сошел я с ума, как поговаривают, или все-таки нет...

Он легко взбежал по ступеням – я попевала за ним с большим трудом, – толкнул двери. Те легко распахнулись, и я увидела знакомый зал – просторный, светлый... За кристально чистыми стеклами окон без решеток занимался рассвет, небо было ясным, жемчужно-серым вверху и нежно-розовым с позолотой у самой кромки горизонта.

Никакого клавира я не увидела. А вот стеллажи вдоль стен оказались на месте, и массивный стол, на котором Грифон расстилал карту известного ему мира, тоже, и...

Я повернулась и бросилась прочь из библиотеки. Вот наш коридор! Моя комната – одиннадцатая справа, а Идда живет по левую сторону, и... один, два, три... Вот ее дверь! Только ведь принцесса запирается на ночь...

Дверь легко распахнулась, и я остановилась на пороге совершенно незнакомой комнаты. Вернее, окно вроде то же самое, но здесь не было

кровати, обстановка ничем не напоминала девичью спальню!

– Идда, – шепотом позвала я, будто надеялась, что она появится из ниоткуда и засмеется, довольная шуткой. – Делла! Кто-нибудь!..

– В столь ранний час здесь нет даже слуг, Гара-Тесса, – сказал мне Грифон и легко перехватил, когда я бросилась в коридор – искать пропавших девушек. – Похоже, нам нужно поговорить с Инна-Ро. Не нравится мне то, что происходит... К слову, за дверью, на которую ты так пристально смотришь, – как раз моя спальня. Не парадная, повторюсь, но за неимением лучшего...

И вот тут я наконец погрузилась в спасительное беспмятство.

Глава 12

Очнувшись, я услышала тихие голоса и постаралась не выдать себя ни звуком, ни малейшим движением.

– Я и говорю, ей неоткуда было взяться в тенях, – негромко говорил Грифон. – И приглядишься: может, ты видел когда-нибудь эту девушку? Ее сложно не узнать, согласишься!

Ответ я не разобрала. Вернее, не поняла, словно собеседник Грифона изъяснялся на незнакомом языке.

– Твоя память лучше моей, и с возрастом становится лишь крепче, как хорошо выдержанное вино, – тихо засмеялся Грифон. – И если ты уверен, что никогда не встречал нашу гостью, то так оно и есть. Она назвалась Гара-Тессой из Гаррата. Слышал когда-нибудь о таком месте? Говорит, это всего в двух неделях пути к северо-западу отсюда, где-то в лесах. Но я не раз охотился в тех краях, и уверен – там нет никаких поместий, только деревни да охотничьи поселения. Упоминался еще Линдор – якобы он неподалеку... Но и о нем я никогда не слышал и не нашел ни на карте, ни в землеописаниях.

Второй мужчина что-то проворчал.

– Сам знаю, что они устарели, но не до такой же степени! Последнему всего пять лет! За такой срок, конечно, можно выстроить замок и поселиться в нем, но сделать это так, чтобы ни единого слуха не донеслось до ближайших соседей, боюсь, невозможно... Если хозяин Гаррата – не могущественный колдун, конечно же, в чем я сомневаюсь.

Собеседник Грифона кашлянул и на этот раз говорил громче и, мне показалось, встревоженно.

– Ты уверен? – переспросил мой спаситель. – Ясно... Вернее, все запуталось еще сильнее, и нужно бы распутать этот клубок поскорее. И вот что, Инна-Ро... будь так добр, отвечай на нашем языке, иначе ты совсем перепугаешь бедную девушку. Она, должно быть, думает, что ты читаешь страшные заклятия!

Он дотронулся до моего плеча и добавил:

– У тебя дрожат ресницы, Гара-Тесса, а уши едва ли не шевелятся от любопытства, стало быть, ты в сознании. Можешь открывать глаза.

Пришлось послушаться.

Оказалось, я лежу на узкой кровати – почти такой же, на каких мы спали в самом начале Испытания, – прямо поверх покрывала. А вот

верхнего платья на мне не оказалось, и я дернулась прикрыться хоть краем этого самого покрывала. Грифон удивленно взглянул на меня и пояснил:

– Пришлось тебя раздеть, потому что...

– Потому что он решил, что кувшин холодной воды на голову – хорошее средство для того, чтобы привести в чувство благородную девицу, – закончил сухонький старичок, которого я сперва и не заметила: он совсем терялся рядом с Грифоном.

– Каюсь, не рассчитал. Но не переживай – ты не успела промокнуть насквозь.

– Да, он умеет быстро раздевать девиц, – фыркнул Инна-Ро (кто же еще это мог оказаться?). – Платье почти высохло, скоро сможешь одеться. А если замерзла...

– Ты мудр, Инна-Ро, но сейчас ошибаешься, – сказал Грифон. – Она вовсе не от холода дрожит, а от пережитого страха.

С этими словами он накинул мне на плечи... мой шарф. Тот самый, которым я перевязала ему плечо. Следов крови на нем не было.

Я могла бы добавить, что мне не только страшно, но и до крайности неуютно находиться перед двумя незнакомыми по сути мужчинами в одном тонком нижнем платье. Они, однако, вели себя так, словно в этом не было ничего удивительного и тем более зазорного для меня.

– Выпей-ка, девушка, – сказал старик и протянул большую чашку, над которой курился парок. – Не бойся. Это никакое не зелье и тем более не отравка. Видишь, я пью...

– И я, – Грифон тоже сделал глоток. – Это просто травяной отвар, чтобы взбодриться и согреться. Вино я добавлять не велел, подумал, это излишне.

Я не стала говорить, что они могли заранее принять противоядие, и покорно приняла напиток. Удивительно тонкая, почти прозрачная чашка, расписанная диковинными цветами и неведомыми птицами с большими задумчивыми глазами, приятно грела ледяные ладони. На вкус питье оказалось горьковатым, терпким, но не противным, и вскоре я согрелась, а в голове перестало шуметь, пропала тупая боль, поселившаяся где-то за переносицей.

– Она уже не похожа на покойницу, – удовлетворенно заметил старик.

– Я же говорил...

– А я сомневался.

– По-твоему, я спятил до такой степени, чтобы привести сюда умертвие?

– Никогда не угадаешь, что взбредет тебе в голову...

Я переводила взгляд с одного на другого, пытаюсь уловить нить их беседы, но тщетно. Очевидно, Грифон с Инна-Ро знали друг друга очень давно и очень хорошо, а потому свободно могли обмениваться репликами, ничего не значащими для посторонних, но более чем понятными им обоим.

– На кровососа она не похожа, и на том спасибо, – добавил старик.

– Солнечный свет ей не повредил, – заметил Грифон, – поэтому ты мог бы оставить свое предположение при себе.

– Ты уверен? А как же пятна у нее на коже?

Я невольно взглянула на себя и плотнее закуталась в шарф.

– Вот это, – Грифон бесцеремонно взял меня за запястье и повернул его к свету, – синяки. Я сам видел, как ее хватили за руки. А это – веснушки. Никогда не видел таких ярких...

Наверно, я покраснела, потому что он засмеялся и добавил:

– Видишь, она точно живая, иначе бы кровь в лицо не бросилась!

– Довольно шуток, – проворчал Инна-Ро, подумал и снял с себя верхний кафтан. Их на старике было надето не меньше десятка, и все разноцветные, с яркими вышитыми узорами. – И отойди от девушки, ты ее совсем перепугал. Надень-ка...

Это уже адресовалось мне, и я с благодарностью приняла одежду. От нее странно пахло, словно бы засушенными травами, в особенности полынью, а еще медом. Инна-Ро вряд ли был выше меня, так что кафтан пришелся почти впору. Главное, прикрыл руки и плечи, и... все остальное тоже. С веснушками вместе.

– Теперь поговорим, – сказал старик, взглянул на Грифона, и тот подвинул ему массивное кресло, в котором Инна-Ро устроился, как на троне. Сам Грифон обошелся табуретом. – Назови свое имя, девушка.

– Гара-Тесса, первая дочь Гаррата, – сказала я, решив ничему не удивляться.

– Ты сказала, что твоя кузина пропала. Как ее зовут?

– Лина-Лисса, вторая дочь Линдора.

– Вторая? Стало быть, есть и первая?

– Да, Лина-Делла, моя старшая кузина. Она тоже здесь.

Я подумала о том, какво Делле лишиться нас с Лиссой почти одновременно, и поежилась. Хоть бы ей хватило выдержки для того, чтобы не начать требовать ответов от распорядителя, иначе ее ждет та же участь, что и меня! А еще – сообразительности, чтобы уехать из замка как можно скорее. Что уж беречь память, ноги бы унести!

– Кузины, стало быть... А в какой точно степени родства вы состоите?

– Их мать – старшая сестра моего отца, – пояснила я. – Она овдовела и

вместе с дочерьми вернулась к родителям.

– Те еще живы?

– Только бабушка, – ответила я, недоумеваю, к чему эти расспросы. – Бабушка умерла десять с небольшим лет назад.

– Назови их имена.

– Гар-Дайн, первый сын Гаррата, и Веса-Вилла, третья дочь Вестара.

– А девушка, которую ты искала? – напомнил Грифон. – Кто она?

– Мы не были знакомы прежде, – сказала я. – Это принцесса Кара-Идда, вторая дочь Карадина.

Мужчины недоуменно переглянулись.

– Ты уверена? – спросил Грифон. – Именно принцесса?

– Да, – ответила я и повторила слова Идды: – Карадины ведут род от последнего прямого отпрыска Старой Птицы.

– В самом деле? – странным тоном произнес он. – А не ты ли впервые услышала историю о ней от меня?

– Именно так, сударь, но Идда ее знала, в отличие от меня. И...

– Постой, не торопись, – поднял руку Грифон. – Разберемся во всем по порядку.

«Как же не торопиться, если я не знаю, что сейчас делают с Лиссой?» – могла бы я спросить, но промолчала. Он прав: спешка ничем не поможет. Пока выяснится, что я пропала, пока обнаружат покалеченного Танна с напарником, пройдет немало времени... А время здесь совсем другое, подумала я. Не могла пройти целая ночь, ведь меня увели перед самым ужином! Но солнце светило в распахнутое окно, и сложно было усомниться в его реальности... но и поверить в увиденное собственными глазами я не могла. Проще было решить, что я сама повредила в уме!

– На ней действительно есть печать Испытания, – проговорил Инна-Ро.

Я наконец-то осмелилась посмотреть на него прямо и удивилась: он выглядел вовсе не страшно. Маленький, сухонький, пышно одетый, с лысой головой, он напоминал диковинную куклу. Сходство усиливала его манера покачивать головой из стороны в сторону в минуту раздумий – у тетушки был крохотный деревянный болванчик, привезенный невесть из каких краев, он точно так же двигался, стоило коснуться его кончиком пальца.

С морщинистого, смуглого то ли от загара, то ли по природе лица смотрели узкие черные глазки без ресниц. Этим Инна-Ро напомнил мне ящерок: совсем не противных, тех, что летом любили греться на камнях. Если их не трогать и двигаться осторожно, можно даже посидеть рядом, а

то и потрогать ящеричью спину...

– Ты только теперь увидел? – осведомился Грифон.

– Помолчи, нетерпеливый! Ты-то не дал себе труда присмотреться, а я вот вижу – это истинная королевская печать!

– Что за ерунда! – Грифон встряхнул головой, в точности как его рыжий конь. – Я не назначал никаких испытаний, тебе ли не знать!

– То-то и оно... – пробормотал Инна-Ро и вдруг подался ко мне. Я отшатнулась, но он лишь взял мою руку в свои, сухие, прохладные, подержал недолго и выпустил. – А зла в этой девушке нет. Оно было совсем рядом, но лишь мимолетно коснулось ее. Не проникло.

– Те двое?.. – отрывисто спросил Грифон.

– Нет, это другое. С ними все ясно. Был кто-то еще. Расскажи нам, Гара-Тесса, – произнес старик, – обо всем, что с тобой случилось. Не спеши. Постарайся не упустить ни малейшей детали. И не бойся. Нечего бояться, когда вот он рядом.

– Когда мы оба рядом, – улыбнулся Грифон. – Первый меч королевства и лучший чародей в мире – сама посуди, осмелится ли кто-нибудь навредить тебе в нашем присутствии?

– Мальчик прибедняется, – проворчал Инна-Ро.

– То есть против именованья лучшим в мире чародеем ты не возражаешь?

– С чего бы мне отказываться от заслуженного звания? – усмехнулся старик. – Так вот, он и сам недурно колдует, и если бы не его леность и склонность к праздным забавам, мог бы превзойти старого учителя! С его-то происхождением...

Тот приложил палец к губам, и старик умолк с недовольным видом.

– Не могу же я разорваться, – сказал Грифон примирительно. – Занятия колдовством требуют полной отдачи, и я бы рад учиться усерднее, да только других дел никто с меня не снимал и не снимет.

– Пока не женишься и не обзаведешься наследниками.

– Свадьба не за горами, а наследников придется еще подождать, а потом воспитать и обучить, чтобы можно было спихнуть на них хотя бы рутину! Сам посуди, на это уйдет самое меньшее дюжина лет! И супруга тоже далеко не сразу разберется, что к чему в наших краях...

– А я тебе говорил – бери жену из соотечественниц. Мало ли при дворе достойных девушек... Нет, захотелось иноземную диву!

– Но это выгодный союз, ты сам подтвердил! Мне напомнить? Ты мне об этом писал, а я подобные письма не уничтожаю... как раз на такой случай.

– Ты опять уводишь разговор в сторону, – пожурил его старик и кивнул мне: – Говори, девушка. Мы слушаем.

Я помолчала, собираясь с мыслями, потом сказала:

– Все началось, когда объявили о Королевском Испытании. За полгода, как принято...

Они слушали молча, а я старалась вспомнить обо всем в подробностях, как было велено. В том числе о спорах дома – тетушка настаивала, что другого такого шанса у нас с кузинами может не быть, дедушка считал это блажью и пустой тратой времени, матушка поддерживала его, а отец долго колебался, но все же встал на сторону сестры. Я случайно услышала, как он сказал матушке: «Достойного приданого для трех девушек нам не собрать, так пускай попытают счастья. Для Тессы, разумеется, мы найдем подходящего мужа, но оставить ее дома, отослав прочь остальных, не выйдет, сама понимаешь... Она разумная девочка и не наделает глупостей».

Только вот я, кажется, обманула его ожидания...

Грифон подал мне платок, и я утерла глаза. Сама не заметила, что по щекам струятся слезы... Достаточно было вспомнить о далеком доме, о том, что я могла отказаться участвовать в этой затее... Тетушка была бы недовольна, но не она принимала решения в Гаррате! И пускай бы она сколько угодно поджимала губы, фыркала и не желала со мной разговаривать, зато я осталась бы дома, с родителями! А может, она даже порадовалась бы: ведь соперниц у кузин оказалось бы на одну меньше...

А сами кузины... Лисса, наверно, позабавилась бы, меняя кавалеров, и успокоилась на этом. Вряд ли они сошлись бы с Иддой, и история не получила бы развития! Это я оказалась всему виной...

– Может, налить ей успокаивающей настойки? – встревоженным шепотом спросил Грифон.

По-моему, он из тех людей, которых пугают женские слезы. Мой дедушка был именно таким, и хотя всеми силами скрывал свою слабость, мы с кузинами с детства знали: он не станет строго наказывать, если расплакаться навзрыд... И сжалится, отпустит в замок Старой Птицы, чтобы не видеть изо дня в день наших печальных лиц и не слышать душераздирающих вздохов. Что ж, может статься, он нас вовсе уже не увидит!

– Уснет, – вздохнул Инна-Ро. – Ничего. Это из нее страх выходит. Пусть говорит дальше.

Когда я дошла до прибытия в замок и первой встречи с Грифоном, они снова переглянулись.

– Это было в тот самый вечер, когда ты ввалился ко мне и рухнул на

пороге, перепачкав кровью мой любимый ковер? – осведомился Инна-Ро.

– Да, – с досадой ответил Грифон. – Можешь не повторять, сам знаю – не нужно было браться за охоту в дурной день. Да ведь я за той тварью не первый месяц охотился, не хотелось упустить!

– Ты жизнь едва не упустил!

– Скажешь тоже... Ну, шатало меня дня два, а так – зажило как на собаке.

– Если бы эта девушка тебе руку не перетянула, ты бы до меня не дошел, глупец! – Инна-Ро потянулся и постучал сухоньким кулачком по лбу Грифона. – Упал бы в тенях, и где бы я тебя искал?

– Я ведь извинился, – негромко сказал тот.

– Передо мной-то зачем? – проворчал старик. – О людях бы своих подумал... Нужны им твои извинения! Что бы случилось, не вернись ты наутро? Отворачиваешься? Не хочешь об этом думать? Э-эх... выучил на свою голову! Знал бы я, что из тебя вырастет, не взялся бы!

– Тогда меня давно не было бы в живых, – невозмутимо ответил Грифон. В глазах его плясали озорные огоньки. – И что бы сказали мои люди? Неужели поблагодарили бы тебя?

Инна-Ро досадливо фыркнул и повернулся ко мне.

– Не обращай внимания, Гара-Тесса, – сказал он. – Этот безумец вырос на моих глазах. Я, казалось бы, должен знать все его помыслы и чаяния, но ему всякий раз удается меня удивить!

«Даже учитель называет его безумцем, – отметила я. – И Грифон сказал о себе: неужели, мол, сошел с ума, как поговаривают? Может, я была не так уж далека от истины?»

Я продолжила рассказ и удивилась – Грифон мрачнел на глазах. В комнате, до того залитой солнечным светом, будто появилась грозная туча, сделалось трудно дышать, так и казалось – еще немного, и разразится буря!

Заметил это и старик.

– Ну-ка, прекрати, – велел он Грифону. – Или пойдешь отдышишься. А лучше – пробегись вокруг замка. Как остынешь – возвращайся. Девушка и без того напугана, а от твоих выходок может вовсе заикой остаться.

– В самом деле, я отлучусь, – проговорил тот и поднялся. – Объясни пока, что не так с ее Испытанием. Но – только это, ясно?

– Иди уж, – махнул на него старик, дождался, пока закроется дверь, и вздохнул: – Весь в отца...

– А кто его отец? – осмелилась я спросить.

– Его уже нет в живых, – ответил Инна-Ро, помолчал и сказал, как ни в чем не бывало: – Я его убил.

– Что?..

– Иначе их обоих казнили бы, – добавил старик, заметил, что мне это ни о чем не говорит, и пояснил: – Его отец выбрал поединок. Он был силен, но я оказался сильнее. В награду за победу потребовал мальчика. Сама видишь, мальчик успел вырасти и возмужать.

– Но... он знает? Что это вы...

– Конечно, знает, – преспокойно ответил Инна-Ро. – Поединок состоялся у него на глазах. Он обязан мне жизнью.

– Он сказал, что и вы ему – тоже, – вспомнила я.

– Да, только это уже другая история, – усмехнулся Инна-Ро, и морщины на его лице изменили рисунок. – Если он захочет, расскажет. А я обещал говорить лишь об Испытании.

– А... что с ним?

– С Испытанием?

– Да нет же! Ну... с ним... – я кивнула на дверь.

– Просто нрав скверный, – пояснил старик, посмеиваясь. – Порой не может сдержаться, когда видит несправедливость, а уж если по отношению к самым беззащитным...

– Идда говорила точно так же, – вспомнила я. – О фамильном безумии. Но она просто... просто потребовала ответов, а не...

– Не разнесла половину замка? Ну, к этому мы еще вернемся, – сказал Инна-Ро. – А пока, напомню, я должен объяснить тебе кое-что насчет Испытания.

Я постаралась всем своим видом выразить готовность внимательно слушать.

– Кто-то нарушил порядок, – произнес старик после паузы. – Никогда девушек не отсылали ночью, тайно. Участие в Испытании – большая честь, а проигрыш – ни в коем случае не позор! Тех, кто выбывал из состязания, отправляли домой с богатыми дарами, а бывало, уже замужними – за девицами, которых выбрала Старая Птица, всегда выстраиваются женихи!

– Разве не любая девушка может участвовать в Испытании? Так объявляли на всю страну, и...

– Участвовать-то может любая, только те, кто сразу не пришелся по нраву Старой Птице, в замок даже не войдут. А если продержались хоть сколько-то, значит, имели шансы добраться до вожденной короны, – высокопарно проговорил старик и ухмыльнулся. – Опять же, мужчины видят, когда именно выбыла девушка. Какая-то оказалась слишком гордой, какая-то – недостаточно хозяйственной... Ну да ты сама прошла через это, должна понимать.

Я промолчала, потому что не понимала ровным счетом ничего.

– Выбывшие на втором этапе – это уже не так интересно, – добавил Инна-Ро. – Все знатные девицы знают обхождение, умеют танцевать, обучены грамоте и прочему. Здесь в ход идут интриги, и если кому-то нужна подобная супруга, он, конечно же, выберет такую девушку, когда она выйдет из Испытания.

– А если она доберется до... вожделенной короны, как вы выразились?

– Такая – не сумеет, – ответил старик. – Старая Птица не допустит, чтобы подобная досталась ее птенцу. Но мы снова отвлеклись... Я сказал: правила нарушены. Девушки унижены... Хуже! Некто мало того, что назначил Испытание без ведома и согласия Раннара, – на это он может закрыть глаза, – но каким-то образом использовал королевскую печать, а за такое уже можно лишиться головы. Кроме того, этот некто извратил саму суть Испытания, и хорошо, если Раннар остынет прежде, чем найдет негодяя...

– Я уже остыл, – раздалось от дверей, и Грифон вошел в комнату. С него капало, словно он одетым нырнул в пруд.

– Молодец, – похвалил старик. – А мы еще не добрались до сути. Девушка очень даже разговорчива, задает вопросы, когда ты ее не пугаешь, знаешь ли.

– Я же не нарочно, – улыбнулся тот и убрал со лба мокрые волосы.

– Это я знаю, что ты не нарочно. Придворные и слуги знают, что ты не нарочно. И что нужно переждать немного, и ты вскоре снова станешь прежним добрым Раннаром. А девушка не знает. Интересно, почему?

– Она явно никогда меня не видела, – уверенно сказал Грифон. – Ведь не видела же?

Я покачала головой, потом все-таки сказала:

– Мне показалось, будто вы похожи на его величество. Я подумала – вы особа королевской крови, а одеты так странно и ведете себя... и говорите непонятно, потому что...

– Ну же, договаривай! – подбодрил он, и я прошептала:

– Я решила, что вы тихий помешанный. Что вас поселили в старом замке, подальше от чужих глаз. Вы воображаете свой мир, и, покуда от вас нет никакого вреда, вам позволяют жить спокойно.

– И поэтому ты никому обо мне не сказала? – удивленно произнес Грифон.

– Не только... Я не могла признаться, что оставалась наедине с незнакомым мужчиной!

– Что в этом такого? – искренне не понял он, и я лишилась дара речи.

Нет, он не шутил. Инна-Ро тоже смотрел на меня с недоумением, и я попыталась объяснить:

– Это неприлично. Если кто-то узнает, то... могут подумать, что я...

– Бегала на свидание? – пришел на помощь Грифон, и я кивнула. – Все равно не понимаю, что в этом непристойного.

– После разберемся, – поднял руку Инна-Ро, – иначе запутаемся в несущественных деталях. Мне понравилось, впрочем, как тебя назвала Гара-Тесса.

– Можно просто – Тесса, – тихо сказала я. – Мы же не на приеме.

– Как скажешь. И не молчи, продолжай. Что еще ты подумала о Раннаре?

Я постаралась объяснить, но мне казалось, будто они мне не поверили. А уж когда я добралась до своих измышлений о гербе и его отличии от королевского...

– Инна-Ро, она ведь не лжет, – удивленно произнес Грифон. Почему-то у меня не получалось называть его по имени даже в мыслях. – Даже я это чую, а уж ты-то!..

– И я, – кивнул старик и пристально посмотрел на меня. – Опиши еще раз королевский герб, Тесса.

– Может, я лучше нарисую? – предложила я. – Так будет быстрее и проще!

– Перо и чернила у тебя найдутся? Или уголек хотя бы? – спросил Инна-Ро у Грифона, и тот покачал головой. – Так сходи в библиотеку!

Получив все необходимое, я быстро изобразила герб – это совсем не сложно.

– Видите? – зачем-то спросила я, взглянув на мужчин. – Они очень похожи, только у... у вас солнце, а здесь – щит. И меч...

– И какой же король носит этот герб? – негромко спросил Грифон. – За чьего родственника ты меня приняла?

– Его величество Дар-Аррон, первый сын Дарраheyна, – растерянно ответила я.

– Ну и кто из нас сумасшедший? – так же тихо произнес он.

– Я не понимаю...

– Я тоже не понимаю, что происходит, – сказал Грифон. Брови его сошлись на переносице, в глазах явственно полыхнули молнии. Хотя, конечно, виновато было мое воображение. – Инна-Ро?

Старик развел руками.

– Она не лжет, не околдована, не опоена, – произнес он. – Однако уверяет, будто явилась из неведомого места, отдаленно похожего на нашу

страну, где есть замок Старой Птицы, существует Королевское Испытание, но где детям дают странные имена, а правит какой-то Дар-Аррон...

– А... кто? – только и смогла я выговорить.

– Я, кто же еще? – недоуменно взглянул на меня Грифон. – Раннар из Карада, третий в роду с этим именем.

Глава 13

Я молчала, не зная, как реагировать. И стоит ли вообще говорить что-либо...

– Она не верит, – произнес вдруг Инна-Ро. – Бедная девочка убеждена, что я подыгрываю сумасбродцу, считающему себя королем. А на самом деле я, должно быть, лекарь, коему вменено в обязанности вовремя поить больного успокаивающим зельем и звать крепких слуг, если тот вдруг начнет буйствовать и крушить мебель.

Кажется, я опять покраснела, потому что старик в буквальном смысле прочел мои мысли. Я хочу сказать, он повторил их вслух, я думала теми же словами!

– Она еще подумывает, будто сама сошла с ума, – добавил Раннар. – Потому что никак не может себе объяснить, каким чудесным образом так переменялась библиотека и все кругом, почему снаружи теплое летнее утро, а не зимняя ночь... Наверно, если я отведу ее в сад и заставлю понюхать цветущие розы, она только сильнее убедится в том, что окружающее – лишь порождение ее больного рассудка.

– Да, бывает такое: люди пытаются защититься от чудовищной действительности и выдумывают себе безопасное убежище... – пробормотал Инна-Ро и зачем-то потянул себя за мочку уха. – Но я все-таки настоящий. И ты тоже. С тебя капает прямо мне на плечо, и я чувствую, что скоро промокну до белья.

– Так отодвинься.

– Тебе это проще сделать, – проворчал старик, но все же встал с кресла и отошел в сторону. На его богатых одеяниях и впрямь было заметно влажное пятно.

– Еще проще – высушиться, – добавил Грифон.

– Не я ли учил тебя не пользоваться колдовством по пустякам? – ответил тот.

– Я и не пользуюсь. Не зима на дворе, не замерзну.

– Довольно болтать, – сказал Инна-Ро. – Лучше в самом деле отведи девушку в сад. Только в розовый куст не толкай.

– А ты?..

– А я пойду побеседую с теми двумя. И не спорь! – старик поднял руку, видя, что Грифон намерен возразить. – Ты предвзят. И нетерпелив. Поверишь ли, – обратился он ко мне, – сколько ни учил его пытать, ничего

толком не выходит!

– Ничего страшного, у меня есть ты, – криво усмехнулся Грифон.

– И что ты будешь делать, когда меня не станет? – прищурился старик.

– Ты еще моих внуков переживешь, – уверенно ответил тот.

– Хотелось бы верить... – пробормотал Инна-Ро. – Иначе ты воспитаешь, пожалуй, наследников, да так, что сам не обрадуешься...

– Ну! Довольно спорить, в самом деле! – Грифон протянул мне руку. – Идем, загадочная гостья. Покажу тебе замок, а ты скажешь, сильно ли он отличается от виденного тобой!

– Но... – Я в панике оглянулась на старика, но тот сказал:

– Сказал же – не бойся Раннара. А если он вдруг вспылит, падай наземь и закрывай голову руками. Обычно помогает.

– Он шутит, – заверил Грифон, отвернулся и чем-то зашелестел. – О! Значит, не следует использовать колдовство по пустякам, так ты говоришь, Инна-Ро?

– Какой же это пустяк, – серьезно ответил он. – Это платье.

– Оно не мое, – поспешила я отказаться, когда Грифон бросил одежду мне на колени.

– Твое, просто Инна-Ро немного его...

– Исправил, – подсказал старик нужное слово. – Очень уж оно было зеленое. Чего доброго, Раннар перепутал бы тебя с кустом лилий-огнянок, вздумай ты спрятаться. А нам вовсе не нужно, чтобы ты заблудилась, – сад большой, и там водятся не только птички с бабочками.

Грифон только вздохнул.

– Одевайся, – сказал он. – Вон там кувшин с водой и гребень.

– Лошадиный, железный, – добавил Инна-Ро, посмеиваясь. – Другие Раннар ломает.

– А... разве у вас нет слуг? – осмелилась я спросить.

Они недоуменно переглянулись, потом Грифон ответил:

– Есть, разумеется, только зачем они сейчас? Да и так-то... Я в состоянии одеться без посторонней помощи. Вот с парадным костюмом приходится повозиться, это верно, но, к счастью, я редко так облачаюсь.

– Скоро придется, – напомнил старик. – На свадьбу.

– Она не каждый день бывает, можно потерпеть. Что до прочего... – Грифон пожал плечами. – Не люблю посторонних в своих покоях. Чем их меньше, тем лучше. Не хватало еще, чтобы мне штаны подавали...

– Да и я еще не настолько одряхлел, чтобы меня нужно было носить по замку в кресле, – добавил Инна-Ро. – И довольно болтать. Солнце уже высоко, тени скоро уснут, а у нас двое пленных не допрошены!

С этими словами он развернулся и прошествовал к выходу, задержался ненадолго, обернулся и добавил:

– Кафтан вернуть не забудь!

Я смогла лишь кивнуть, а когда Инна-Ро исчез за дверью, перевела взгляд на Грифона.

– Тебе действительно нужна служанка, чтобы одеться? – удивленно спросил он.

– Нет, что вы, я уже научилась справляться сама, – покачала я головой. Спасибо, не предложил помочь! – Только... вы не могли бы отвернуться?

Грифон посмотрел на меня с недоумением, но все-таки повернулся спиной и смотрел за окно все то время, что я сражалась с завязками – они изрядно изменились волей коварного Инна-Ро, да и само платье тоже. Более того, оно даже цвет сменило, сделалось из изумрудно-зеленого серебристо-серым, более темным на лифе и плавно светлеющим к низу рукавов и подола.

– Как же у вас принято одеваться, если без служанки не обойтись? – спросил вдруг Грифон.

– Я нарисую, если угодно, – предложила я, с трудом выпутав гребень из волос – они сбились колтуном после моих злоклучений. – Вряд ли вы что-то поймете из моих словесных описаний.

– Хорошо, – согласился он и повернулся, не дожидаясь моего разрешения. – Да, Инна-Ро прав – так намного лучше.

– Почему же?

– То платье действительно было чересчур... зеленым, – совершенно серьезно сказал Грифон. – Странный оттенок. Неестественный. От такой зелени лицо у тебя казалось бледнее, чем есть на самом деле, веснушки проступали сильнее... что ты краснееешь? Впрочем, я заметил – тебе они не нравятся, хотя не возьму в толк, почему... Ну а волосы выглядели слишком яркими, вульгарными даже. Теперь другое дело.

Я онемела от таких речей, и это к лучшему: не стоило с ним спорить. К тому же, как показал взгляд в зеркало, Грифон был в чем-то прав: одежда спокойных тонов шла мне больше. Волосы, правда, пламенели по-прежнему, не знаю уж, как он ухитрился заметить разницу... Ну да пусть его!

– Идем, – сказал он мне, порылся на столе, что-то захватил и добавил: – Рисовать будешь в саду.

Я последовала за ним, хотя мне вовсе не хотелось покидать комнату, каким бы ненадежным убежищем она ни представлялась.

Мне казалось: стоит переступить порог, и странное колдовство

развееется. Ведь оно могло действовать только в этой части замка! Наверняка сильному чародею не так уж трудно заколдовать окна, чтобы казалось – за ними вечное лето, а уж изменить цвет одежды – вовсе ерунда для настоящего кудесника...

«А откуда, в таком случае, взялся клевер в волосах у Грифона?» – спросила я себя, но ответа не нашлось.

Он снова вел меня незнакомыми переходами, потом толкнул высокие двери, и мы очутились на широкой белокаменной лестнице, спускавшейся прямо...

Мне почудилось, что это лучший мир, в который отправляются после смерти хорошие люди. Во всяком случае, именно так его описывали: чистое небо, теплое, но не жаркое солнце и бесконечный цветущий сад, по которому можно бродить часами, не видя никого больше – или же встречаясь с теми, с кем захочется.

– Нравится? – спросил Грифон не без гордости, словно сам посадил этот дивный сад. И добавил, будто услышав мои мысли: – Не так давно здесь было пепелище. Но цветы хорошо растут на старых пожарищах...

– И что же сгорело? – осторожно спросила я.

– Много разного, – ответил он. – Включая людей. Надеюсь, они не возражают прорасти из земли розами.

– Боюсь, я не понимаю... ваше величество, – сказала я. От меня не убудет, если я стану обращаться к нему так, если уж он считает себя королем.

– Можно просто – Раннар, – улыбнулся Грифон, – мы же не на приеме. Ты обещала мне нарисовать вашу одежду. Вот грифель, вот записная книжка, а вон там скамья... Идем!

Мне оставалось только подчиниться. Помню, я подивилась такой записной книжке – размером с ладонь (мужскую, конечно же), в костяном переплете с серебряной отделкой: Грифон не походил на ценителя изящных вещиц. Потом я присмотрелась к вышивке на его одежде, к поясу и ножнам, к обручьям и перстню и переменила мнение. По сравнению со знакомыми мне щеголями он мог, пожалуй, показаться одетым и странно, и слишком просто, но эта простота стоила очень и очень дорого...

– Надо же, чего только не выдумают, – сказал он, взглянув на мои рисунки. – В этом действительно ходят по улицам?

Я кивнула. Сюда бы Лиссу – если она начнет рассказывать об истории костюма с давних лет до современности, ее не остановишь!

– Неудобно, наверно, – сказал Грифон, глядя почему-то не на рисунок, а на меня. Должно быть, я помрачнела, вспомнив о кухне. – Впрочем, мне

кажутся неудобными дзейлинские наряды, а Инна-Ро не может одеваться по-нашему. Видимо, дело привычки...

Я снова кивнула. Что тут скажешь?

– А какой нынче год? – вдруг спросил он, и я ответила, не успев задуматься. – Надо же... От какого же события вы считаете?

– От Возвращения, – удивленно ответила я. Неужели здесь все иначе?

– Что это?

– Я... я не знаю, – вынужденно призналась я. – То есть теперь догадываюсь – это тот день, когда Старая Птица вернула Солнце, но об этом никогда не говорилось, я бы запомнила!

– Но как-то ведь должны объяснять, что это такое? – Грифон смотрел на меня в упор, не мигая, и мне почему-то подумалось, что точно так же он сможет взглянуть на солнце, и оно не ослепит его. – Не может быть, чтобы все люди просто говорили – о, нынче наступает такой-то год от Возвращения, нужно откупорить бочонок вина и отметить! В такие дни всегда рассказывают истории. Или хотя бы сказки. И у нас, и в Дзейли, и у дикарей с южных островов...

– Нет, сударь, – покачала я головой, напрягая память. Вдруг хотя бы кормилица упоминала о чем-то подобном? Увы... – Может, в деревнях и рассказывают, но я, повторюсь, никогда ни о чем подобном не слышала. Но в книгах...

– Что там? – насторожился он.

– Дедушка не любит споров о божественном, как он это называет, а потому у нас в доме нет никаких сочинений на эту тему, – пояснила я. – Но когда мы были в гостях, я видела в одной книге рассуждение о том, что некий человек побывал... не помню, где именно, но точно не в чужой стране, где-то еще. А когда вернулся, рассказал о том, как там страшно, и о том, как нужно жить, чтобы после смерти угодить в лучший мир, а не в тот... Это и было Возвращение, а человека называют Вернувшимся. В него и верят, правда не везде.

Грифон резко встал и прошелся взад-вперед по дорожке. Чем-то он напоминал рассерженного кота, и мне подумалось: будь у него хвост, кончик бы наверняка подергивался от ярости. Впрочем, у грифонов ведь кошачий хвост, вернее львиный, так что я была не так уж неправа.

Однако когда он повернулся ко мне, от гнева не осталось и следа, только в глубине глаз еще полыхало пламя, но оно быстро исчезало.

– Если допустить, что ты не околдована так, что даже Инна-Ро не может этого определить, а в самом деле явилась сквозь тени из другого «где» и «когда», – произнес он, – то это нужно использовать. По твоим

словам выходит, что прошло полтысячи лет с этого момента. Люди странно одеваются и ведут себя тоже не так, как теперь: вспомнить только твои поклоны! Однако это вполне объяснимо – с течением времени меняются и обычаи.

– И мода, – сказала я зачем-то и пояснила: – Моя кузина, та самая, пропавшая, хорошо разбиралась в истории костюма. Она как раз и сказала, когда нас переодели в замке: такие вот платья вышли из моды лет четыреста назад, а может, и все пятьсот. Хоть что-то сходится, верно?

– Если это можно считать важной деталью... – Грифон снова присел рядом со мной. – К слову, язык тоже меняется, а я неплохо понимаю тебя, ты – меня. Вдобавок ты смогла прочесть текст в книге, которую я тебе показывал, а она мне ровесница. Для тебя, наверно, и вовсе древность. С вековой давности трактатами толкователи бьются подолгу... Мне кажется, ты должна была узнать отдельные буквы, может, слова, но...

– Но, может, язык изменился не так сильно? – перебила я, не удержавшись.

– Кто знает... Есть и обратный пример: в Дзейли он не меняется не то что веками, а тысячелетиями, они свято блюдут его сохранность. Инна-Ро говорит, правда, что в отдаленных провинциях столичных жителей понимают с большим трудом, но это касается только разговорной речи, не письменной. Кто знает, не переняли ли потомки этот опыт, – задумчиво произнес он. – С Инна-Ро сталось бы привести все библиотеки в порядок и следить за ними даже после смерти.

Я не нашлась что ответить.

– Какой, говоришь, месяц и день у вас на дворе? – спросил вдруг Грифон и взял у меня записную книжку. – Луна полная, растущая, на убыли? Может, какие-нибудь звезды в это время года выглядят особенно ярко?

– Луна растет, – ответила я, – а звезды... Их почти не видно, такие тучи, но в это время года обычно лучше всего видно Венец – созвездие похоже на корону с большими звездами на зубцах.

– В какой оно стороне неба? На востоке?

Я кивнула и добавила:

– Летом видно только три звезды, те, что венчают зубцы, а зимой – Венец целиком. А еще в нем есть звезда, которая показывается раз в сто лет, а может и реже. Она становится все ярче и ярче, ее видно даже днем... Потом так же тускнеет и исчезает. – Я перевела дыхание. – Именно поэтому его вели... то есть Дар-Аррон назначил Испытание – при дворе сочли явление звезды хорошим знаком. Дедушка говорит, это предрассудки,

но...

– Не раз в сто лет, а раз в сто тринадцать... – пробормотал Грифон и снова вскочил. – Иди сюда, посмотри!

– На солнце? – удивилась я, увидев, куда он указывает.

– Да. То есть не на него само. – Он поднял руку так, что широкая ладонь оказалась перед моими глазами, заслонив солнечный круг. – Немного выше и левее. Видишь?

– Кажется... да, – ответила я и прищурилась. – Звезда, которую видно даже днем! Та самая? У нас пока что можно рассмотреть ее только на рассвете или на закате, но она делается все больше и светит сильнее...

– А где она находится по отношению к солнцу – на рассвете и на закате? – тут же спросил Грифон, и я постаралась припомнить.

Он же принялся черкать в записной книжке, негромко ругаясь на отсутствие какого-то прибора под рукой, но сказал наконец:

– Позже посчитаю точнее. Пока выходит, что ты и впрямь говоришь о времени, которое наступит через четыреста пятьдесят с небольшим лет.

– И вы... так спокойно об этом рассуждаете? – после паузы спросила я. – Вы же сами предположили, что я могу быть лгуньей, сумасшедшей, околдованной или все это разом!

– Ты – да, а вот заколдовать блуждающую звезду никому не по силам. Она не меняла своих привычек примерно две тысячи лет, если верить ученым из Дзейли – а они большие любители наблюдать за небом и вычислять закономерности, поэтому не верить им смысла нет. И если я еще не позабыл уроков Инна-Ро, что вряд ли, и принял во внимание необходимые погрешности, то выходит... – Грифон улыбнулся. – Выходит, ты не лжешь.

– А может быть, кто-то подучил меня? – предположила я. – Тоже посчитал, как должна двигаться эта ваша звезда, и объяснил, что я должна говорить!

– Но зачем ему это?

– Не представляю... Я даже не знаю, где очутилась!

– В самом деле, я совсем забыл о гостеприимстве, – пробормотал Грифон. – Ты в замке Старой Птицы, Тесса.

– Это я и так понимаю, но... – я беспомощно развела руками. – Он не такой!

– В самом деле? Оглядишься, неужели ты его не узнаешь?

Я послушно посмотрела по сторонам.

– Там нет никакого сада. Только парк, но он не слишком-то ухожен. И... А это что? За деревьями?

– Королевский замок, – пояснил Грифон и вздохнул.

– Пойдите, я не понимаю... А это тогда?.. – я обернулась к лестнице, по которой мы спустились в сад, к дверям и стенам.

– Просто флигель, в котором я могу укрыться от придворных и прочих. Вообще-то я подарил его Инна-Ро за особые заслуги перед короной, но он не возражает, когда я гощу у него... Почему ты так удивилась?

– Кроме этого... флигеля, у нас ничего нет, – ответила я. Голос почему-то сел. – Вот это все... наверно, даже без правого крыла, и называется замком Старой Птицы. И дальше, вон там... только парк, я уже говорила о нем. Королевский дворец совсем в другом месте, возле столицы, до нее дня три пути...

– Вот даже как. – Грифон посмотрел на здание.

Сейчас оно вовсе не выглядело древним и угрюмым, и немудрено – когда бы ему было состариться?

«О чем я думаю?! – мелькнуло в голове. – Я что, всерьез воспринимаю эти бредни о звездах, путешествии во времени и прочем? Нет, он все-таки сумасшедший... А как же лето среди зимы? Это как объяснить?»

– Что же случилось? – негромко произнес он, и я вздрогнула от неожиданности. – Что могло произойти? Ты не знаешь?

Я изо всех сил постаралась припомнить уроки истории, но даты и имена правителей путались, словно я держала экзамен перед самым строгим в мире учителем – дедушкой.

– Видимо, ты не сильна не только в землеописательных науках, – не без иронии сказал Грифон, а я вдруг вспомнила слова Идды...

– Скажите, сударь, у вас есть братья и сестры?

– Нет, – ответил он, и тень набежала на его лицо.

– А другие родственники?

– Дальние, несомненно, имеются. Но то дальние, а если рассудить... – Грифон помолчал, потом закончил: – Я – последний прямой потомок Старой Птицы.

– Вот как! – невольно воскликнула я. – О, простите... Инна-Ро сказал мне, что случилось с вашим отцом, но не объяснил, как это произошло...

– Все-таки не удержал язык за зубами, – едва заметно усмехнулся Грифон. – Впрочем, это не тайна.

– Возможно, но я...

– Ты не знаешь, – кивнул он и посмотрел на солнце. Как я и думала – не мигая. – У меня было двое братьев, я средний между ними. И новорожденная сестра. И мама, конечно же...

Я молчала, дожидаясь продолжения.

– Отец затеял переговоры с Дзейли, и шли они весьма успешно. До такой степени, что посланник императора, его родной брат, пригласил отца на встречу – это весьма почетно. Встреча должна была состояться в приграничной крепости, – проговорил Грифон. – Отец взял меня с собой.

– Почему? Вы же...

– Не наследник? Именно поэтому. Старший брат остался за отца, младшего он считал еще недостаточно взрослым, а мне уже исполнилось девять, – пояснил Грифон. – В будущем именно мне предстояло улаживать отношения с соседями по поручению сперва отца, затем брата, и эта поездка была... чем-то наподобие посвящения. Не могу передать, до чего я был горд!

Он снова умолк, а я попыталась представить его ребенком, счастливым тем, что отец берет его в такое важное путешествие, на переговоры, как равного себе...

– Это была ловушка, – сказал он наконец. – Никто и ожидать не мог... И наши чародеи подвели – Инна-Ро оказался сильнее их всех, вместе взятых. Помню, как лег спать после ужина с посланником. Думал, не смогу уснуть, до того был взволнован... Очнулся уже в кандалах.

– Но зачем?.. – выговорила я. – Чего они добивались? Выкупа? Или...

– Отца обвинили в попытке покушения на посланника, – пояснил Грифон, и лицо его омрачилось. – Конечно же, он не злоумышлял, но некому было свидетельствовать в его защиту – всю нашу свиту перебили. А вот обвинитель нашелся...

– Кто же?

– Имя тебе ни о чем не скажет, – усмехнулся он. – Один добрый сосед, которому не понравилась зарождающаяся дружба Карада с Дзейли. Ему, видишь ли, хотелось, чтобы торговые пути шли по его землям, не нашим, да и старых обид хватало... Вот он и нашел наивернейший способ очернить соперника: у дзейлинцев в порядке вещей такие поступки, и они не слишком удивились. Сказали – не стоит доверять чужакам.

– Но постойте, они что, даже не задумались, зачем вашему отцу убивать посланника? – не поняла я.

– Мотив имелся – месть, – пояснил Грифон. – Много лет мы воевали с окраинными землями Дзейли, мир установился лишь несколько поколений назад, а для них это ничто. Мой предок погиб от руки подосланного убийцы. Его так и не поймали, поэтому сочли, что виноваты дзейлинцы – они славятся такими мастерами. Наследнику убитого хватило выдержки для того, чтобы не устроить самоубийственную войну – понятно же, что Дзейли сильнее, выступать против них бессмысленно. Если только

заманивать на свою территорию, скрываться в лесах и холмах и уничтожать отряды противника исподтишка, но... Никто не желал Караду такой жизни.

– От него бы ничего не осталось, – прошептала я.

– Как знать. Мы упрямые, могли бы держаться долго... Но какой ценой? И о победе речи бы все равно не шло – нам не хватило бы сил, чтобы сражаться на чужой территории. А самим напасть на Дзейли... это даже не смешно, – сказал он. – У комара в атаке на быка и то больше шансов! Решили, что худой мир лучше доброй ссоры. А он оказался не таким уж худым, продержался много лет, до тех самых пор, пока отец не решил его укрепить...

– Хотите сказать, это была ошибка?

– Нет. Ошибкой было то, что он слишком доверял союзникам, – ответил Грифон. – Не следует сыну судить отца, но если этого не делать, есть риск повторить его промахи. А я не могу себе этого позволить.

– И что же было дальше? – осторожно спросила я. – Когда вы попали в плен?

– Нас должны были казнить.

– Да, Инна-Ро сказал... Постойте, вы же упомянули, что это он сразил ваших чародеев!

– Именно так. Придворный чародей должен выполнять приказ господина, иначе зачем он нужен? – взглянул на меня Грифон. – Но что-то показалось ему неправильным. Может, то, что люди обычно не берут на самоубийственное дело детей, может, еще что-то...

– Он ведь мысли читает... или угадывает, – заметила я. – Почему он не мог сказать хозяину, что ваш отец вовсе не собирался нападать?

– Потому что никакого хозяина в крепости и не было. Я же сказал – это оказалась ловушка. Вельможу, который изображал посланника, Инна-Ро, воинов прислали туда с заданием, и они выполнили его с блеском. Конечно, он сообщил в столицу, но, – усмехнулся Грифон, – учитывая расстояния Дзейли, ответа пришлось бы ждать очень и очень долго. А с казнью тянуть не собирались. Еще и бывший наш добрый сосед лил фальшивому посланнику мед в уши!

– Неужели Инна-Ро не мог помочь вам сбежать? – тихо спросила я, и он покачал головой.

– Далеко бы мы ушли от конных преследователей? Отец был ранен к тому же... Поэтому Инна-Ро нашел единственный возможный выход.

– Поединок?

– Да. У нас бы это назвали судом чести. Чародей императора – важная персона, и «посланнику» пришлось к нему прислушаться. Инна-Ро сказал –

доказательств нет, только слово отца против слова обвинителя. Казнь невиновного ляжет тенью на весь императорский род, и допустить этого никак нельзя. Значит, чтобы выяснить, кто прав, а кто виноват, нужно устроить поединок – он и решит, на чьей стороне истина.

– Но почему он сам сражался, а не... – начала я, но Грифон остановил меня жестом.

– Не спеши. Сперва заставили выйти на бой обвинителя. Отец, пускай и раненый, легко разделался с ним.

– И почему же его не отпустили?

– Потому что он должен был умереть, – ответил Грифон. – Не понимаешь? Попробую объяснить... Император не может признаться, что совершил ошибку. Тем более такую серьезную ошибку – едва не казнил возможного друга по навету его врага. И переложить эту вину на фальшивого посланника тоже не вышло бы – приказ тому и Инна-Ро отдавал лично император. Это уже не тень, это позор на веки вечные!

– И чтобы его избежать, проще убить пленника?! – воскликнула я. – Что за дикость!

– Не просто убить, а убедить всех, кто при этом присутствовал, что состоялся высший суд, – заметил он. – А свидетелей было много.

– Понимаю, – сказала я. – Кажется, понимаю... Против Инна-Ро, чародея, у вашего отца не было ни единого шанса, верно? И, значит...

– Именно так, – ответил Грифон. – Инна-Ро еще заставил себя уговаривать. Так-то подумывали просто подержать отца без воды и еды пару суток – тогда его прикончил бы и средний боец, если бы прежде не доконала рана, – но старик заявил, что это бесчестье тоже ляжет позором на тех, кто его учинил. Он умеет заговаривать зубы... Слово за слово – все уверились в том, что придется выставить против отца чародея. Форма обычая соблюдена, а что до его духа – это, право, такие мелочи!

– Он еще сказал, что потребовал вас в награду за победу, – вспомнила я.

– Да. Это было единственным шансом спасти мне жизнь. Иначе меня отправили бы в круг вслед за отцом, – сказал он. – По-моему, Инна-Ро заявил, что намерен воспитать из меня бойца, которому не будет равных, а потом использовать для завоевания Карада. Дескать, здешние люди никогда не склонятся перед иноземными захватчиками, а вот перед сыном злодейски убитого короля... Они ведь не будут знать, кто дергает этого юнца за ниточки!

– И... и что же дальше?

– Инна-Ро сдержал слово, – пожал плечами Грифон. – Воспитал из

меня бойца. Равных себе я действительно еще не встречал, во всяком случае среди людей.

– Я хочу сказать – как вы вернулись... в Карад? И когда?

– Довольно скоро, – после долгой паузы ответил он. – Почти два года я прожил в Дзейли, у Инна-Ро. Он сумел достучаться до императора и объяснить ему, что тот зря прислушался к навету и решил действовать, не собрав достаточно доказательств... За это Инна-Ро немедленно отправили в ссылку.

– Не понимаю, как же так? Ведь он сказал правду!

– Ну разумеется. И подтверждения правоты у него имелись, – согласился Грифон, – но я ведь сказал уже: император не может признать ошибку. Однако он может попытаться ее исправить.

– О, кажется, я догадываюсь... – пробормотала я. – Инна-Ро отправился в ссылку, а вы, как его ученик, последовали за ним... в Карад, верно?

– Если говорить совсем просто, то так и было, – кивнул он, сорвал травинку и принялся грызть. Я в детстве тоже так делала, пока матушка не объяснила мне, что можно подхватить какую-нибудь заразу. Мало ли кто походя плюнул на эту травинку. – А что нас здесь встретило... Страшно вспоминать.

Я испуганно взглянула на него. Грифон смотрел в пустоту, и лицо его сделалось отрешенным.

– Я ведь сказал, что у меня была мать? – сказал он наконец. – Два брата и маленькая сестра?

– Да...

– У них даже могил нет. Те, что в склепе, – пусты. Просто каменные ящики.

– Как же... – Я осеклась, потому что расспрашивать о подобном страшно. А Грифону наверняка больно говорить об этом, даже если...

«Нет, он ничего не выдумал, – подумала я. – Не может человек так притворяться! Но если он не сумасшедший, и я тоже не лишилась рассудка, выходит, все это происходит взаправду? Я в далеком прошлом? И даже, кажется, знаю, в какое именно время попала...»

Глава 14

– Старший брат не справился, – тихо проговорил Грифон. – Ему было двенадцать, и я не виню его в этом. Я виню тех, кто не поддержал его, хотя и мог. Тех, кто сбежал подальше, кто попрятался по норам и выжидал, чем кончится дело, войдут войска Дзейли в Карад или нет... Тех, кто взвинтил цены на продовольствие, так что голодные люди взяли замок штурмом... Ты понимаешь?

– Неужели не нашлось... ни единого? – только и смогла я сказать. – Ведь у вашего отца были советники, придворные... Все они бросили вашего брата?

– Не все, конечно же, но слишком многие. Никто не был готов к подобному. Началась смута... – Он с силой провел руками по лицу. – Мама пыталась помочь, но у нее никогда не было большого влияния при дворе. Они все же продержались больше года с тех пор, как стало известно о нашей с отцом гибели.

– Вашей?

– Инна-Ро решил, что надежнее мне будет погибнуть. Так и сообщили в Карад.

Я молчала, пытаюсь представить ребенка на троне, да еще в такое страшное время. То есть, наверно, по здешним меркам он уже считался юношей, но все же ему не хватало опыта и, главное, верных людей, чтобы не допустить волнений. Почему ему не помог кто-нибудь сильный и влиятельный? Пускай даже из корысти?!

– Кое-кто все же нашелся, – произнес Грифон, и я поняла, что думала вслух. – Только слишком поздно: когда он прибыл в Карад, все было кончено... или только начиналось, как посмотреть.

– То есть?

– Я же сказал – случился голодный бунт. Во время штурма дворца старшего брата убили, и вовсе не простые люди. Нашлись свидетели – вернее, Инна-Ро их нашел и как следует выпросил. Они сказали: брат с немногими верными людьми защищал мать и младших сколько мог. Она тоже сопротивлялась – когда за спиной у женщины ее дети, она превращается в бешеную тигрицу, вот только... охотников оказалось слишком много. – Лицо Грифона исказилось мгновенной гримасой, и я прикусила язык. Мне вовсе не хотелось знать, что сделали с его матерью. – Брата закололи. Детей выбросили в окно. Потом всех сожгли в одной

куче... невесть с кем.

– Вы говорите так, будто видели это собственными глазами! – не удержалась я.

– Я и видел. – Он взглянул на меня. – Инна-Ро научил заглядывать в чужие воспоминания. Это сложно, но с его помощью, да еще если дать допрашиваемому кое-каких снадобий, вполне возможно. Поэтому, Тесса, я побывал там в тот день и видел если не все, то многое.

Я не нашлась что сказать. Любые дежурные слова сожаления прозвучали бы неимоверно фальшиво.

– Так вот, когда верный человек добрался до Карада, было слишком поздно спасти мою семью, однако еще не поздно спасти королевство, – ровным тоном произнес Грифон. – Хорошо, что он явился не один, а с большим отрядом. Соседи уже начали примериваться к нашим землям, успели даже отхватить клочок-другой.

– Кто же это был?

– Если я начну вычислять степень родства, то запутаюсь сам и запутаю тебя, – предостерег он. – Отец называл его кузеном, но на самом деле это сын внебрачной дочери моего деда.

– То есть выходит...

– Последний потомок Старой Птицы, пусть и не прямой? – усмехнулся Грифон. – Да, я думал об этом. Дядюшке Аллору на удивление быстро удалось восстановить порядок и взять бразды правления в свои руки. А потом вернулся я.

– И он... уступил трон? – неуверенно спросила я. Мне казалось, будто я читаю книгу: в реальной жизни давным-давно не происходило ничего подобного, и если где-то захватывали власть и убивали соперников, то негласно...

– Весьма неохотно. Впрочем, небольшая дзейлинская армия – не меньше его собственной и карадской, вместе взятых, – заметно повлияла на его решение, и он остался при мне регентом. Ненадолго, правда, – мне тоже скоро исполнилось двенадцать.

– Пойдите, сударь, – сказала я, – но ведь получается, все вышло, как сказал Инна-Ро: Карад склонился не перед иноземным захватчиком, а перед настоящим королем, только вот за ним стоит Дзейли!

– Да, и что с того?

– Это как-то...

– У меня был выбор, Тесса, и достаточно обширный, – негромко произнес он. – Я мог остаться учеником чародея – у меня недурные способности, и я мог достичь высот в этом искусстве. Вряд ли бы

превзошел Инна-Ро, но и то немало! Я мог ничего не делать и смотреть, как трон занимает дядюшка Аллор. Все же он родственник, пускай и дальний, верно? Я спокойно дожил бы до старости, зная, что Карад в надежных руках... Еще я мог сбежать от Инна-Ро и попытаться собрать остатки верных людей по лесам и горам. Наверно, к этому моменту у меня был бы отряд в сотню-другую человек. Но... Я знал – я могу вернуть то, что у меня отняли, и готов был сделать это любой ценой!

Он зло встряхнул головой и добавил:

– Нет, не так... Родителей, братьев и сестру не вернешь, а трон предназначался не мне...

– А может быть, все это устроили дзейлинцы, – сказала я и невольно сжалась – таким взглядом уставился на меня Грифон. Что поделать, я узнала новую загадку и, пока не услышала разгадки, успокоиться не могла! – Вы стали их марионеткой. Откуда вам знать, что Инна-Ро вас не зачаровал? И не поддерживает эти чары постоянно, раз уж всегда находится с вами рядом? Почему вы смеетесь?

– Если бы ты знала, сколько людей пытались раскрыть мне глаза на злобную сущность Инна-Ро! – ответил Грифон. – Зачем ему это? Будто я не понимал, что в интересах Дзейли восстановить в Караде порядок – кому нужен полыхающий костер под боком? И делать это нужно было, посадив на трон законного короля, а не... дальнего родственника.

– А взять и завоевать – не проще, потому что...

– Потому что костер превратится в тлеющий торфяник, и неизвестно, сколько воинов Дзейли угодят в огненную ловушку. Повторяю, Тесса: император не мог признать ошибку публично, но постараться исправить ее, дав мне войско, сумел. Сейчас из дзейлинцев в Караде остались только посланники, торговцы с охраной... шпионы, несомненно, а еще Инна-Ро. И дело моего отца, – без улыбки добавил он, – продолжено. Я заключил тот союз, о котором он мечтал, и делаю все, чтобы укрепить его.

– Худой мир, да? – не удержалась я.

– Именно.

– Неужели люди не сторонятся дзейлинцев?

– Не без того, но так было всегда – чужаков мало где любят.

– Я имею в виду: им же сообщили, что по вине дзейлинцев погиб ваш отец!

– Да, но я-то вернулся и рассказал правду, – произнес он. – Это император не может публично признать ошибку, но карадцев дзейлинские церемонии не касаются. Было предательство, злое наущение... Это всем понятно. И то, что дзейлинцы помогли мне вернуть трон и не задержались

сверх необходимого, лишь доказало их раскаяние. Во всяком случае, так считают в народе. Поверь, я знаю.

– Вот как... А что же ваш... гм... дядюшка? – спросила я после паузы.

– Жив, здоров. Я стараюсь держать его подальше, – усмехнулся Грифон. – Сыт по горло родственной любовью. Да и мало приятного в том, чтобы изо дня в день видеть рядом с собой кого-то, кто тебя ненавидит.

– Вы имеете в виду, он уже счел корону Карада своей и не предполагал, что вы живы и скоро потребуете вернуть ее?

– Именно так. И уж тем более не ожидал знамения...

– Какого знамения? – не поняла я.

– Да я ведь не скрывался, – сказал он и улыбнулся шире, – и меня мгновенно схватили как самозванца. В годы смуты непременно появляются десятки тайных детей погибших правителей, вот меня и сочли одним из многих. Казнить не собирались, правда, но до Аллора не допустили. Постановили высечь на площади да отпустить с миром – что взять с мальчишки? Вот тогда и случилось... нежданное.

– Пойдите, а ваша армия?

– Я хотел решить дело миром, и Инна-Ро дал мне попробовать, – пожал он плечами. – Он считает, королю нужно многое ощутить на своей шкуре. Конечно, за мной приглядывали, но... Инна-Ро уверяет – решил, что прилюдная порка мне не сильно повредит, зато раз и навсегда лишит иллюзий. Но до этого не дошло, говорю же.

– Но что случилось? – Я поймала себя на том, что в нетерпении терблю его рукав, и поспешила убрать руку.

– Старая Птица явилась и заслонила своего птенца, – без тени улыбки ответил Грифон. – Сперва на солнце нашла тень, наступили сумерки. А потом вспыхнуло пламя, и те, кто хоть что-то запомнил, говорят, что видели надо мной ослепительные огненные крылья и вздетый пылающий меч...

– Только не говорите, что Инна-Ро подгадал ваше возвращение и тем более наказание к затмению!

– Догадалась? – засмеялся он. – Это удачно совпало. Но не случилось бы затмения, он придумал бы что-то другое.

– А крылья – тоже его рук дело?

– Так, да не так. – Грифон снова посмотрел на солнце. – Представление задумывалось... немного иным. Того, что произошло, никто не ожидал. Представь: все, что было на площади деревянного, – сгорело дотла. Металл оплавился. А животные и люди остались целехоньки, правда, без сбруи и одежды – она тоже рассыпалась прахом. Что же это, как не знамение?

– Но как...

– Старая Птица, – сказал он. – Я и сам не верил. Думал, сказки.

Он замолчал, по-прежнему не отводя взгляда от яркого золотого круга в небе, – смотреть на это было жутковато. Я тоже молчала, потихоньку оглядываясь по сторонам.

Так странно – совершенно безлюдный сад, тишину которого нарушало только пение птиц, стрекот насекомых и шелест ветра в кронах деревьев. В нашем небольшом Гаррате и то непременно слышны были бы голоса, шум – слуги поднимаются рано... Может, сад зачарован? Грифон не похож на любителя общества, он сам признался, что скрывается здесь от придворных... Инна-Ро ведь наверняка может заколдовать свою обитель так, чтобы гостей не беспокоили посторонние!

Вот только если король прячется от советников и прочих, избегает своих обязанностей, хороший ли он правитель? Грифон сказал – трон предназначался его старшему брату, сам он должен был стать дипломатом. Это тоже не слишком-то вязалось с его характером, каким он мне виделся, но все же... Далекие страны, новые люди и обычаи, неведомые прежде знания и опасности – это уж точно больше подошло бы ему!

Какая-то тень накрыла нас, и я посмотрела вверх – нет, ни облачка. Однако на усыпанной мелким белым гравием дорожке отчетливо рисовался силуэт громадных крыльев, он становился все больше, больше, и...

Признаюсь, я вскрикнула и схватилась за руку Грифона, когда услышала грозный птичий клекот прямо над головой, но он только засмеялся и сказал:

– Ну наконец-то тебе удалось кого-то провести!

Я оглянулась и увидела Инна-Ро – это он изображал гигантскую птицу, да как умело! Широкие рукава в самом деле напоминали формой крылья, а в пальцах старик зажал несколько длинных листьев – они походили на маховые перья.

– Но с голосом нужно поработать, – добавил Грифон. – Это было похоже на курлыкание разомлевшего на жаре голубя, а никак не на воинственный орлиный клич.

– Старею, – вздохнул Инна-Ро, отпустив листья по ветру, и присел на скамью рядом со мной.

– Что там? Удалось разговорить? – Грифон посерьезнел.

– Удалось-то удалось... – задумчиво протянул старик. – Да вот толку вышло мало. Этим болванам впрямь велено было отвести девушку и запереть, чтобы не болтала лишнего. Что с ней собирался делать хозяин, они не знают, но предполагают, что...

Он выразительно провел пальцем по горлу и добавил:

– Не сразу, конечно. Они рассчитывали, что сперва им дадут позабавиться. В награду за верную службу, ха...

– А где именно собирались держать Тессу? – спросил Грифон, коротко взглянув на меня. Очевидно, я переменилась в лице, потому что он накрыл мою руку своей, словно пытаясь успокоить. – И, главное, почему они вели ее туда через тени?

– Хороший вопрос, – пробормотал Инна-Ро. – Они не знают. Говорю же – болваны. Делают то, что приказано, и неплохо делают. Видно, за то и выбраны.

– Околдованы?

– Только самую малость – чтобы могли увидеть нужный проход. Сами бы они его в жизни не нашли, да и сейчас уверены, что нужно просто дернуть за рычаг, нажать на камень, повернуть ключ – и вход откроется. Темница для них – в том же замке. Только вход туда – не для всех.

– А почему они сказали, что в коридоре водится... всякое? – осмелилась я спросить.

– Может, сталкивались, – усмехнулся старик. – Похоже, тени там смирные, но раз на раз не приходится. А учитывая то, что Раннар каким-то образом оказался там же... Должно быть, что-то нарушилось в привычном ходе событий.

– А что это за тени? Вы говорите о них... – Я запнулась, но все же собралась с духом и продолжила: – Говорите, как о чем-то само собой разумеющемся. И я видела... они как живые!

– Они и есть живые, – сказал Грифон. – Меня они хорошо знают, признают за своего, но и то нужно держать ухо востро. Инна-Ро верно сказал: если бы я свалился в коридоре, он бы меня долго искал.

– Почему?

– Тени могли уволочь.

– Чтобы... съесть? – предположила я с дрожью в голосе.

– Вряд ли, – ответил он. – Они уже пробовали меня надкусить и знают, что ничем хорошим это не заканчивается, так что навредить бы не попытались. А вот спрятать меня – из самых лучших побуждений или шутки ради – это запросто. Поди выберись потом, они такого напутают...

– А что это вообще такое?

– Ты не знаешь, что такое тень? – удивленно взглянул на меня Грифон.

– Что такое обычная – знаю, – рассерженно ответила я, подняла руки и показала, как один старик у нас в замке, сперва собачью голову, потом птицу, потом паука... На белой дорожке фигуры были отлично

различимы. – Но вы говорите о чем-то совсем ином, и я вас не понимаю!

– Ничего сложного в этом нет, – сказал Инна-Ро. – Каждый предмет или живое существо отбрасывает тень, верно?

Я кивнула.

– Представь, что ты стоишь под деревом, и его тень пересекается с тенью другого дерева, которое растет в соседнем лесу.

– Как такое может быть? Для этого солнце должно светить в разные стороны!

– Ну так в разных местах оно и светит по-разному, – сказал он. – А кое-где вообще не светит, и там теням раздолье. Немного приноровившись, можно бродить по этим чужим местам, хотя дело это, конечно, опасное.

– Так это колдовство! – осенило меня.

– Само собой. Ранар вот иногда уходит на охоту в неведомые края, – усмехнулся Инна-Ро, – когда его слишком уж замучают при дворе. Порой ему везет меньше, чем хотелось бы. Ну да ты сама видела этого удалого охотника, чуть кровью не истек...

– Разве можно так рисковать? – удивилась я. – Ведь у вас даже нет наследников, и...

– И ты туда же! – воскликнул Грифон и вскочил. – Это невыносимо, в самом деле!

– Но это правда, – сказал Инна-Ро. – И я говорю тебе то же самое уже много лет подряд: ты безрассуден.

– Отец мой был весьма рассудителен, – ответил тот, – у него имелось трое сыновей, не забыл? Это не помогло.

– А был бы один, Карад достался бы дядюшке Аллору, – не удержалась я.

Инна-Ро тихонько, скрипуче засмеялся.

– Что, ты уже успел поведать историю своей жизни? Рассказал о том, каких дел натворил в начале правления?

– Нет, до этого мы не дошли, – неожиданно любезно ответил Грифон. – Не стоит вспоминать. Я и без того знаю: если бы ты не ловил меня за руку, все могло оказаться намного хуже, пускай даже я хотел сделать как лучше.

– Ничего, научился же со временем, – вздохнул Инна-Ро. – Спасибо, не выгнал старика-учителя...

– Тебя выгонишь, пожалуй! – фыркнул тот. Посмотрел на меня и добавил: – Тесса сейчас наверняка пытается понять, каким образом ты на меня влияешь: только ли по праву спасителя и воспитателя или же при помощи колдовства. Должен же ты как-то продвигать политику Дзейли, как доверенное лицо императора!

– Да, я всеми силами отговариваю тебя жениться на его внучатой племяннице, – проворчал старик. – Но это уже другой вопрос. Мы говорили о тенях, а тебя снова занесло невесть куда! Вот уж прав был твой отец, когда прочил тебе путь посланника, – ты кого угодно заговоришь так, что он позабудет, зачем вообще приехал...

– Ничего, я помню, на чем вы остановились, – сказала я. – Вы говорили о чужих местах, в которые можно попасть с помощью теней. И, по-моему, удивились тому, что кто-то сумел открыть эту дорогу и даже позволить слугам ходить ею. Они были околдованы, но все же...

– Верно, – сказал Инна-Ро. – А еще более странно, что ты ухитрилась пройти тенями, и неоднократно. Ты не должна была повстречать Раннара, однако видела его несколько раз.

– В том числе утром и днем! – вспомнила я. – В библиотеке и потом – на конюшне...

– В этом как раз ничего удивительного нет – утром тени длинные, вот и дотянулись. А когда у тебя был день, Раннар, надо думать, вернулся с вечерней прогулки. Но вот прочее...

– Взгляни, – показал ему Грифон свои расчеты, – вот что вышло.

– Ну-ка... – Инна-Ро уставился на записи, шевеля губами, потом кивнул: – Если ты и ошибся, то на месяц-другой, это несущественно на таком отрезке времени. Выходит, причиной всему – блуждающая звезда?

– Как это? – снова не удержалась я.

– В Дзейли поговаривают: эта звезда – все равно что игла богини-вышивальщицы, – сказал старик. – Она появляется раз в сто тринадцать лет – это богиня делает стежок и протягивает нитку – ее даже видно, здесь ее называют хвостом звезды, но речь не о том... Звездная игла пронзает ткань мироздания, понимаешь?

Я попыталась представить, что небо – это большой кусок черного бархата, натянутый на пяльцах. На нем уже вышиты солнце и луна, и разные созвездия, но вот кто-то невидимый намечает место прокола, и игла медленно-медленно входит в ткань – в небе появляется едва заметный отблеск на ее кончике. Потом следом за иглой скользит нить – серебряная, должно быть, ослепительно яркая, такая, что ее видно даже при солнечном свете, а затем... Почему звезда исчезает? Может, богине не нравится рисунок вышивки, и она раз за разом распускает ее, как говорила Идда, вытягивает нитку? И до следующего стежка проходит еще сто с лишним лет – это ведь ничто по меркам богов!

– Может, – сказала я, цепенея от собственного предположения, – может, на этот раз она нечаянно слишком глубоко воткнула иглу и нанизала

на нее разом прошлое и настоящее?

– Вот и я так подумал, – ответил Инна-Ро. Судя по всему, его измышления насчет богов, неважно, существующих или нет, в трепет не ввергали. – Иначе я никак не могу объяснить эту такую... несурязицу!

– Умеешь ты подобрать хорошее слово, – усмехнулся Грифон. – Однако мы не закончили. Кто приказал тем двоим похитить и запереть девушек?

– Они уверяют, – сообщил старик, – распоряжения им отдавал король собственной персоной. Его величество Дар-Аррон Второй. И чтобы мне провалиться на этом самом месте, Раннар, если он не похож на тебя... как двоюродный брат!

– Так тот человек... – я осеклась, потом продолжила: – Я сперва приняла его за... за Раннара, а потом разглядела, что он старше и...

– И далеко не так обходителен? – ухмыльнулся Инна-Ро.

– Да. – Я невольно поежилась, вспомнив, как он говорил со мной.

– У тебя удивительная способность принимать королей за кого угодно, кроме них самих, – весело сказал Грифон, но тут же посерьезнел. – Не сомневаюсь, те двое не лгут.

– Нет. И не заблуждаются. Оба повязаны кровной клятвой, несколько измененной, не слишком сильной, но... Ты единственный, кто умеет ее использовать. Из карадцев, конечно же, – уточнил старик. – И если это твой потомок, Раннар, то вынужден признать: он не удался. Видимо, я слишком рано умру и не сумею проследить за воспитанием твоих правнуков!

– А почему они так похожи? – невпопад спросила я.

– Они кровные родственники, ничего удивительного.

– Нет же, я говорю не о Раннаре и том... короле, а о наших кавалерах! У Идды было предположение на этот счет, но...

– А, ты об этом, – понял мою сумбурную речь Инна-Ро. – Твоя подруга немного ошиблась. Враг... какой еще Враг, надо же такое выдумать!

– Его не существует? – удивилась я.

– Существует, конечно же, только здесь он вовсе ни при чем. Нет там никакого сильного волшебства, Тесса, – усмехнулся он, – только кровная клятва. Ты вспомни этих юнцов – они ведь не только между собой схожи, верно?

– О... да, правда, – сообразила я. – В них всех есть что-то... от его величества. Но почему Идда этого не поняла? Она же знакома с Дар-Арроном с детства!

– Потому что это Испытание, – был ответ. Словно это все объясняло. – Кто-то замечает странности, кто-то нет. А твоя Идда явно из тех, кто

способен видеть – не только глазами, но вот объяснения не знает.

– Хотите сказать, это чары замка так действуют, а вовсе не Враг?

– Конечно. Только очень недальновидные девицы станут заводить шашни с посторонними юнцами, не зная даже их настоящих имен, если на кону стоит корона. Вернее, они не отказались бы, верно?

– И схожесть с королем подталкивает их... ну... к флирту, вы это имеете в виду?

– Если упрощать, то да.

Я помолчала, осмысливая сказанное, потом добавила:

– А как быть вот с этим: Идда сказала, что младше короля всего на семь лет, но он выглядел... Нет, право слово, он годится Раннару если не в отцы, так в старшие братья, и...

Я осеклась. Надо же было ляпнуть такую бестактность, такую глупость, такую...

– Ну, что ты умолкла? Говори! – подбодрил Грифон. В глазах его ничего не мелькнуло, он словно вовсе не заметил моей оплошности.

– Я... я все сказала.

– Заботы рано старят, – пробормотал Инна-Ро. – Да и кровь сильно разбавлена. Это Раннар все еще выглядит мальчишкой... и ведет себя так же, хотя мог бы уже внуков нянчить, а его далекий потомок на третьем десятке обзавелся сединой...

– Погодите... постойте! – воскликнула я, пропустив мимо ушей странные слова старика. – Дар-Аррон не может быть потомком Раннара!

– Это еще почему? – нахмурился Грифон.

– Потому что вы... – Я сглотнула, но все же продолжила: – Вы – последний прямой потомок Старой Птицы. На вас династия оборвалась.

Они переглянулись с недоумением, а я продолжила:

– Я плохо знаю историю, это верно, но Идда знает. Она сказала – ее род, Карадины, идет от признанного бастарда, младшего брата последнего короля этого рода. Король погиб вскоре после свадьбы, на его вдове женился другой... Наследник родился через год. Это и есть нынешняя династия – Даррахайны, Дар-Аррон из них!

– Что-то я порядком запутался, – после долгой паузы проговорил Грифон. – У меня нет сводных братьев. Я бы знал, если б отец признал кого-то. Такое невозможно утаить.

– Твоя подруга сама может ошибаться, – сказал мне старик, а я возразила:

– Откуда она тогда знает легенду о Старой Птице? И еще много такого, о чем мы даже не слышали?

– Она вполне может состоять в родстве с правящей династией, а что до легенд... В захудалых родах и среди новой знати часто не знают о том, что на слуху у представителей древних семейств, – высокомерно ответил Инна-Ро, и я потеряла дар речи, однако обрела его почти сразу же (редкость для меня) и воскликнула:

– Гаррату больше двух веков! И вовсе мы не захудалые!..

Я могла бы сказать еще что-нибудь, более осмысленное, но задохнулась от обиды и снова умолкла.

– Вот это уже было лишним, – негромко произнес Грифон, и мне почудился громовой раскат в его голосе. – Извинись перед девушкой, Инна-Ро.

– Н-не надо, что вы!.. – выдавила я, но он остановил меня жестом.

– Инна-Ро иногда забывает о том, что мы – простые смертные. Не родственники императора, чей род правит почти три тысячи лет. По сравнению с числом его славных предков даже мое родословное древо – жалкий кустик, что уж говорить о маленьком Гаррате, чей основатель еще даже не родился?

Воцарилось молчание.

– Признаю, – произнес наконец Инна-Ро, опустив лысую голову, – язык мой вновь подвел меня. Я не собирался обидеть тебя, Тесса из Гаррата, а лишь говорил, что думаю.

– Знаете, сударь, я обошлась бы без таких извинений, – не удержалась я. – Но и мне, в свою очередь, пора усвоить: старость – еще не признак мудрости. И не принимать чужие слова так близко к сердцу!

– Да вы нашли друг друга... – пробормотал Грифон.

Глава 15

– Довольно, к делу, – сказал он. – Ты говоришь, Тесса, я должен погибнуть вскоре после свадьбы? И нынче правит другая династия? Почему же Дар-Аррон так похож на меня?

– Повторяю, подруга Тессы заблуждается, – проворчал Инна-Ро. – Что такое одно-два поколения? Тут за двадцать-то лет случается необыкновенная путаница, а уж за половину тысячелетия... немудрено перепутать тебя с твоим сыном или внуком. Может, это твой бастард стал предком той Идды.

– Пускай так, – неожиданно легко согласился Грифон, – но ты не ответил на мой вопрос о сходстве.

– Дядюшка Аллор! – выпалила я. – Вы же сами сказали, он ваш родственник, пусть и дальний... Вы похожи?

– Да, весьма, – ответил он. – И он вовсе не злобный сморщенный старик, он моложе моего отца. Понимаю, на что ты намекаешь! Это вполне в его духе – жениться на вдове, когда супружеское ложе еще не остыло... Но Идда-то чей потомок? Карадин... тут ошибки быть не может, но как такое вышло?

– Так может, ты сам наплодил на стороне детишек, – буркнул Инна-Ро, а я поняла, что краснею. Обсуждать подобное при незамужней девушке было попросту неприлично! – На тебя же девицы так и вешаются...

– Ну так я разум не теряю, даже если и вешаются, – мрачно ответил Грифон. – И мне никаких детей не предъявляли, а потому я никого не признавал. И не признал бы без доказательств, а они сам знаешь какие.

– Какие? – тут же спросила я, и он, сложив ладони, изобразил на песке тень огромной птицы. – То есть она сама должна... подтвердить?

– Конечно. Иначе много будет желающих заявить о том, что родили от короля, – хмыкнул Инна-Ро. – Только пока ребенок не вырастет, не скажешь, похож он на отца или не слишком. Да и то не доказательство, иные дети – вылитые прабабки или троюродные дядя.

– А что, если... – Я понимала, что собираюсь сказать ужасную вещь, но промолчать не могла. – Что, если не было никакого признанного бастарда, это придумали потом, а на самом деле...

– Говори же, – подбодрил Грифон. – Что ты придумала?

– Вы сказали, ваша сестра была еще совсем крохой, – шепотом выговорила я. – Могла ваша матушка попытаться спасти ее?

– Ты имеешь в виду, отдать ее служанке, а взамен взять чужого ребенка? – сразу понял меня Грифон. – Да, пожалуй... Подменить братьев не вышло бы, а вот младенцы похожи друг на друга, их разве что мать различит. Но почему сестра до сих пор не объявилась? Она уже должна быть на выданье...

– Может, те, кто заботился о ней, погибли? – предположил Инна-Ро, хмуря реденькие брови. – Помнишь ведь, был голод... Девочка, если уцелела, могла угодить в любую семью. Однако найти ее вполне возможно. Мы не пробовали, потому что были уверены – никто из твоих родных не выжил, а зря!

– Еще не поздно, – негромко сказал Грифон. – Займись... Тесса? Что с тобой?

– Я вдруг подумала, – выговорила я, – что это я всему виной.

– О чем ты?

– Я рассказываю, что должно будет случиться, и оно сбывается, – сбивчиво начала я. – Вы даже не предполагали, что ваша сестра может жить где-нибудь в деревне и не знать, кто она такая. Она бы выросла, вышла замуж и прожила самую обыкновенную жизнь, ее дети стали бы простыми людьми. И не было бы никакой Кара-Идды! Но если вы найдете сестру и вернете ко двору, все изменится. Когда... то есть... я хочу сказать, если вы погибнете, она может оставить себе родовое имя. И, наверно, даже дядюшка Аллор не посмеет запретить ей этого – ведь Старая Птица заступится, верно? Так и появятся Карадины...

– Отличное построение, – сказал Инна-Ро. – Да только если девочка найдется, а Раннар умрет, трон займет она, а не его вдова.

– Уверен? – спросил Грифон. – Она не справится. Неизвестно, где она выросла, может, и впрямь в деревне. Мне – с твоей поддержкой – до сих пор бывает тяжело, а юная девушка, если только в нее не вселится сама Старая Птица, не сумеет удержать власть. В лучшем случае на ней женится... да тот же Аллор! В худшем... сам понимаешь.

– Да, ты прав, – пробормотал старик. – Все время забываю, что у нас дела ведутся чуточку иначе... Но в таком случае версия Тессы имеет право на жизнь.

– И что ты предлагаешь? Не пытаться разыскать сестру?

– Как раз наоборот – чем раньше мы начнем поиск, тем лучше. Но вот остальные планы надо бы пересмотреть.

– Это ты о свадьбе?

– О ней самой.

– Инна-Ро, ты уже два года отговариваешь меня от женитьбы на этой

девушке, но не говоришь, чем она тебе не угодила!

Грифон едва заметно нахмурился, но чувствовалось, что он раздражен. До бури было еще далеко, но тучи уже сгущались. Удивительно, как легко было понять его настроение! Вот бы со всеми людьми так, а то по дедушке никогда не поймешь, гневается он или притворяется...

– Она всем хороша, Раннар, – негромко сказал старик, – и я уверен, что она полюбит тебя. Но сердце мое говорило – нет, пускай даже разум не мог отыскать объяснений. Теперь я догадываюсь, почему.

– Ну же! Довольно говорить загадками!

– Имя, – обронил тот.

– Не понимаю.

– Имя невесты назови, болван!

– Даа-Хиин, – недоуменно ответил Грифон. – Но при чем тут...

– Дарракейн, – выдохнула я. – Неужели...

– Совпадение, – встряхнул он головой.

– Неужели? – глаза Инна-Ро превратились в щелочки. – Запиши ее имя на своем языке и прочти. У вас нет удвоенных гласных. Что выйдет?

– Да-Хейн, – сказал Грифон. – Я понял тебя. Для удобства добавится буква в середину, выйдет Даркейн. А со временем...

– Все-таки именно ты должен умереть, – с необычайным спокойствием произнес старик. – Впрочем, тебе не привыкать. Тем более ты предупрежден, а значит – вооружен.

– А что будет с нами? – спросила я.

– То есть?

– Если Раннар не женится на этой девушке или женится на другой, будет жить и править, а за ним – наследники, выходит, никакой династии Дарракейнов не появится? Значит, двести с лишним лет назад – по нашему времени, конечно, – не случится война с соседями, моему предку не пожалуют за доблесть дворянство, и не будет никакого Гаррата? И Линдора тоже? Мы с кузинами вовсе не родимся на свет? Или родимся, но... – Я беспомощно развела руками. – Другими! И сестру свою, если она действительно жива и отыщется, Раннар отдаст замуж за достойного человека, и... Идда Карадин тоже не появится на свет? А если нас не будет, мы не сможем попасть на Испытание, я не встречу Раннара, не попаду сюда, не расскажу вам о будущем, и...

Я задохнулась и умолкла.

Грифон переглянулся с Инна-Ро. Мне порой казалось, будто они разговаривают без слов.

– И все вернется на круги своя, – проговорил наконец старик. – Но,

может, и нет...

– Как же иначе?

– Взгляни. – Он взял со скамьи записную книжку, открыл и нарисовал линию. – Эта точка – мы сейчас. А эта – твое время. Ты угодила в начало событий, и теперь они могут измениться. А значит... – Инна-Ро провел еще одну линию. – Все пойдет иначе. Возможно, не родишься ни ты, ни даже твои предки. Возможно, не случится та война, зато будут другие. Это уже совсем другое будущее. Только ты об этом не узнаешь, потому что твое место – вот здесь.

Он указал кончиком грифеля на вторую точку, а Грифон добавил:

– Если он ошибается и в результате перемены истории тебя не станет, ты об этом даже не узнаешь. Просто исчезнешь.

– Знаете, – голос мой дрогнул, но я все же взяла себя в руки и договорила: – Мне вовсе не хочется исчезать!

– И я не желаю, чтобы ты пропала, – сказал Грифон, и не думая подшучивать. – Раз в будущем рождаются подобные тебе, значит, оно не такое уж скверное. И если наша история не свернет с наезженной колеи, а я умру прежде времени, то хотя бы буду знать – мир не рухнет. Это не так уж мало.

– Погоди загадывать, – сказал ему Инна-Ро. – Нужно как следует все обдумать, а покамест походи-ка вздремни! И девушку с собой возьми – она тоже зеваает в рукав. Я еще побеседую с теми двумя, может, что найдется...

– Он прав, – усмехнулся Грифон и подал мне руку. – Идем, перекусим и отдохнем. У тебя сейчас ночь и ты не успела поужинать, верно? А я трое с лишним суток не спал.

– Но как же Лисса? – повторила я. – И Дар-Аррон? Если он обнаружит пропажу своих людей и я тоже исчезну...

– И что он сделает? Разгневается? Нам это никак не повредит, – ответил он, – а твою кухню он вряд ли тронет. Откуда ей знать, куда ты подевалась, если она сидит взаперти?

– К тому же вовсе не обязательно время здесь идет ровно так же, как у вас, – добавил Инна-Ро. – Несколько часов роли не сыграют. Идите, дайте подумать в тишине...

Когда мы отошли достаточно далеко, молчание сделалось неловким (с моей точки зрения, конечно), но Грифон вовсе не собирался поддерживать светскую беседу, размышлял о чем-то. Тогда я сказала:

– Здесь в самом деле очень тихо. Даже в нашей глуши шума больше.

– Королевский дворец слышно издали, – ответил Грифон, – но Инна-Ро не терпит суеты, а потому отгородил флигель стеной тишины. Ты ведь

это хотела узнать?

– Д-да... простите...

– За что? – удивился он. – А, я понял! У вас принято подолгу ходить вокруг да около? Но я этого не люблю. Если нужно о чем-то спросить – говори напрямик.

– Странное качество для дипломата, – сказала я и тут же пожалела: лучше было прикусить язык.

– При необходимости я могу часами вести пустые речи, – сказал Грифон, – прятать в них второе, а то и третье дно, запутывать слова, как сердитые конюшеники путают гривы лошадям...

– Они и у вас водятся? – сорвалось у меня прежде, чем я подумала о том, что перебивать невежливо. В особенности если говоришь с королем.

– Ну да. Что здесь странного? Скорее мне нужно удивляться тому, что в ваши времена они не повывелись.

– Так глушь же, – сказала я не без намерения съязвить. Не уверена, правда, что получилось. – Может, в столице их и вовсе нет: я слышала, маленький народец боится металла, а его там сейчас очень много.

– Почему? – тут же спросил Грифон и нахмурился. – Карад готовится к войне?

– Что?.. О, вовсе нет! Просто из железа делают машины, – ответила я. – Я не слишком-то в этом смысле, но они нужны на фабриках, чтобы облегчить труд рабочих. А еще недавно изобрели повозку, которая может ездить без лошади!

– Эка невидаль, – фыркнул Грифон. – В Дзейли ее давно придумали.

– Неужели?

– Ну да. Улочки в старой столице узкие, конным экипажам не разъехаться, поэтому используют небольшие повозки, а впрягаются в них люди. Это считается вполне уважаемым занятием, такие возчики неплохо зарабатывают. Поверишь ли, за право возить знатных особ разгораются настоящие войны, а уж какие интриги процветают среди этих людей...

– Да нет же, я не об этом! Железные повозки ездят вообще без... ну, сами по себе, в них никого не нужно запрягать!

– Если Инна-Ро не лень будет зачаровать телегу, она тоже поедет сама собой.

– Колдовство там не используется. Чародеев осталось, наверно, еще меньше, чем конюшеников.

– Тогда это действительно любопытно, – согласился Грифон, но не выказал особенного удивления. По-моему, его больше заинтересовали мои слова о чародеях.

– Эти машины, конечно, очень дорогие, – добавила я справедливости ради, – и пока их показывают лишь как диковины. Но, наверно, пройдет еще сто лет, и у многих будут такие...

– Даже не сомневаюсь, – неожиданно сказал он, взглянул на солнце и потянул меня за собой. – Идем скорее, покажу тебе здешнюю диковину!

Идти, вернее бежать, – за широким шагом Грифона я поспевала с большим трудом – пришлось далеко и высоко: на башню, венчающую центральную часть «флигеля». В моем времени ее не было. Вернее, высилось нечто, отдаленно напоминающее дозорный пост, но и только.

– Успели, – сказал он, остановившись на верхней площадке, открытой всем ветрам и залитой солнечным светом. – Взгляни вот туда. Видишь два холма? Между ними...

– Что это? – удивилась я, прикрыв глаза ладонью и присмотревшись как следует. – Пожар? Такой столб дыма...

– Смотри внимательнее.

Ветер отнес белый дым в сторону, и стало видно, что между холмами тянется блестящая паутина, а по ней движется словно бы большая гусеница, тоже нестерпимо сверкающая на солнце.

– Да это же поезд! – осенило меня.

Право, я догадалась бы раньше, но... Откуда тут взялся самый настоящий поезд, мчащийся по рельсам? Неужели его изобрели намного раньше, чем принято считать? Но почему не сохранилось никаких свидетельств об этом?

Вопросов было множество, но что толку задавать их? Грифон уж точно не знает, что произошло после его смерти...

– У вас тоже такие есть? – весело спросил он.

– Да... во всяком случае, похожие, – ответила я. – Только, по-моему, они медленнее... или так просто кажется? Я ездила на нем однажды, когда мы были в столице. Все платье закоптилось, и даже на лице была сажа... А на чем он работает?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну... у нас в топку бросают уголь или дрова, если не ошибаюсь. Я не очень хорошо представляю, как это действует, но учитель говорил: все равно что большой чайник. Котел кипит, пар двигает рычаги, что-то вроде этого...

– Если упрощать, то действительно так, – согласился Грифон. – Только зачем дрова, если есть солнце?

– Не понимаю...

– Солнце, – повторил он, словно это все объясняло. – Оно греет котел,

а дальше, как ты и сказала, работает пар.

– Но с какой же силой оно должно светить, чтобы вскипятить воду? И как поезд движется ночью? В пасмурные дни, зимой?

– А вот в этом уже задействовано немного колдовства, – признался Грифон. – Но именно что немного. Солнцу ведь без разницы, есть внизу тучи или нет, оно все равно светит. Если забраться на высокую гору, подняться выше облаков, то увидишь его совсем близко. Зимой оно, конечно, не такое яркое, как сейчас, но и того достаточно. А на ночь хватает дневного запаса хода.

Он посмотрел на меня, оценил озадаченное выражение лица и добавил:

– По-моему, наш способ лучше. Не нужно переводить лес на дрова. Пароход, который мы видели, ушел в Дзейли: верхом придется добираться не одну неделю, а он... Что смешного я сказал?

– У нас пароходами называют корабли, – ответила я, – они действуют так же.

– Можно считать, что это – сухопутный корабль, – пожал плечами Грифон и сказал вдруг: – Нужно будет попробовать. С флотом у Карада как-то не сложилось: выход к морю есть, но навигация там возможна всего месяц-другой в году, когда дуют благоприятные ветра. В другое время корабли либо не могут подойти к берегу, либо их разбивает о скалы. Есть умельцы, способные причалить даже во время зимнего шторма, но их единицы... А вот корабль, не зависящий от воли ветра...

Он глубоко задумался, а я посмотрела вдаль: столб дыма, вернее пара, уже едва виднелся вдалеке, колыхался на фоне темнеющего леса, как перо белой цапли на шляпке модницы. Немного колдовства, надо же! Заколдованная машина уживается рядом... рядом с рыцарями и дамами, божественными знаменами и прочим подобным!

– Пойдем вниз, – сказал Грифон.

Я хотела спросить, есть ли у них огнестрельное оружие, но смолчала. Наверняка есть: если они уже укротили пар, то и до пороха давно додумались. Не может же у них не быть пушек? А почему Грифон не носит за поясом пистолет... кто его знает! Вероятно, такое оружие еще недостаточно совершенно и надежно, и привычнее полагаться на меч, нежели на него? Или ему просто не нравится идея убивать на расстоянии... Хотя он, думаю, умеет стрелять из лука и арбалета, а велика ли разница?

– Не хочу звать прислугу, – отвлек он меня от размышлений, – поэтому тебе придется познать весь ужас моего гостеприимства. Вот хлеб, вот сыр, а в кувшине – вода. Могу предложить вина, но...

– Нет, благодарю, не стоит, – поспешила я отказаться.

– И правильно, потому что Инна-Ро пьет чудовищную кислятину. Девушкам такое не по вкусу.

Я кивнула: мне доводилось пробовать вино, но именно дамское, как выражался отец, очень легкое и сладкое, по вкусу мало чем отличавшееся от яблочного сока. От него разве что становилось веселее, а если выпить целый бокал, немного кружилась голова, но и только. Взрослые пили выдержанные вина и крепкие ягодные наливки, которых нам с кузинами даже пробовать не полагалось.

– Моя спальня – к твоим услугам, – добавил Грифон, а я не нашла ничего лучшего, чем спросить:

– Как же вы?..

– Вдвоем на этой кровати слишком тесно, – ответил он, и не думая шутить, – если только не обняться покрепче, но мне почему-то кажется, что ты не оценишь эту идею... Поэтому я займу комнату Инна-Ро, он не обидится. Заодно и разбудит вовремя.

– Да... конечно, – кивнула я, порадовавшись тому, что Грифон не стал развивать эту тему. Нравы здесь, похоже, куда более вольные, нежели в моем привычном мире! – Мне, право, неловко оказаться причиной столь многих неудобств, и если бы я могла что-то изменить...

– Не пойму, о каких неудобствах ты говоришь, – сказал он. – Если речь обо мне, то я привык ночевать на голой земле, но это мне не грозит: Инна-Ро бережет свои старые кости, и постель у него мягкая. А если тебе жизнь не мила без служанки, то я позову кого-нибудь.

– Нет, не нужно! – воскликнула я. Не хватало еще, чтобы здешние слуги обсуждали незнакомку, каким-то образом оказавшуюся в покоях короля! – Я... Мне порой кажется, что мы с вами говорим на разных языках.

– Я тоже это заметил, – кивнул Грифон. – Но ты быстро учишься разговаривать по-человечески.

Я в очередной раз лишилась дара речи.

– Интересно было бы взглянуть на мир столько лет спустя, – добавил он. – Не жить там, нет: я бы, право слово, окончательно сошел с ума, если б мне пришлось изъясняться этак велеречиво даже в собственных покоях!

– Так вы же говорили, что видели чужие воспоминания, – напомнила я. – И вы можете посмотреть мои. Конечно, я мало где бывала, но все-таки...

– Ты даже не представляешь, что предлагаешь мне, – негромко сказал Грифон и посмотрел на меня в упор.

Я наконец-то рассмотрела его глаза: светло-карие, цвета застывшей сосновой смолы, на солнце – почти золотые, с ярким черным зрачком, словно дырой в никуда, – они завораживали. Хорошо, что он отвел взгляд.

– О чем вы?

– Ты слушала меня невнимательно. Я же сказал: Инна-Ро допрашивал свидетелей. А допрос – это...

– А что, добровольно показать воспоминания невозможно? Этого колдовство не позволяет? – перебила я.

– Позволяет, – кивнул Грифон. – Только человек – если он сам не чародей – не в состоянии выбирать: на это можно дать взглянуть постороннему, а это лучше спрятать подальше. Даже если ты дашь согласие, я не стану смотреть. Инна-Ро – возможно, но он немолод и повидал на своем веку столько, что отчасти утратил... не знаю, как это назвать. Может, подскажешь подходящее слово?

– Чувство такта, если вы знакомы с чем-то подобным, – мрачно ответила я. – Кажется, я понимаю, о чем вы. Мне бы, наверно, тоже не захотелось разглядывать... м-м-м... содержимое чужого комода, если бы только от этого не зависело нечто жизненно важное.

– Вот именно. А обо всем прочем ты можешь рассказать. Или нарисовать – у тебя хорошо выходит, – улыбнулся он. – А теперь, если ты закончила, иди спать. Я пока что в силах изображать радушного хозяина, но еще немного – и рухну головой на стол и захраплю. Если не уснешь – посмотри книги в библиотеке. Только не уходи никуда.

– Я не собиралась...

– Ты хочешь вернуться обратно, и я тебя понимаю, – перебил Грифон. – И, думаю, знаю, как помочь тебе в этом. Нужно только посоветоваться с Инна-Ро, чтобы не запутать все еще сильнее. Поэтому – потерпи. И, повторяю, не забредай далеко.

– Помню – в саду водятся не только птички и бабочки... – пробормотала я.

– А за пределами стены тишины еще и людей полным-полно.

– О... понятно, – быстро ответила я. Мне вовсе не хотелось показываться на глаза кому-то еще. – Обещаю, я не уйду дальше библиотеки!

– Вот и славно, – Грифон поднялся во весь рост и потянулся. – В таком случае – до вечера, Тесса. Или до ночи, это уж как получится...

Меня словно Враг за язык потянул:

– Вас не хватятся во дворце?

– Нет, – удивленно ответил он. – Там знают, где я. И если я вдруг

срочно понадобится – знаешь, внезапно пойдет дождь из золотых слитков, земля разверзнется или на Карад нападут синеликие воины Северных гор верхом на единорогах, – за мной непременно пришлют.

Я промолчала.

– Инна-Ро говорит: страна должна быть похожа на отлаженный механизм, – совсем другим тоном проговорил вдруг Грифон. – Если все без исключения завязано на правителе, то... Стоит ему исчезнуть, и все рухнет. Это как вытащить какой-то важный рычажок – без него механизм работать не будет или вовсе рассыплется на части. Так вышло с моим отцом – он слишком многое делал сам, не оставляя на откуп советникам даже мелочи.

– Но если передать полномочия другим, тогда как можно быть уверенным, что они однажды не попробуют заменить... гм... самый важный рычажок другим точно таким же? – спросила я. – Только, скажем, из другого материала? Поновее и попрочнее?

– Клятва на крови не позволит им этого сделать, – без улыбки сказал он. – И я не имею в виду обычную присягу.

– Снова колдовство?

– Оно самое. Я ведь сказал: я учел ошибки моего отца.

– А дядюшка Аллор тоже поклялся вам таким вот образом? – спросила я, и Грифон ненадолго умолк.

Потом сказал:

– В том-то и дело, что... Должен был. Никак не мог увильнуть, он стоял в первых рядах тех, кто пришел склониться перед законным королем, но... Память меня не подводит, но именно его клятвы я не помню. Хорошо, что ты спросила: до того я и не думал об этом!

– Неужели он чародей сильнее Инна-Ро?

– Вряд ли. Здесь что-то иное... Но об этом лучше рассуждать на свежую голову, – сам себя перебил Грифон и подтолкнул меня к выходу. – Иди... Не заблудишься?

– Я помню дорогу, – ответила я и направилась вверх по лестнице, а когда оглянулась, Грифона уже нигде не было, словно он взял и растворился в тенях, особенно густых и глубоких в этой части замка...

Глава 16

Конечно же, уснуть мне не удалось: я была слишком взбудоражена. Донельзя неприятное ощущение: клонит в сон, но стоит закрыть глаза, они тут же чудесным образом открываются сами собой. Или же в голове начинают вертеться навязчивые мысли, от которых сон и вовсе улетучивается.

И что делать? В сад я обещала не ходить, вернее, не углубляться в него... Наверно, останься я рядом с замком, ничего страшного бы не случилось, но я взглянула на яркое солнце и не рискнула высунуться наружу. И так уже слишком долго пробыла там, и теперь наверняка руки и плечи – платье стараниями Инна-Ро сделалось куда более открытым, чем прежде, – запестрят веснушками. Пока они не появились, но еще не вечер...

Наверно, глупо думать о таких мелочах в подобную минуту, но если размышлять о собственном положении, делалось вовсе уж дурно.

Допустим, Грифон – действительно король Раннар, а не безумец, спрятанный от двора за стеной тишины и живущий в компании старика-чародея. В любом случае здесь мне, похоже, ничто не угрожает. По крайней мере, очень хотелось надеяться на то, что к вечеру грубоватая обходительность Грифона не растает, как иней под солнечными лучами. И, может быть, эти двое действительно знают или сумеют придумать, как вернуть меня обратно. Ведь если Грифон ухитрился попасть в наше время, а сюда угодила не только я, но и мои конвоиры, значит, еще ничто не потеряно! Блуждающая звезда делается только ярче, и дороги покамест открыты...

«Я что, всерьез рассуждаю об этом? – спросила я сама себя и ответила: – Чем же еще заняться!»

Но когда я вернусь – не «если», а именно «когда», – что со мной станет? Вряд ли Дар-Аррон или тот, кто выдавал себя за него, оставит меня в покое. Мне не верилось, что король сам занимается подобными делами, с другой стороны, Грифон уходил на охоту в неведомые края, и чем одно дело хуже другого? Как быть? Бежать из замка домой? Но каким образом? Украсть лошадь? Даже если мне удастся оседлать ее и вывести из конюшни, ворота я не открою! А если вдруг повезет выбраться за пределы замка, далеко ли мне удастся ускакать по зимней распутице в легкой одежде, без денег, даже без украшений, которые можно продать? Меня

схватят в тот же день, если не в тот же час...

А ведь есть еще Лисса, которую прячут неведомо где. Неизвестно, что с ней сделают... или уже сделали, пока я прохлаждаюсь здесь! И Делла, которая вовсе ни о чем не подозревает, но наверняка потребует объяснений, когда обнаружит еще и мое исчезновение. И Идда: мне показалось, она решила оставить попытки доискаться правды о происходящем во время Испытания, опасаясь за собственную безопасность, но... Что, если все эти странные события заставят ее вновь взяться за дело?

А если я вернусь и появлюсь за ужином... или, наверно, уже за завтраком, как ни в чем не бывало, что случится? Меня снова попытаются устранить или оставят в покое? Или Дар-Аррон постарается дознаться, каким образом мне удалось выбраться из темницы... а главное, куда подевались его люди? Я сомневалась, будто Грифон намерен вернуть и их тоже, а если все-таки поступит так, по ним ведь любой увидит – они с кем-то крепко подрались! Наверно, Инна-Ро способен залечить их раны и заставить забыть обо всем произошедшем, но кто сказал, что чародеи Дар-Аррона или даже он сам не сумеют докопаться до истины?

И прав ли Инна-Ро? Я окажусь в своем времени, и там ничего не изменится? Или что-то поменяется, но отличия буду видеть только я одна, а для остальных все окажется в порядке вещей? А может, я вовсе уйду в пустоту и сама растворюсь в ней, потому что прошлое изменилось, и мое настоящее попросту не наступило... Нет никакого Гаррата, а я даже если и родилась, то совсем в другой семье, и меня ждут не выезды в свет, развлечения и брак с достойным человеком, а тяжелая работа с утра до ночи где-нибудь в деревне. Конечно, не зная другой жизни, я-иная вряд ли станет расстраиваться – другим приходится и похуже, – но воображать подобное было неприятно...

Раздумывая обо всем этом, я забрела в библиотеку – хотела отвлечься книгой, но взгляд скользил по строкам, и я мгновенно забывала, о чем только что прочла. Оставалось только рассматривать гравюры, и за этим-то занятием я, очевидно, все-таки задремала в кресле.

Разбудило меня прикосновение к плечу – я вздрогнула и очнулась. В библиотеке было темно, только в открытом окне виднелся серп молодой луны и ярко светила блуждающая звезда – рядом с нею меркли даже Зубцы Венца. За большим садом пылал огнями королевский дворец – это выглядело словно зарево вдалеке... немного тревожное зрелище, на мой взгляд. Но, наверно, сейчас все казалось мне дурными предзнаменованиями.

– Выспалась? – спросил Инна-Ро.

– Да, благодарю вас, – ответила я и встала.

Тело будто одеревенело, и немудрено – я столько времени провела в неудобной позе.

– Кошмары не снились?

Я покачала головой. В самом деле, мне ничего не привиделось: я будто на минуту закрыла глаза, а открыла, когда уже наступил вечер... вернее, глубокая ночь.

– Хорошо, – пробормотал Инна-Ро, словно отвечая на собственные мысли, и поманил меня за собой. На нашем пути сами собой вспыхивали факелы, ярко освещая коридор. – Идем, накормлю тебя по-человечески. Это Раннар может неделями питаться всухомятку, а девушкам такое противопоказано. Цвет лица испортится.

– Куда уж сильнее, – не удержалась я, хотела добавить еще кое-что, но вовремя прикусила язык.

– Притирания готовить не стану, – снова прочел мои мысли Инна-Ро. – Я все-таки чародей, а не цирюльник.

– Я вовсе не...

– Думала, не отрицай, – воздел он палец. – Что тебе не живется со своим лицом? Зачем его менять?

– Для красоты, – растерянно ответила я.

– Для красоты девицы подводят глаза, рисуют брови, приклеивают фальшивые ресницы, румянят щеки, красят губы, завивают кудри и проделывают еще множество бессмысленных вещей, – сказал старик. – В Караде еще куда ни шло, а вот в Дзейли, если смыть с придворной красавицы слои белил, румян и прочего, снять парик, раздеть... Можно и испугаться.

– У нас вообще не принято красить лицо, особенно незамужним девицам, – сказала я. – Это считается вульгарным. Позволительно разве что немного припудриться – сейчас в моде интересная бледность.

– О, ну хоть что-то хорошее есть в этом вашем будущем, – проворчал он. – Хотя... нет, беру свои слова назад. Я видел картинки, которые ты рисовала для Раннара: если носить такие пыточные приспособления, немудрено не то что побледнеть, а и вовсе скончаться. В Дзейли тоже есть любительницы утянуть стан, пострадавший... хе-хе... от излишеств, но не до такой же степени! Что это ты вдруг покраснела?

– Говорить о подобном с мужчиной неприлично, – ответила я, глядя в сторону.

– Неужели? Ты еще скажи, что показывать лекарю, где именно у тебя болит, нельзя! – засмеялся Инна-Ро, но оценил выражение моего лица и

умолк. – Н-да... Похоже, я и впрямь слишком рано умер. Нужно поработать над этим.

Он подумал и добавил:

– А если тебе не нравится твое лицо, почаще бывай на воздухе. Под загаром веснушки будут не так заметны.

– Считается, что загар – удел простолюдинов, – ответила я.

– Тогда страдай, – пожал он плечами. – И не вздумай ляпнуть этакое при Раннаре. Он тебя в лучшем случае высмеет, а в худшем...

– Что?..

– Кто же его разберет? Придумает что-нибудь. Возьмет на конную прогулку, к примеру, а это, в его представлении, недели две пути по бездорожью и ночевок где придется или вовсе под открытым небом.

– Спасибо, что предупредили, – искренне сказала я. – Мне действительно лучше помолчать.

– Вовсе нет, мне еще о многом нужно тебя расспросить, – ответил Инна-Ро. – Поэтому не плетись, словно у тебя к ногам ядра прикованы, поторапливайся!

– Я спрашивала у Раннара, не проще ли заглянуть в мои воспоминания.

– А он, конечно же, отказался?

– Да, и даже объяснил, почему.

– Из лени, ясное дело, – проворчал старик. – Я имею в виду, выбрать из потока чужой памяти что-то ценное не так-то просто. На это обычно уходит уйма времени и сил, особенно если ты не представляешь, что именно ищешь.

– Примерно это и прозвучало.

– Ну и приятного в таком занятии мало, – добавил Инна-Ро. – Думаешь, воспоминания можно читать, как книгу? Если бы! Даже если я захочу, к примеру, взглянуть на этого Дар-Аррона твоими глазами, сперва придется пробиться через болото повседневности. Ты думаешь, что не помнишь этого, но оно хранится вот здесь, – он выразительно постучал сухим пальцем по лбу. – Рыться в чужих воспоминаниях – все равно что нырять в мутной воде и искать на дне даже не жемчужину, стеклянную бусинку!

Я промолчала, пытаюсь представить, как моя память может выглядеть со стороны, и согласилась, что выискивать в ней нечто важное – занятие не из легких. Взять хотя бы уроки! То, о чем говорил нам учитель, погребено под спудом бестолковых каждодневных мыслей о завтраке, о новом платье, прогулке и еще тысяче мелочей! Даже мне, когда хочется вспомнить что-то

определенное, приходится напрячь память, а чужой человек и вовсе увязнет... И если у меня, совсем еще юной и неопытной, в голове такая путаница, что же говорить о людях поживших?..

– В твоём случае проще действовать по старинке, – сказал Инна-Ро. – Я стану задавать вопросы, а ты – отвечать. А чтобы тебе легче было вспоминать, я тебя немного зачарую. Не бойся, это не больно и никак тебе не повредит.

– Хорошо, – покорно ответила я.

– Только Раннару не говори, – тут же предостерег старик.

– Почему?

– Потому что это тот же самый допрос, только более мягкий. А ему не нравится допрашивать испуганных девушек, даже если это жизненно необходимо.

– Что бы он без вас делал... – пробормотала я.

Инна-Ро услышал и усмехнулся.

– Умер бы давным-давно. Должно быть, тебе странно, что я говорю вот так о короле? Без большого уважения и тем более подобострастия? Называю его ленивцем и недалёковидным глупцом?

– Пожалуй...

– Тогда подумай вот о чем: он годится мне даже не в правнуки, а... – Старик задумался, но тут же махнул рукой. – Неважно. Я узнал Раннара, когда ему было девять. Он вырос и возмужал на моих глазах, и, хоть я и люблю его... об этом, к слову, тоже не говори! Так вот, для меня он все тот же маленький мальчик, которому долго еще придется набивать шишки, чтобы поумнеть до такой степени, чтобы я счел его равным себе.

– Вы очень скромны, – не утерпела я.

– Сам себя не похвалишь – никто тебя не похвалит, во всяком случае, пока не умрешь, – усмехнулся он. – Древняя дзейлинская мудрость. Надеюсь, ты поняла, что я пытаюсь донести до тебя?

– Думаю, да, – вздохнула я. – И, наверно, Раннар прячется у вас, чтобы отдохнуть от придворного лицемерия и выслушать всю правду о себе и своих поступках без прикрас?

– Ему и советники не постесняются высказать в глаза все, что думают, других не держит, – ответил Инна-Ро. – Лыстецов и подхалимов Раннар на дух не переносит. Вовсе от них не избавишься – для этого придется разогнать весь двор, – но хотя бы в ближнем кругу таких нет.

– И еще кровная клятва...

– А как же. Вроде бы все продумано, а? – Старик открыл незнакомую дверь и поманил меня за собой. – Входи, Тесса, поешь, и приступим к делу,

покуда Раннара нет.

– А он... – Я запнулась. – Снова отправился охотиться?

– Нет, в замок умчался, когда еще солнце не зашло. Ему мысль об Ивенне покоя не дает.

– Это его сестра? – сообразила я.

– Она самая. Может, и впрямь отыщется... Давай-ка для начала приведи себя в порядок – вон за той дверью ты найдешь все необходимое. Идем, покажу, что здесь к чему, а потом выйду, так и быть: Раннар сказал, ты стеснительна сверх всякой меры... У вас все такие?

Я кивнула и с облегчением выдохнула, когда старик вышел в соседнюю комнату. Слышно было, как он звенит чем-то и неразборчиво бормочет себе под нос.

От холодной воды я окончательно проснулась, посмотрела на себя в зеркало и убедилась, что утренняя прогулка не прошла для меня даром. Что ж, с этим ничего не поделаешь: даже пудры под рукой нет. Тут я вспомнила, как Лисса в детстве, играя в званый вечер, напудрилась зубным порошком, и невольно улыбнулась...

К слову о зубном порошке – здесь вместо него было странное густое вещество, сильно пахнущее травами (впрочем, мне это даже понравилось). И вода здесь лилась сама собой, не нужно было возиться с кувшином и тазом. Неужели здесь и трубы проложены? Так-то, рассказывал учитель, водопроводы строили даже в древние времена, а потом люди утратили это искусство. Так и мучились, пока не открыли его заново...

Впрочем, если в Караде есть поезда, отчего не быть водопроводу? Кроме того, Инна-Ро – чародей. Может, никаких труб и нет вовсе, а просто он наколдовал источник в толще стены...

Когда я вернулась в гостиную (как решила называть просторную комнату), Инна-Ро поставил передо мной поднос с множеством маленьких тарелочек и мисочек, налил в уже знакомую расписную чашку что-то душистое, пахнущее летним лугом и медом, и жестом пригласил к трапезе. Я попробовала – вкус у еды был необычный, пряный, но довольно приятный.

– Не нравится? – спросил старик. Он внимательно наблюдал за мною.

– Непривычно, – честно ответила я и не преминула добавить: – У нас считается, что женщинам нельзя есть острого, от этого они могут заболеть.

– Хоть что-нибудь у вас женщинам разрешено? – проворчал он и положил мне добавки.

Никогда не думала, что мясо можно сочетать с карамелью! Впрочем, я успела проголодаться, а потому не заставила себя упрашивать.

– Подозреваю, что и кормят у вас девиц плохо, – задумчиво сказал Инна-Ро, разглядывая меня в упор. – Чтобы были достаточно бледны и умещались в модные платья...

Я вынужденно признала его правоту.

– А руки тонкие и слабые, – он дотронулся до моего запястья. – Видно, что ничего тяжелее иголки с ниткой или там грифеля не поднимали.

– Отчего же, – ответила я. – Пришлось немного поупражняться с бельевым вальком и с навозной лопатой.

– Немного! Это не то... – старик пожевал губами и спросил: – Верхом-то хоть ездить умеешь?

– Да, тоже немного, – вздохнула я. – Тетушка всегда опасалась, что мы упадем и покалечимся, и сумела заразить этим страхом матушку. Поэтому вряд ли меня можно считать умелой наездницей. Прогулки шагом на смирной лошадке в сопровождении слуг вряд ли считаются?

Лицо Инна-Ро приобрело такое выражение, что я поспешила добавить:

– Зато я умею плавать! Дедушка научил, еще когда я была маленькой, а тетушка и кузины не жили с нами. Потом-то, конечно, нам разрешали входить в воду только в купальне, но я помню, как он возил меня на озеро... У берега там мелко, вода прозрачная и теплая, а потом сразу начинается глубина, там со дна бьют холодные ключи. Было очень страшно, но так... так...

Я не сумела подобрать подходящего слова и умолкла. Потом продолжила, понимая, что ответной реплики не дождусь:

– Дедушка говорит, если раз научился этому, уже не разучишься, даже если не упражняться. Я только на это и надеялась, когда мы стирали на реке: вдруг упаду в воду? Может, сумею выплыть или хотя бы продержаться, пока не придет помощь... А вот ни фехтовать, ни стрелять я не умею.

– Неужто? – подал голос Инна-Ро.

– Вернее, немного умею стрелять из лука, но только забавы ради, – поправила я. – Вот Идда – другое дело. Она говорила и о фехтовании, и о том, что у нее обычно имеется при себе пара револьверов. И я рассказывала, как она...

– А, трюк со шпилькой! – кивнул старик. – Знакомое дело. В Дзейли почти все женщины носят такие. Удобно. Может, твоя Идда в самом деле из королевского рода. Как знать, как знать... Ивенну я бы непременно обучил защищаться вот этак.

– И я об этом подумала...

Я посмотрела на опустевший стол и несмело спросила:

– А когда вы начнете... допрос?

– Давно начал, – усмехнулся он. – Ты не заметила?

– Но мы же говорим о разных пустяках!

– Для тебя это, может, пустяки, да только без них мозаика не складывается. Налить еще тчи?

– Да, пожалуйста, – кивнула я, сообразив, что он имеет в виду напиток, и добавила: – Утром был совсем другой.

– Основа одна, – пояснил Инна-Ро. – Но тогда тебя нужно было взбодрить, а сейчас – успокоить, но вовсе не усыпить. Поэтому добавлял я разное.

– Надо же, как интересно... – искренне произнесла я и осмелилась спросить: – Сударь, как же так вышло, что у нас никто и не слышал о Дзейли? Дело даже не в названии – они могут меняться до неузнаваемости, – а вообще о великой империи, существовавшей на северо-востоке?

– А что там сейчас?

– Много разных государств, какие-то большие, какие-то поменьше. Есть просвещенные, с которыми ведется торговля и налажены связи, а есть... – Я замялась, потом все же сказала: – Почти дикие. Во всяком случае, они постоянно воюют между собой, и более развитые страны вынуждены были взять их под свое покровительство, чтобы положить этому конец и остановить нападения на торговые пути и поселения.

– Помогло? – коротко спросил он.

– Не слишком, – призналась я. – Теперь жители воюют против иноземных захватчиков. Но в тех местах много ценного, такого, чего в наших краях попросту нет – ткани, специи, редкая древесина, – поэтому...

– Поэтому пиявки не отвалятся, пока не высосут жертву до доньшка, – завершил Инна-Ро. Морщины на его лице сложились в печальную маску. – Все это повторялось от начала веков и будет повторяться снова и снова. Дзейли точно так же веками вбирала в себя маленькие княжества, если только выгода от их присоединения перевешивала неудобства, связанные с бунтами местных жителей. Впрочем, подавить мятежи недолго, а вот хорошие земли и ценности, как ты выразилась, сами с неба не падают.

Я промолчала.

– А ответа на твой вопрос я не знаю, – добавил он после долгой паузы. – Не умею заглядывать в будущее. Быть может, в Дзейли случилась междоусобица. Слишком много родственников у императора, каждый из которых тянет его за рукав в свою сторону – это, знаешь ли, опасно. Всякий может решить, что он будет куда лучше смотреться на троне! Достаточно

нескольких десятков лет, чтобы империя рассыпалась на части: такое бывало в далеком прошлом. А может, пришли завоеватели, которым нечего было терять – таким сложно противостоять. В Дзейли, знаешь ли, давно привыкли к неуязвимости и безнаказанности. Военский дух ослабел, мужчины все больше предаются безделью, любовным утехам и стихосложению вместо того, чтобы упражнять тело и разум... И такое случалось с великими державами древности, – вздохнул он. – Теперь никто не помнит о них. Кое-где можно отыскать руины величественных дворцов и храмов: лес или пустыни поглотили огромные города, а все знания утеряны, погибли, исчезли в пучине времени... Столица Дзейли ведь тоже стоит на развалинах древнего города, о котором мы не знаем ничего, даже названия. Значит, придет и наш черед, рано или поздно, так или иначе...

Он умолк и принялся мелкими глотками пить остывший тчи.

– Но, может быть, этого можно избежать? – спросила я.

– Как? Если в ваше время от Дзейли не осталось даже воспоминаний... Либо где-то на развалинах империи наверняка еще сохранились осколки прежнего величия, а ты просто не знаешь об этом, – что тут поделаешь? Мы не знаем, что и когда именно случится. Чей поступок или бездействие приведет к катастрофе? Какая бабочка сдвинет камень, и он покатится с горы, сметая все на своем пути? Впрочем, – подумав, сказал Инна-Ро, – я стану поглядывать в ту сторону более внимательно. То, что меня удалили от императорского двора, не перечеркнуло списка моих славных предков, верно служивших Дзейли...

– Раннар упомянул... то есть мне показалось... Вы состоите в родстве с императором?

– Да, и в сравнительно близком, – кивнул старик. – Мог бы даже претендовать на трон, окажись я немного более властолюбив... и не будь я чародеем.

– Почему так? – удивилась я. – Чародеям запрещено править?

– Нет, просто нельзя одновременно хорошо делать и одно, и другое, – пояснил он. – В этом Раннар прав. Или ты полностью отдаешься изучению колдовских тайн, или стараешься стать достойным правителем, а если попробуешь совместить эти занятия, из тебя выйдет скверный чародей и плохой император. Я выбрал колдовство. Власть – слишком хлопотная штука, если ты понимаешь, о чем я.

– Думаю, что понимаю...

– В легендах говорится о великих императорах-чародеях, – сказал Инна-Ро, – но в их жилах текла не настолько разбавленная божественная кровь, как в моих.

Я в очередной раз подумала, что смерть от скромности ему не угрожает.

– Скажите, а если Раннар считается потомком Старой Птицы, выходит, он тоже...

– Божественного происхождения? Да, так и есть. Правда, в этих краях великих предков не обожествляют. Ну, потомок, и что? В соседнем государстве вон потомок Смелой Рыбы правит, много от этого толку...

– Смелой Рыбы? – непередаваемым тоном повторила я.

– Местная легенда, – пояснил Инна-Ро, посмеиваясь. – Дескать, в незапамятные времена одной рыбе надоело плавать в воде, и она вышла на берег. Знаешь, наверно, в морях водятся странные рыбы с плавниками вроде лап? Они действительно могут заплывать в устья рек и ненадолго выбираться на сушу. Видно, и эта была из таких. Эти забавные люди уверены, что род людской пошел именно от нее, а значит, они выше остальных.

– Как же так? – удивилась я. – Если все люди произошли от этой самой рыбы, то они равны между собой, разве нет? Как можно установить, кто более... м-м-м... прямой потомок?

– Так мыслит человек разумный, – шире улыбнулся старик. Зубы у него были как у молодого. – Ну да пусть их, в Карад они не лезут, и на том спасибо. Наверно, потому, что крупные птицы неплохо рыбачат... О чем это ты задумалась?

– Вы же можете читать мысли, разве нет?

– Могу, но зачем утруждаться, если ты не отказываешься отвечать? Так что у тебя на уме?

– Никак не могу свести воедино все это, – призналась я. – И еще... Мне очень хочется вернуться назад. Я должна выручить Лиссу – она ведь еще совсем девочка, только в этом году начала выезжать, и она не представляет, во что угодила...

– Ты-то намного ли старше? – хмыкнул Инна-Ро.

– Почти на два года.

– О, это, конечно, существенная разница, – согласился он. – Что еще скажешь?

– Страшно, – помолчав, ответила я. – Может, уже некого будет спасать? Я хочу сказать: будущее уже изменилось, и даже если мне удастся туда попасть, там не будет ни Лиссы, ни Идды, ни даже Гаррата... и меня тоже.

– Так останься здесь. Чем плохо?

– О нет, нет! Я же с ума сойду, не зная, что случилось с остальными! А

если я вернусь и все окажется по-прежнему, – убито закончила я, – я все равно не найду себе места, потому что стану думать: что случится здесь? Выживет Раннар или нет?

– Понравился он тебе? – поинтересовался Инна-Ро. – Не смущайся, он всем девицам нравится, чего не отнять, того не отнять.

– Не в том дело! – воскликнула я. – Просто это... Словно бы я прочла начало истории, но никогда не узнаю, чем она закончится! Да, я могу придумать любой финал, но он ведь не будет правдой, потому что я не представляю, что замыслил автор...

– Слишком много слов, чтобы передать толику сути, – сказал он. – Нужно говорить по делу, а не плести словесные кружева. Оно, конечно, красиво, но я не кавалер, и ты не на свидании. Можно сказать проще и короче.

– Да, конечно, но меня так учили, и в один миг переменить привычку не получается, – ответила я. Это он матушку мою не слышал – вот кто мастерица светской беседы! – И еще...

– Что?

– Мы как-то далеко ушли от темы беседы, а я так и не поняла, что может быть нужно Врагу... если Дар-Аррон действительно каким-то образом связан с ним.

– Связан, связан, в этом сомнений нет, – пробормотал Инна-Ро. – На его людях есть след, на тебе тоже, совсем слабый, но несомненный... Если бы я увидел этого Дар-Аррона лицом к лицу, то сказал бы наверняка, что именно с ним произошло.

– Так отправляйтесь со мной вместе, и увидите, – предложила я. – Раннару удавалось попасть в наше время, так неужели вы, с вашим опытом и умениями, не справитесь?

– Раннар бывал только в потайном коридоре, – напомнил старик.

– А как же библиотека? Конюшня?

– В библиотеку угодила ты, он там был изначально, – подумав, сказал он. – А вот с конюшней интереснее... Да и первая ваша встреча – скорее это он вышел тебе навстречу, чем ты забрела невесть куда.

– Вот именно! Я не отходила далеко от комнаты!

– Заманчиво, – вздохнул Инна-Ро, – но... нет. Слишком велик риск застрять там без шанса вернуться обратно, а я не могу пойти на это. И Раннара не отпущу. Он нужен здесь. Мы оба нужны... Что с тобой?

– Я вдруг подумала... – Я сглотнула и все же решилась: – Может, он вовсе не погиб? Просто петля времени замкнулась! Он отправился в будущее, не смог вернуться и погиб там – к примеру, он встретился с Дар-

Арроном лицом к лицу, и тот убил его. Пускай Раннар – первый меч королевства, но если выстрелить ему в голову, никакой клинок не спасет!

– Это уж точно. Сколько твержу ему, чтобы не забывал о чарах, но...

– Если к тому моменту разыскали Ивенну, то понятно, откуда пошел род Карадин, – продолжила я. – А если Раннар успел жениться, то и все остальное складывается, верно? Ведь если он исчез, его могли признать погибшим?

– Так, да не так, – покачал он головой. – По словам этой твоей Идды выходит, что наследник родился через год после гибели Раннара. Однако если бы он исчез, но никто не видел его мертвого тела, молодая жена не смогла бы снова выйти замуж так скоро.

– Даже ради блага королевства? – тихо спросила я. – Ивенну посадить на трон нельзя, она не умеет править, у нее нет сторонников, а вдова короля и его родственник, который уже как-то удерживал власть, вполне могут справиться!

– Разве что Аллор надавил на это... «Ради блага королевства» – его слова, он постоянно их повторяет, – пробормотал Инна-Ро. – А я... от меня тоже можно избавиться, если подойти с выдумкой и, главное, желанием. Такое может случиться. Значит, Раннару тем более нельзя соваться невесть куда...

Воцарилось молчание, и наконец старик нарушил его:

– Дар-Аррон связан с Врагом, это очевидно. Исправлять это придется тебе... если еще не слишком поздно.

– Мне?.. Но как?!

– Очень просто, – ответил он. – Ты участвуешь в Испытании, а его невозможно проводить без ведома Старой Птицы. Она допустила происходящее, она говорила с тобой посредством Идды... Она, наконец, сделала возможной вашу с Раннаром встречу. Значит, справиться в одиночку Старая Птица не может. Должно быть, годы берут свое. Ей нужна помощь, и ты, – его палец ткнулся в мой лоб, – станешь ее оруженосцем.

– Раннар сказал, что она никому не позволила следовать за собой! – ответила я, хотя голос мой дрогнул.

– Говорю же: в незапамятные времена Птица была куда сильнее. Могла обойтись без помощников... Что так смотришь? Боишься?

– Конечно!

– Это хорошо, – удовлетворенно произнес Инна-Ро. – Вот если бы ты заявила, что сию секунду готова устремиться на подвиги, я бы тебе не поверил. А бояться не стыдно.

– Но что я могу поделать? – прошептала я. – Меня снова схватят и

запрут. Может, станут допрашивать, и вряд ли Дар-Аррон будет таким же деликатным, как вы... И не думаю, что он поверит, даже если я расскажу ему правду!

– Думаю, он поостережется повторять подобное, если ты вернешься как ни в чем не бывало, а его люди – нет. Вот увидишь, он станет выжидать... а тебе только этого и нужно.

– Чего именно?

– Потянуть время и добраться до конца Испытания, – ответил он. – Стать победительницей.

Глава 17

– Да вы шутить изволите, – с нервным смешком произнесла я. – Это невозможно!

– Как раз наоборот, – сказал Инна-Ро. Взгляд его не отрывался от моего лица. – Дар-Аррон дал волю Врагу. Вернее, не он первый – суть Испытания искажена уже давно. Твои рассказы о девушках, потерявших память, достаточно красноречивы... И, сдается мне, теряли они не только воспоминания.

– Что же еще?

– Многое. Гордость. Смелость. Выдумку. Твоя Идда ведь говорила о том, что они менялись?

Я кивнула.

– Не хотите же вы сказать, что Враг питается... всем этим? Нашими чувствами? Тем, что составляет нашу личность?

– Чем же еще? Его всегда привлекали сильные и яркие люди. Вот только у них обычно достаточно разумения для того, чтобы держать Врага подальше от себя. Но Испытание выявляет самое яркое в девушках, и проводящий его преподносит это Врагу, словно закуски на блюде... Так мне видится, – неожиданно завершил Инна-Ро. – Не знаю, угадал ли я. Тебе только предстоит это выяснить. И не мотай головой, как норовистая лошадь! Хочешь выручить кужину и сама остаться прежней?

– Да, но... Почему вы уверены, что Враг не сожрет и меня?

– Потому что он тебя уже рассмотрел, – ответил он. – Даже попробовал: я же говорил, что его след остался и на тебе. Он захочет дождаться финала и испробовать самое изысканное яство – королевскую невесту! И даже если Дар-Аррон станет возражать, вряд ли к нему прислушаются. Да он и сам, когда поймет, что ты отмечена Старой Птицей, померит пыл. Он-то знает, какая добыча по вкусу его повелителю...

– То есть вы предполагаете, что я каким-то образом обойду в состязании девушек знатнее и красивее меня, король предложит мне руку и сердце, и только тогда меня попытаются... хм... съесть?

– Во всяком случае, я на это рассчитываю, – ответил Инна-Ро.

– А если ничего не выйдет?

– Что ж, для нас мало что изменится. Ну а о будущем пусть заботятся потомки. Я им оставлю подробные инструкции... томах этак в десяти.

Я подумала, что это не такой уж плохой выход. Если я стану

победительницей, король вынужден будет взять меня в жены, раз уж он решил играть по древним правилам. Конечно, ничто не мешает отравить меня или столкнуть с лестницы, но как знать, вдруг мне действительно суждено стать королевой? И даже если я лишусь воспоминаний обо всем, что со мной случилось...

«Это ведь буду не я, – сказала я себе. – И пускай даже король осыплет дарами моих родных, это не вернет им – меня. Делла и Лисса, возможно, не заподозрят неладного, братья – тем более, родители и тетушка решат, что я просто повзрослела за время Испытания, но... Уверена, дедушка и кормилица поймут – со мной что-то не так. Только не смогут ничего с этим поделать...»

– Я не желаю выходить за него замуж, – твердо сказала я.

– А я что, сказал, будто ты обязана это сделать? – удивился Инна-Ро. – Я говорил: ты должна завершить Испытание и встретиться с Врагом лицом к лицу...

– А потом? – Я невольно засмеялась, так нелепо это прозвучало. Какая из меня героиня? – Сразить его колдовским клинком?

– Его нельзя убить, – напомнил старик. – А вот изгнать, пускай и на время, вполне возможно. Если, конечно, тебе дорог твой мир, твои родные и друзья...

Громко хлопнула дверь.

– Опять ты за свое? – проговорил Грифон очень тихо, но таким тоном, что меня потянуло спрятаться... да хотя бы под стол! – Я же сказал тебе – не вздумай морочить девушке голову! Она – не Старая Птица, и ей не по силам один на один встречаться с Врагом! Ей бы уцелеть и спасти кузин, и забыть обо всем этом, как о страшном сне, а ты...

Он шумно выдохнул, явно сдерживаясь, чтобы не высказаться покрепче.

– Я лишь рассказываю Тессе, что можно сделать, – невозмутимо ответил Инна-Ро. – Не захочет – ее воля. Ей жить в те времена, не нам. Мы не дотянем. Даже я.

– По-твоему, это достойно: возлагать такую ношу на чужие плечи?

– Что же делать, если мы на себя ее взять не можем?

– Ничего не делать, – медленно выговорил Грифон. – Мир не рухнул после нашей смерти и не рухнет впредь! Пускай он будет другим, не таким, о котором мы мечтали, но...

– Ему просто хочется самому расправиться с негодяем, но нельзя, – перевел мне Инна-Ро. – Ты сам это понимаешь, Раннар, так что не сверкай на меня глазами!

– Перестаньте, прошу вас... – выговорила я, чувствуя, как сгущается воздух.

– Ты прав, – сказал Грифон. Казалось, если коснуться его волос, полетят искры – так бывает у кошек перед грозой. – Нельзя так нельзя. Никому. Идем...

С этими словами он буквально выдернул меня из-за стола и увлек за собой. Я не осмелилась возражать – в гневе Грифон был страшен, и мне вовсе не хотелось, чтобы его негодование обрушилось на меня.

И снова я едва поспевала за ним, но теперь Грифон спешил не на башню – вниз по лестницам, должно быть к потайному коридору. Я уверилась в этом, когда увидела знакомые тени на стенах – они жили собственной жизнью и не желали подчиняться законам обычного мира.

– Что вы хотите... – начала я, но Грифон остановил меня жестом.

– Ты немедленно отправишься домой, – сказал он и остановился так резко, что я налетела на него и ухитрилась удариться виском о его плечо. Было больно: похоже, под одеждой Грифон носил кольчугу. – Иначе старик уговорит тебя на какое-нибудь безумство. Если уже не уговорил...

– Он пытался, – ответила я, потерев ушибленное место. Теперь еще и там синяк будет, и как прикажете объясняться? – Правда, я не поняла, каким образом должна противостоять Врагу, но, должно быть, Инна-Ро не успел добраться до этого – пришли вы.

– Вовремя... Это очень в его духе, знаешь ли. Еще немного, и ты уверилась бы в своей избранности, в том, что именно тебе предназначено сразиться с порождениями Врага. – Он криво усмехнулся. – И, заметь, все это – безо всякого колдовства.

– Вы говорите так, словно испытывали подобное на себе.

– Да, и не раз. Потом Инна-Ро объяснял мне, как именно побудил меня к тому или иному поступку. Учил распознавать подобные трюки, противостоять им, использовать самому... При всем этом мне еще очень далеко до него, а ты и вовсе не знакома с его уловками, а потому оказалась легкой добычей!

– Но вами-то он зачем... управлял? – постаралась я подобрать подходящее слово.

– Затем, что я был не в состоянии принять решение и тем более выполнить задуманное, не сдавшись на полдороге, – ответил Грифон. – Мне было всего десять. Я знал, что семья моя погибла, что у меня нет никого, а те, кто остался, используют меня в своих целях. Как, по-твоему, легко мне было уверовать в то, что я способен вернуть себе трон и править самостоятельно, не по чужой указке?

Я молча покачала головой.

– Но я поверил, – негромко добавил он. – Это было самым сложным. Тогда действия Инна-Ро пошли во благо... Можно сказать, он собрал мою разбитую жизнь по кусочкам, склеил заново, отполировал, покрыл лаком – и не разглядишь швов и сколов. Только мы с ним знаем, где они спрятаны.

– И вы так просто говорите об этом совершенно незнакомой девушке?

– Ты ведь никому не расскажешь, – улыбнулся он. – И, поверь, кому-то из близких знакомых поведать подобное намного сложнее. Хотя бы потому, что осторожность схватит за рукав, спросит на ухо: не сможет ли этот человек использовать знание мне во вред?

– Пожалуй, вы правы, – согласилась я. – Я тоже... О, конечно, это сущие пустяки по сравнению с тем, что случилось с вами, но... Все равно кое о чем я не могу сказать ни кузинам, ни матушке, ни даже кормилице.

– Неужели о тайных встречах при луне? С возлюбленным? – неожиданно развеселился Грифон, а я обиделась.

– Вовсе нет! Так... О разных мыслях. Фантазиях, если угодно. Мечтах... и вовсе не о поклоннике!

– Я этого не говорил.

– Но подумали.

– Ты не умеешь читать мысли, а по моему лицу даже Инна-Ро не всегда может угадать, что именно у меня на уме, – сказал он. – Что ж... Я рад – мы поняли друг друга. А теперь иди. Коридор свободен, ты сможешь выйти туда же, откуда пришла.

– А вы...

– Провожать тебя я не стану. В этом Инна-Ро прав: мы не знаем свойств так неожиданно открывшегося прохода во времени, и я не могу рисковать.

– Да, конечно, – поспешила я сказать, – но я не об этом хотела спросить.

– О чем же?

– О вашей сестре и о невесте. Как вы теперь поступите, зная, что может случиться? – выпалила я.

– С женитьбой обожду, – ответил он, – невеста не убежит. А не дождется, найдется другая, не хуже прежней.

– То есть вы ее... не любите?

– Нет. Даа-Хиин – прекрасная партия: одна из многочисленных младших принцесс Дзейли, принадлежит к богатому и влиятельному роду, поэтому я счел, что наш союз укрепит связь между государствами. Инна-Ро, однако, считает, что я поторопился с решением. Видимо, на этот раз

чутье его не подвело... – Грифон помолчал немного, затем добавил: – Может быть, мне и впрямь следует назначить Испытание. Оно не ошибается, в отличие от людей.

Я промолчала.

– С сестрой все немного сложнее, – продолжил он. – Если она отыщется... надеюсь, она еще не замужем и не нянчит парочку детишек!

– Она же совсем юна, разве нет? Вы сказали, она должна быть на выданье...

– Да, но если Ивенна росла в крестьянской семье, то...

– У них выдают замуж намного раньше, чем принято у знати, – сообразила я.

– Именно. Ей исполнилось бы шестнадцать в этом году, при дворе было бы не протолкнуться от поклонников... – Грифон мечтательно улыбнулся. – Может быть, это еще случится. Но прежде чем отдавать сестру замуж, ее нужно найти. А затем – обучить всему, что необходимо знать принцессе. Неизвестно, как сложится жизнь... Возможно, ей придется занять мое место.

– Полагаете, что все-таки можете умереть? – тихо спросила я и снова потерла ушибленный висок.

– В любую минуту. Я не верю в то, что можно полностью изменить свершившееся. Если мне суждено погибнуть, это произойдет рано или поздно...

– Так или иначе? – вспомнила я слова Инна-Ро.

– К тебе тоже прицепилась его поговорка? – усмехнулся Грифон. – Все так. Если меня не убьют после свадьбы, так прикончат во время турнира, может быть даже по нелепой случайности. На пиру в кубке окажется яд, который я не смогу распознать, на руке у посланника будет отравленное кольцо – достаточно коснуться шипа, чтобы вскоре умереть, – заколдованная стрела прилетит издалека... Но чем гадать, как именно это произойдет, лучше потратить оставшееся время с пользой и подготовить себе замену. Если успею – наследников, нет – сестру.

– Только дядюшку держите подальше, – невольно сказала я, хотя моих советов никто не спрашивал.

– Это уж само собой. У него, к слову, и сын имеется, моложе меня, но... Пожалуй, его-то Аллор и прочит на мое место. Сам он вряд ли отважится на вторую попытку...

Грифон ушел в свои мысли, а я оглянулась. Позади было темным-темно, впереди факелы горели тускло, совсем как в моем времени. И тени вились вокруг нас, все норовили притронуться ко мне, и я вздрагивала от

холодных прикосновений. А может, это был просто сквозняк, а у меня разыгралось воображение, и немудрено...

– Наверно, мне пора? – шепотом спросила я, и Грифон очнулся. Посмотрел на меня так, словно не помнил, где находится, кто я такая и что позабыла в потайном коридоре, но тут же сказал:

– Да. Иди и ничего не бойся. У Врага нет власти над отмеченными Старой Птицей и самим солнцем. И не смейся, я не шучу.

– Я вовсе не смеюсь, но... Разве Враг не похитил солнце?

– Это случилось в незапамятные времена.

– Но с тех пор многое изменилось. И даже если сам Враг ничего мне не сделает, то Дар-Аррон... – вздохнула я. – Пришлет своих людей – и поминай как звали. Вряд ли вы снова будете так удачно возвращаться с охоты!

– Об охоте придется на время забыть, – согласился он. – Но я дам тебе кое-что. Не знаю, поможет ли, но...

С этими словами он снял с шеи и протянул мне на ладони маленькую, сильно истертую золотую подвеску со словами:

– Мать дала мне ее, когда мы отправились в путешествие, чтобы Солнце оберегало меня. Как видишь, я до сих пор жив.

– Как же ее не отобрали в плену? – спросила я зачем-то, разглядывая изящную вещицу.

Это был солнечный диск, почти такой, как на гербе Карада; стилизованные лучи какие погнулись, какие вовсе сломались. Кажется, на нем когда-то было выгравировано изображение, но различить его оказалось невозможно.

– Отобрали, потом вернули – Инна-Ро заставил. Возьми.

– Вам лучше бы отдать это сестре, если... когда найдется. Ей нужнее.

– Не тебе судить, что мне лучше делать, – резко ответил Грифон. – Надень.

Я послушалась: спорить с ним не хотелось. Холодная подвеска не сразу нагрелась от тела... Странно, ведь Грифон держал ее в руке, а золото отлично проводит тепло!

– И еще я пошлю с тобой провожатого, – добавил он. – Не уверен, сумеет ли он тебя защитить, но хотя бы предупредит о том, что затевается нечто скверное.

– О ком вы, сударь?

Вместо ответа Грифон вытянул руку, коснувшись кончиками пальцев стены, – тени за клубились, какие-то устремились прочь, другие устроили потасовку, и наконец одна из них перебралась ему на плечо, свернувшись как

ручной хореке... Грифон бесцеремонно взял ее двумя пальцами за шкурку и бросил мне под ноги. Тень притаилась возле моего подола, словно всегда была там. Ее выдавали лишь длинные острые то ли уши, то ли рожки и тонкий гибкий хвост.

– Это все, чем я могу тебя одарить, – сказал Грифон. – Вряд ли тебе пригодится кошель с золотом, хотя... почему нет? Оно никогда не бывает лишним. Но, увы, я все равно его не захватил.

По-моему, он пытался шутить. Если так, то я вынуждена была признать: чувство юмора у короля... своеобразное. Но, возможно, в эту эпоху оно считалось не то что не грубым, а даже изысканным?

– Ты даже не поцелуешь меня на прощание? – спросил вдруг Грифон, и я онемела. Взглянула на него пристальнее и поняла: нет, он не шутил и явно намерен был дожидаться моего ответа.

«Никто не узнает, – сказала я себе. – И ничего страшного...»

Чтобы дотянуться до щеки Грифона, мне пришлось встать на цыпочки и положить руки ему на плечи.

– Что, и это все? – недоуменно спросил он, и я невольно отпрянула, но поздно – он держал меня за талию, вроде бы не сильно, но так, что не вырвешься. – Чего ты испугалась?

– Действительно, чего? – выговорила я, стараясь совладать с голосом и заставить его не дрожать. – Сухая ерунда! Подумаешь, очутилась в темном коридоре наедине с мужчиной, который вынуждает... Это вовсе не смешно!

– Сам виноват, – сказал Грифон и посерьезнел. – Я-то ничего дурного не имел в виду, только не сообразил, что нужно объяснить.

– Что объяснить?

– Королевское прикосновение исцеляет, – ответил он. – А ты вся в синяках. Инна-Ро мог бы и позаботиться об этом, но, видно, так увлекся расспросами, что позабыл. А может, сделал вид, что позабыл.

– А без прикосновений обойтись нельзя? Вы ведь умеете колдовать!

– Да, но так проще... – Грифон притронулся губами к моему виску. Заметил, значит... – И быстрее.

Не могу описать, что я ощущала в ту минуту. Растерянность? Страх? Несомненно. Но было и нечто помимо этого...

Мне никогда прежде не доводилось оказываться так близко к чужому мужчине. Родственники не в счет, вежливые молодые люди на приемах тоже, они никогда не позволяли себе ничего подобного! Наши же кавалеры в замке Старой Птицы воспринимались скорее как манекены...

Грифон был... настоящим. До такой степени, что мне все хотелось взглянуть по сторонам и убедиться, что тонкая ткань реальности не

растягивается и не рвется под его тяжестью.

Мне казалось, будто я слышу, как бьется его сердце – сильно, размеренно... Нет, наверно, это просто кровь стучала у меня в ушах от волнения и испуга. И вдруг сделалось жарко от прикосновения его рук, поразительно горячих, обжигающих даже сквозь ткань одежды...

Губы тоже оказались горячими, дыхание пахло знакомыми уже пряностями, тчи и чем-то еще, и это было...

Странно. Волнующе. Пугающе. И...

Я не успела даже облечь эту мысль в слова, как Грифон отстранил меня на вытянутых руках.

– Вот и все, – негромко сказал он и разжал пальцы. Янтарные глаза в неверном отблеске факелов казались темными, с кровавым отблеском. – Прощай.

Я взглянула на свои запястья – чистые, без следа отвратительных кровоподтеков, – а когда подняла голову, Грифона уже не было рядом. Казалось, он просто растворился в воздухе... или в тенях.

– Зачем это... – невольно произнесла я и поднесла руку ко рту, словно пытаюсь заглушить слова. Лицо пылало.

Не было смысла и дальше стоять на месте, и я двинулась вперед, туда, откуда явилась.

Тень семенила рядом на тонких ножках.

* * *

Когда я вышла в знакомый коридор, то услышала два удара колокола. Быть не может... Неужели ужин еще не начался? Или уже настало время завтрака?

Я толкнула дверь своей комнаты – она была не заперта – и с радостью обнаружила, что вещи мои на месте, даже дневное платье лежит на кровати точно так же, как я его оставила, переодеваясь к ужину. И вода в кувшине осталась – хватило, чтобы умыться и немного унять жар в горящих щеках.

Что теперь? Остаться на месте и ждать, пока кто-нибудь явится? Нет, лучше уж спуститься в трапезную и посмотреть, каким сделается лицо распорядителя, когда он увидит меня!

Думать о странном поступке Грифона не хотелось. Почему он это сделал? Ведь до того и пальцем ко мне не притронулся... я имею в виду, как мужчина к женщине! Посмеивался про себя над моей стеснительностью, несомненно, но не более...

«Может, дело в тенях? – подумала я. – Там он делается каким-то другим, и... Нет, глупости. Если он знал, что темная сторона его натуры может поступить... вот так, – а он не мог не знать, – неужели дал бы ей волю? О нет, он сделал это нарочно! Только зачем?»

Я спохватилась: нужно было убрать подвеску, цепочка на шее бросалась в глаза – никто здесь не носил украшений, даже таких скромных. Спрятать в волосах? Ненадежно, может выпасть, а мне вовсе не хотелось потерять такую вещь... Пришлось привязать ее на тесемку на талии, под платьем. Туда, надеюсь, никто не полезет! Я невольно вспомнила прикосновение Грифона, и кровь снова бросилась мне в лицо.

«Платье!» – с ужасом осознала я. Оно ведь осталось... измененным, а переодеться хотя бы в дневное я уже не успевала!

Что ж, будь что будет, решила я и быстрым шагом покинула спальню.

Я успела вовремя – как раз стих гул третьего удара колокола, и я в числе последних участниц Испытания вошла в трапезную. Без пары, конечно же, пришлось самой отодвинуть себе стул.

– Где ты была? – прошипела Делла. На ней лица не было. – И что это на тебе?..

– Все объясню после, – ответила я, постаравшись взять себя в руки. Что и как я намеревалась объяснить, понятия не имею.

Тут я перехватила взгляд Идды. Она смотрела на меня как на привидение, но почему? Неужели что-то знала? Или хотя бы догадывалась? Ее комната недалеко от моей, она могла слышать звуки борьбы...

– Где твой кавалер? – не унималась Делла.

– Не имею ни малейшего понятия, – ответила я нарочито громко. – Я прождала его слишком долго! Надеюсь, еще не поздно попросить о замене столь необязательного спутника? Я едва не опоздала из-за него!

– А платье? – снова прошипела кузина. – Почему ты так одета?

– Оно оказалось у меня в комнате, и я решила, что теперь у всех будут такие, – делано удивилась я. – Но, вижу, ошиблась.

«Грифон прав, – подумала я, взглянув на Тина-Санну. – Этот зеленый цвет, да и красный тоже, кажется неестественным. Слишком яркие, слишком грубые оттенки... они выпячивают недостатки, вместо того чтобы подчеркивать достоинства! Надо же, я прежде не обращала на это внимания...»

Вопреки моим опасениям, распорядитель даже не взглянул в мою сторону, а вот выражение лица Ины было... странным. Мне показалось, она испугалась, но чего? Знала о том, что мне предстоит, и не ожидала увидеть меня вновь?

Однако выучка дала о себе знать: Ина быстро взяла себя в руки и куда-то улетучилась, а после ужина меня провожал в комнату... Лан, бывший кавалер Лиссы! Как интересно! Выходит, его вовсе не отослали прочь? Конечно, всегда можно сказать, мол, погода настолько испортилась, что молодой человек испросил позволения переждать ее в замке...

Признаюсь, я не представляла, как выведать у него что-нибудь о Лиссе. Более того, опасалась спрашивать напрямик, но... все-таки надеялась: вдруг проговорится? Если побольше болтать о разных пустяках, Лан может расслабиться и упустить словечко-другое... А еще я могу попытаться заставить его сравнить меня с кузиной. Это невежливо, конечно, даже неприлично, но если потихоньку... Вдруг он не удержится? Лисса способна кого угодно вывести из терпения, она наверняка испортила Лану немало крови за то недолгое время, которое он сопровождал ее, так неужели у него не найдется что сказать о ней? Тем более не посторонней, кузине... Я попробую замаскировать свое любопытство под заботу о младшей родственнице: ведь она наверняка выбыла из Испытания благодаря своему слишком острому язычку и склонности к сплетням! Раз так, мой долг – наставить ее на путь истинный, когда я вернусь домой, разве нет? И если я буду знать, в чем именно она провинилась, то...

«Какие-то не мои мысли, – невольно подумала я. – Я ведь никогда себя так не веду!»

И это было суцей правдой: в своих фантазиях я сколько угодно могла воображать себя смелой и деятельной, способной разрешить любую ситуацию решительным поступком или даже единственной меткой фразой, но в реальности чаще всего тушевалась даже перед тетушкой, громогласной и напористой, не говоря уж о посторонних. Что же изменилось?

«Не может такого быть, чтобы несколько часов в обществе двух странных людей настолько меня изменили, – подумала я. – Конечно, очень просто сослаться на колдовство и... не знаю, чем угощал меня Инна-Ро, вдруг подлил какое-нибудь зелье отваги? Безрассудства, вернее... Но это было бы слишком просто!»

В любом случае, действовать наобум я не собиралась. Неизвестно, знает ли Лан о том, что случилось с моим прежним кавалером, а если да, то какие получил распоряжения на мой счет. Придется выжидать, следить за ним, за остальными, подмечая малейший жест, каждое слово, и надеяться, что меня не выставят отсюда к завтрашнему утру!

«И все же это какое-то колдовство», – сказала я себе. Даже настроение у меня было непривычным: я не сомневалась, что стану сидеть, опустив

глаза, уныло ковыряться в тарелке и бояться лишний раз шевельнуться, протянуть руку за бокалом или салфеткой, но нет, ничего подобного. Напротив, тянуло разглядывать окружающих, ловить их реакцию на свое поведение, обдумывать ее и делать выводы... Словом, заниматься всем тем, что я обычно делала в своих грезах, только теперь не в мечтах, а наяву!

И не я одна это заметила.

– Ты какая-то странная, – шепнула Делла, когда заглянула ко мне пожелать доброй ночи. Она давно этого не делала, но теперь, когда с нами не было Лиссы, вспомнила о детской привычке.

– Вот как?

– Да... Ты не заболела? Глаза блестят, и лицо... – Она коснулась моей щеки, потом лба. – Нет, жара нет, но выглядишь ты так, словно тебя лихорадит.

– Должно быть, переутомилась во время танцев, – ответила я.

– Ты обещала объяснить, что случилось, – напомнила кузина, тревожно глядя на меня. – Твой наряд... И Танн пропал. Куда он подевался?

– Откуда же мне знать?

– Тебе запретили говорить? – Делла внимательно посмотрела на меня. – Он... сделал что-то непозволительное и вынужден был уехать? А ты...

– Который раз повторяю – я не видела его после урока танцев! Он проводил меня в комнату, а перед ужином я его не дождалась, – повторила я.

– А платье?

– Было здесь, когда я пришла. Не представляю, что это означает, но, по-моему, этот оттенок идет мне намного больше того пронзительно-зеленого. – Я расправила рукав, якобы любуясь переливами ткани, а на самом деле поглядывая на кузину.

– Мне это не нравится, – резко сказала она и встала.

– Что именно? Объясни!

– По-моему, это плата за молчание, – ответила Делла и отвернулась. – И если с тобой что-то сделали и... и велели даже не упоминать об этом, богато одарили... Что там, кроме платья? Деньги? Драгоценности?

– Что?..

– Или ты надеешься, что это поможет тебе добраться до конца Испытания? Стать королевской невестой? Может быть, только его величество вряд ли возьмет в жены ту, что согласилась купить победу такой ценой!

– Делла!

– Лучше вспомни о том, что ты сама всегда говорила, когда мы спорили о старых легендах: ни один сказочный принц не стоит чести! – выпалила она и вышла прочь. Спасибо, не хлопнула дверью, притворила бесшумно.

Я не бросилась ей вслед, не попыталась переубедить, объяснить, рассказать, наконец, правду. Делла все равно не поверила бы мне. Назвала бы лгуньей... Что там, я сама не поверила бы, поведай мне кто-нибудь такую историю, решила бы, что надо мной насмеются!

– Неужели все подумали так же? – спросила я вслух и невольно вздрогнула, когда тень вспрыгнула на кровать рядом со мной и потерлась о мою руку, словно кошка. Подумаешь, лап восемь... или десять? Или это лишние хвосты? Неважно, право. – Ты-то знаешь, что это неправда, верно?

Жаль, тени не умеют мурлыкать.

Глава 18

Мне не спалось, и немудрено: мало того что я славно вздремнула в библиотеке там, в другом времени, так еще я каждый миг ожидала непрошенных гостей. Наверно, Тень (как еще было ее назвать?) могла меня предупредить, но что толку? Засов не выдержал бы, вздумай кто-то выломать дверь... Впрочем, я полагала, что до этого не дойдет. И закричать, нарушив покой остальных девушек, мне никто не позволит: если понадобится, я исчезну среди бела дня, просто не дойдя до музыкальной комнаты или класса танцев.

Незадолго до рассвета мне удалось забыться сном, но ненадолго: прозвучал утренний колокол, одновременно гулкий и звонкий. Пора было вставать.

Умываясь, – принесшая воду Ина не проронила ни слова, – я внимательно посмотрела в зеркало. Делла права, пожалуй, блеск в глазах можно принять за лихорадочный, но я вовсе не чувствовала себя больной, невзирая на бледный после бессонной ночи вид. Тени под глазами не скроешь, конечно, да и веснушки, проявившиеся во всей красе...

Я вздохнула и решила, что раз избавиться от них невозможно, придется считать это особым зернышком, пускай даже я не праздничная булочка. А кому не нравится, может смотреть на кого-нибудь более симпатичного, с гладкой кожей без отметин и не такими огненными волосами.

– Я не была настолько рыжей! – сказала я своему отражению, закалывая косу на затылке. – Нет, правда. Разве что на солнце...

Вот только ставни вовсе не открывали, – за ними выл зимний ветер, – а светильники не могли уложить мне на макушку огненный венец, как это делало летнее солнце!

«Не каждый день увидишь такую солнечную корону», – вспомнила я слова Грифона и сердито встряхнула головой. Довольно вспоминать о нем! Даже если не думать о колдовстве и прочем, достаточно осознать: как бы там ни сложилось, Грифона уже несколько веков нет в живых, неважно, умер он от старости в окружении внуков или погиб от руки предателя...

«Но ведь все осталось прежним, – пришло мне на ум. – Выходит, пока и прошлое неизменно?»

Снова раздался удар колокола. Пора было одеваться и спускаться к завтраку.

Надевать утреннее зеленое платье не хотелось. Было бы оно хоть немного менее ярким... Но как приглушить цвет? Разве что застирать ткань до блеклости, но на это времени не было.

Взгляд мой упал на Тень, примостившуюся на подушке. Сейчас она выглядела зыбкой, словно расплывшейся, полупрозрачной, как вуаль...

– А что, если приспособить тебя? – вслух подумала я.

Сказано – сделано. Правда, на меня снова подчеркнуто не обратили внимания. Быть может, потому, что сегодня мы не досчитались половины оставшихся претенденток? Или потому, что кавалеры не сели за стол, проводили нас до трапезной и откланялись?

Делла (я вздохнула с облегчением) оказалась на месте, пускай и не желала смотреть в мою сторону. А еще Идда, Тина-Санна, Мада-Норра, Ода-Летта, Каса-Онна (вот неожиданность!), ну и я – вот и все оставшиеся претендентки.

– Позвольте поздравить вас, сударыни, – проговорил распорядитель. – Второй этап позади. Осталась суцкая малость, но от нее зависит, войдете ли вы в число тех трех, из которых его величество станет выбирать невесту...

«Как так? – удивилась я. – Испытание ведь дает однозначный ответ!»

Впрочем, подумать об этом можно было позже, а пока я обратилась в слух.

– Все вы доказали, что способны вынести тяжелые испытания, – продолжал он, – все достигли совершенства в изящных искусствах, каждая по-своему. Осталось проверить, способны ли вы вынести ожидание.

– Как это? – тут же спросила Мада-Норра.

– Вы все узнаете в свой черед, – был ответ.

– А наши сопровождающие?

– Более не нужны, – ответил распорядитель, а я с трудом сдержала досадливый вздох: ведь я хотела расспросить Лана!

Делла взглянула на меня одновременно с пониманием и презрением, и я отвернулась.

Поймать взгляд Идды мне не удалось: она не поднимала глаз. Каса-Онна, напротив, поглядывала по сторонам с вызовом. На лице ее виднелась отметина, нанесенная шпилькой принцессы, но ясно было – вскоре от нее не останется и следа. Не сомневаюсь, она тоже это понимала, а потому не слишком-то расстраивалась: глаз уцелел, а прочее можно поправить с помощью косметики или даже колдовства. Либо же обратить себе на пользу: тонкая белая полоска придаст загадочности внешности Каса-Онны, а тайна, связанная со шрамом, привлечет многих и многих...

Этот этап Испытания лучше было бы назвать пыткой одиночеством. Даже горничные не разговаривали с нами. Я пыталась спросить Ину хотя бы о погоде, но она отмалчивалась.

Не происходило ровным счетом ничего, уроки отменили, все, включая пугающий застольный королевский этикет (в котором, каюсь, я путалась до сих пор). Музыкальную комнату закрыли, танцевальный зал тоже, на прогулку нас выводили ненадолго – было слишком холодно и ветрено. Оставалось только бродить по замку взад-вперед – по тем его частям, что были нам доступны, – да предаваться праздным беседам, чтобы скоротать время. Вот только никто не желал пускаться в разговоры: Делла подчеркнуто игнорировала меня, Идда – избегала, а с остальными я и прежде тесно не общалась. Могла перебраться словом-другим с Мада-Норрой или Ода-Леттой, но не более того. Они, впрочем, тяготели к Тина-Санне, которой я побаивалась, а потому вскоре я осталась в полном одиночестве.

Хотя почему – в полном? У меня была Тень. Она, конечно, не умела разговаривать, зато проказничала, как котенок: дразнить ее можно было часами, она не уставала и при этом не причиняла разрушений, как настоящее разыгравшееся животное. А еще никто не отбирал бумагу и краски, так что занятие у меня имелось. Я не отказалась бы от книг, но раз их не было, оставалось только вспоминать детские фантазии и стараться запечатлеть их на бумаге – на это уходило много времени, а мне только того и нужно было.

Почему именно детские? Наверно, тогда мечты мои были ярче и... проще, так будет верно. Я еще не знала, чем может обернуться желание стать королевой, не представляла, что такое – сказочное Испытание...

Не слышала о Грифоне.

Мысли о нем оказались хуже всего: они преследовали меня днем и ночью. Я не раз ловила себя на том, что надолго застываю, погрузившись в воспоминания (много ли их было!), и не скоро прихожу в себя.

«Что за колдовское наваждение!» – говорила я себе раз за разом, но снова и снова вынуждена была признать: это никакие не чары. Грифон поселился в моих мыслях едва ли не с первой нашей встречи, когда я приняла его за призрака... Со второй так уж точно! Слишком о многом он рассказал, заставил задуматься, сам того не желая...

«Будь честна с собой, – сказала я себе очередным долгим вечером. –

Ты хочешь увидеть его снова. И не во сне, потому что...»

Потому что даже воспоминания о Грифоне грели, как костер в зимнюю ночь. Это сейчас было нелишне, и не из-за того, что в замке по-прежнему скверно топили и по коридорам гуляли сквозняки. Просто все мы – оставшиеся участницы Испытания – словно вмерзли в лед и с каждым днем становились все менее живыми, превращались в собственные тени, в мрачные портреты, статуи с холодными и пустыми лицами...

Мне страшно было смотреть на остальных, но как я ни пыталась, не выходило поговорить с ними. Делла отворачивалась, когда видела меня. Идда не открыла дверь и даже не отозвалась, когда я постучала к ней поздним вечером... О прочих и речи не шло.

Куда только подевался мой горячий порыв – найти, расспросить, помочь! Вернее, он не исчез – просто разбился о ледяную стену равнодушия. По-моему, даже Делла старалась не вспоминать о Лиссе, что уж говорить об остальных!

Я пробовала искать кухню: подавив страх, выбиралась ночами из комнаты и бродила по коридорам, но натыкалась только на запертые двери. Я знала, что это глупо: если Лиссу увели потайным коридором, как меня тогда, то прятать ее могут где угодно. Может быть, в другом крыле замка, а может, в какой-нибудь пристройке. И что там с нею происходит, думать не хотелось... Лучше бы ее попросту отправили домой, лишенную памяти, привычки подмечать в людях худшее, острого ума и язвительности, но живую! Или нет? Ведь это уже не Лисса...

Я стала бояться засыпать. Дело было не в темноте: она меня никогда не пугала – матушка всегда говорила, что чудовища прячутся вовсе не во мраке, а в людях, и оказалась права. В конце концов, Тень обитала поблизости, послушно распластывалась на постылом дневном платье, меняя узор на зеленой ткани и ее оттенок, позволяла себя погладить, спала на моей подушке... Ей приказали быть со мной и оберегать меня, а раз обитателей мрака можно усмирить, значит, не так уж они и страшны?

Нет, не темноты я боялась... Просто, стоило заснуть, приходили сны, настолько яркие и живые, что, проснувшись, я долго не могла понять, где грезы, а где реальность. Не сумею пересказать, что творилось там – не выходит вспомнить, знаю лишь, что сны эти были исполнены солнечного света, и я просыпалась с бешено бьющимся сердцем, готовым выпрыгнуть из груди, в жару, с пылающим лицом... совсем как в тот вечер. Если это и было следствием болезни, то у нее имелось человеческое имя...

– Как глупо, – шепотом сказала я Тени, примостившейся на моих коленях. – Я всегда думала, что все истории о том, как девушка не могла

позабить случайного встречного и зачала от тоски, – суцая ерунда. И что же выходит?

Она потянулась и снова свернулась клубком.

– Я не чахну, конечно, – продолжила я. – Нет, вовсе нет! Но перестать думать о нем тоже не могу. То есть... он, конечно, не случайный встречный, он король... Нет, все же случайный... Что за чушь я несу!

Тень, по-моему, ухмыльнулась. Кошки тоже умеют строить гримасы, но по их мордочкам хоть что-то можно понять, а тут... просто черная клякса, поди разбери, улыбается она или скалится?

– Зачем он меня приворожил? – совсем неслышно спросила я, и Тень изогнулась, вцепившись всеми лапками (я уже отчаялась их пересчитать) в мои колени. – Хочешь сказать, он не нарочно? Я сама виновата, да? Что ж, похоже на то... Делла права: нужно было читать меньше сказок.

«Я же не считала его сказочным принцем, – подумала я. – Он казался мне сумасшедшим. Разве можно взять и – да, Тесса, называй вещи своими именами! – влюбиться в умалишенного? Неужели ты не встречала других молодых людей? Нормальных, порядочных?»

«Встречала, конечно же, – ответила я сама себе. – Только они не вызывали у меня ничего, кроме скуки». Суцая правда: кое-кто был красивее Грифона, кто-то – намного любезнее и обходительнее, всех их родители рассматривали как возможных претендентов на мою руку, только... Ни один мне не снился.

И до чего глупо вышло! Он привык к девушкам более свободных нравов, я перепугалась насмерть, а теперь... даже не объяснишь, в чем было дело. Да и что бы я ему сказала? «Сударь, вы были слишком откровенны в своих поступках, у нас принято ухаживать полгода, прежде чем осмелиться поцеловать руку, и то в присутствии моих родителей?» Наверно, он прислушался бы... Во всяком случае, мне хотелось в это верить. Только у нас не было полгода... Вообще ничего не было и быть не могло, потому что мы родились в разных мирах! И я больше никогда его не увижу, разве только во сне...

– Что? – очнулась я. Тень царапала меня двумя левыми лапками сразу, потом спрыгнула с колен и метнулась к двери, застыла возле нее сгустком темноты. – Куда ты меня зовешь? Хочешь показать что-то?

Неважно, это было лучше, чем сидеть взаперти. Я и по коридорам бродила теперь, не столько рассчитывая отыскать темницу Лиссы, сколько надеясь, что меня застанут и отправят наконец прочь из замка! И тогда, наверно, я смогу жить, как все люди, не помнить ни о чем странном и не видеть снов...

Я даже одеваться не стала – вышла, как была, в одном нижнем платье, невзирая на холод, только накинула на плечи шарф, тот самый – он вернулся со мной. И подвеску с солнечным ликом повесила на шею – с ней не было страшно.

– Указывай дорогу, – шепнула я Тени, и она побежала вперед, то и дело замирая и дожидаясь меня.

Она никогда не отходила далеко, и мне казалось, будто она опасается здешних теней, куда более сильных и опасных. Я ведь не могла защитить ее, случись что, только спрятать в складках подола...

Я скоро поняла, куда ведет коридор, смутно знакомый, но не отмеченный на моей самодельной карте – от нечего делать я составляла план замка. Сложно было не понять, где я оказалась, если Тень от избытка чувств вдруг взбежала на стену, пронеслась галопом вперед, слилась с какой-то незнакомой тенью, вновь вернулась ко мне и принялась описывать круги и спирали!

«Наверно, она скучала по дому, – подумала я, – а ее заставили следить за человеком. Вот уж интересное занятие!»

Несложные мысли отвлекали меня ровно до тех пор, пока я не заметила еще одну тень – большую, неподвижную, в отличие от остальных.

– Это вы? – шепотом спросила я и попятилась, когда Грифон показался на свет, настолько он изменился. – Правда?

– Кто же еще станет бродить здесь по ночам? – ответил он. – Ну же, что не так?

– Вы какой-то другой, – честно ответила я. – Может быть, это обман? Чужое колдовство?

Мне не верилось в это: вряд ли Тень стала бы ластиться к чужаку, как к любимому хозяину, и все же...

– Я никак не докажу обратного, – сказал он. – Но можешь меня потрогать, я настоящий.

– Вы словно стали старше.

– Все так говорят, а я просто устал... – Грифон протянул мне руки. – И солнце не греет.

– Почему? – Я сделала шаг навстречу. Хотелось броситься вперед со всех ног, но я медлила.

– Не знаю. Если я скажу, что ты забрала его с собой, ты решишь, будто я украл эти слова у древних поэтов, – улыбнулся он.

– Но я и вправду забрала... – Ладонь моя легла на амулет его матери.

– Это всего лишь безделушка, – сказал Грифон. – Она очень дорога мне, но она не колдовская. Дело вовсе не в этом кусочке золота.

Я стояла в кольце его рук. Немыслимо странное ощущение – он не прикасался ко мне, хотя мог, я ощущала его тепло, я... застыла, как бабочка, в янтаре его взгляда.

– Солнце у нас совсем не светит, звезд не видно, такие тучи, – выговорила я наконец и притронулась к нему. – Как хорошо...

– У тебя руки холодные, – ответил Грифон. – Что с тобой сделали?

– Ничего. Просто... третий этап, – ответила я, непроизвольно разглаживая ткань у него на груди, напротив сердца, там, где сияло вышитое золотом солнце. – Испытание одиночеством. Я... я его не боюсь. Я умею придумывать всякое, но только... о чем бы я ни думала, мысли сворачивают на одно и то же... Зачем вы это сделали?!

– Решил пощутить. Не сдержался. Захотелось. Все звучит одинаково скверно, правда?

Я кивнула и открыла было рот, но он не дал мне заговорить:

– Сам знаю, как выгляжу со стороны. Но я подумал: лгать такой девушке, будто влюбился с первого взгляда, еще хуже, чем урвать поцелуй без спроса. Я знал, что в твоих краях и временах девушки не позволяют себе ничего подобного до замужества, но закрыл на это глаза. Это низко с моей стороны.

– С первого? – зачем-то переспросила я.

– Нет, конечно же, – серьезно сказал Грифон. – Тогда я тебя и не рассмотрел толком, я вообще мало что различал – в глазах было темно. Наверно, со второго. Или даже третьего... Знаешь, при дворе есть рыжие, но они совсем не такие. Наверно, все дело в веснушках. Или в глазах. Или еще в чем-то, я так и не сумел понять, зато никак не мог забыть... Мне жаль, что я напугал тебя.

– Вовсе нет...

– Я же чувствовал. Поначалу ты растерялась, а потом... – он покачал головой. – Страх и отвращение ни с чем не путаешь.

– Вы действительно повели себя неожиданно, – перебила я, призвав на помощь все свое хладнокровие. – Я не ожидала ничего подобного и растерялась, не представляя, как реагировать. Но, наверно, если бы я не просто испугалась от неожиданности, а действительно испытывала к вам неприязнь и даже отвращение, то не пришла бы сюда снова, не так ли?

«Не видела бы снов, не думала о тебе днем и ночью, не вспоминала, не изображала раз за разом твое лицо на бумаге, чтобы сразу же отправить рисунок в огонь!»

– Тебя бы посланником куда-нибудь отправить, цены бы тебе не было, – после долгой паузы произнес Грифон. – Если у вас все выражаются

вот этак, то...

Наверно, он хотел посочувствовать моим современникам, но я, уже привычно привстав на цыпочки, дотянулась до краешка его рта, и слова остались несказанными. И я отбросила ту стыдливость, о которой мне твердили едва ли не с самого рождения, задвинула ширмой уголок, оставив в нем тетушку с матушкой ужасаться моему поведению. Зачем думать о том, что может когда-нибудь случиться, о том, что я, наверно, выйду замуж за достойного человека и стану ему примерной женой, если... если в моей жизни уже никогда не будет Грифона?

Все теперь вышло иначе – он едва притрагивался губами к моим, короткими, почти невесомыми поцелуями, вынуждая тянуться к нему, выше и выше, пока не закружилась голова. Воздуха не хватало, все тело горело, почти как во сне, только... только теперь руки Грифона мне не грезились, одновременно грубоватые и нежные... На этот раз он не торопился.

Это было все равно что прыгнуть в холодный омут с дедовых плеч – невозможно страшно! И в то же время бояться получалось только понарошку, ведь я знала, что он не позволит захлебнуться и пойти ко дну, подхватит и поднимет к воздуху и солнцу... Я совсем позабыла это чувство.

* * *

Меня разбудил солнечный зайчик, устроившийся на носу, а еще Тень, вздумавшая согнать незваного гостя. Спасибо, у нее не было когтей, иначе я обзавелась бы отметиной на зависть Каса-Онне...

«Как обычно, – сказала я себе, – ты думаешь о какой угодно ерунде, только не о том, что действительно важно!»

Прямо перед глазами у меня было плечо Грифона, перечеркнутое свежим шрамом – розовая полоска заметно выделялась на загорелой коже. Так-то он вовсе не смуглый (у меня была возможность в этом убедиться), просто не любит бывать под крышей, а солнце его любит – кого другого зацеловало бы до ожогов и красных пятен, а его лишь немного опалило.

Я взглянула выше – подвеска с солнечным ликом затерялась между нами и лишь изредка взблескивала, будто светило утомилось. Грифон спал, лишь ресницы вздрагивали и лоб едва заметно хмурился, когда ветерок из распахнутого настежь окна ерошил и без того растрепанные волосы. Можно было убрать эту прядь у него со лба, но у меня не получалось

пошевелинуться. Да и не хотелось, если честно.

Грифон не преувеличивал: на его кровати в самом деле было тесно вдвоем. Ну, если только не прижиматься друг к другу.

Как мы здесь оказались, я не помнила. Все смешалось, и я не была уверена, что хочу распутывать этот клубок, а думать о своем поведении – тем более. Сожалеть о чем-то я уж точно не собиралась, разве только о том, что уже наступило утро, и скоро Грифона призовут дела, и нам придется...

Придется объясняться. Что-то говорить, и я даже знала, какие именно слова произнесет он, и что отвечу я. Вот только мне не хотелось проверять, правильной ли окажется моя догадка. И совсем не хотелось знать, правду ли сказал Грифон о том, что не мог меня забыть, а главное – почему. Может быть, он сам искренне верил в это, но что толку?

Глупо, должно быть, но мне казалось, что я по-прежнему в сказке, и что угодно может разрушить наваждение. Стоит Грифону открыть глаза и произнести хоть слово, как чары спадут, и окажется, что все осталось по-прежнему: его ждут заботы, меня – неоконченное Испытание, из которого я выйду... Наверно, уже не собой. Странно, но это меня не пугало. Я думала только о том, что жаль будет позабыть обо всем... с другой стороны, если я лишусь памяти, то не стану тосковать о несбывшемся. И, наверно, это лучший выход...

«Сказки нужно заканчивать правильно», – говорила кормилица, и теперь я с ней согласилась: иногда не нужно знать, что случилось с героями после слов «и жили долго и счастливо». Тем более в нашей сказке и такого не случится. Нет, возможно, прошлое все-таки переменится, и Грифон не погибнет молодым, а я найду свое счастье с достойным избранником, вот только это будет уже совсем другая история. У каждого своя, общей нам не положено.

Грифон не проснулся, когда я потихоньку выбралась из-под его руки. Не шелохнулся даже, будто спал заколдованным сном... или просто слишком устал за последние дни. Даже если он привык бодрствовать сутками, все равно...

Сборы заняли считанные минуты, и я замерла на пороге. Уходить, не попрощавшись, – попросту недостойно, но как же быть? Оставить записку? Еще того не лучше, это отдает скверными романами... да и что я могу написать? В нескольких словах не выразить всех мыслей и чувств, а если я примусь писать длинное послание, то закончу как раз к вечеру. К тому моменту Грифон неминуемо проснется, и объяснений не избежать.

Я все же нашла на столе его записную книжку – ту самую, в обложке из резной кости, грифель, отыскала чистую страницу и как могла быстро

набросала его портрет, таким, каким видела его сейчас – крепко спящим и, похоже, не видящим во сне ничего дурного. И себя нарисовала возле его плеча, а потом смазала этот рисунок так, что штрихи, и без того лишь слегка намеченные, сделались и вовсе едва различимы. Надеюсь, он поймет... Хотя нет, тут же решила я и вырвала листок. Этот рисунок я оставлю себе, уж придумаю как спрятать. А для него...

На этот раз я нарисовала грифона, крылатого зверя с королевского герба, только в лапах у него не было меча – он обнимал ими солнце. И оно, уверена, ни капли его не обжигало...

На руку мне капнула слеза, и я поспешила утереть глаза. Если рисунок еще и намокнет, на нем точно никто ничего не разберет. Разве что Инна-Ро, на то он и чародей!

Глупые мысли лучше всего отвлекают от по-настоящему серьезных и даже страшных, но на сей раз это не помогало. Нужно было уходить, но... Грифон ведь догонит меня, если захочет, мне от него не уйти, а скрыться я могу только в своем времени. В своем мире, в котором мне предстоит как-то выполнить предназначенное. Не знаю, получится ли у меня, но я постараюсь. Старая Птица ведь тоже осталась один на один с Врагом, и ей наверняка было страшно. И меч она научилась держать не сразу: Грифон же сказал – для этого ей пришлось отрастить еще одну пару лап. И еще... Он говорил: Старая Птица оставила сердце дома. А мне как разделить его на части?..

Не о том я думаю! Пускай на этот раз Враг не проявил себя, как в далеком прошлом, и солнце осталось на прежнем месте, все равно он творит что-то странное и скверное, пускай и человеческими руками. Да, я не Старая Птица, у меня даже меча нет, но и Враг заметно ослабел с момента последней битвы. Вот, старается набраться сил... Значит, нельзя позволить ему это сделать, иначе... Что случится тогда? Инна-Ро так и не объяснил толком!

Словно в ответ на мои мысли дверь неслышно отворилась, и на пороге показался старик. Я шарахнулась прочь от стола, едва не обрушив на пол стопку книг, и он, сердито нахмурившись, поманил меня к себе.

Я оглянулась на Грифона, но Инна-Ро уже цепко взял меня за запястье и увлек прочь из комнаты, вовсе не заботясь о том, шумно это вышло или не слишком.

– Он не проснется, – негромко сказал он, отвечая на мои невысказанные мысли, и удержал, когда я невольно дернулась после его слов. – Не пугайся так! Я имею в виду: наши шаги Раннара не разбудят. А выпастись ему не помешает... Идем.

В уже знакомой комнате старый чародей указал мне на кресло, а сам принялся колдовать над чайничком с тчи, над которым поднимался ароматный пар.

– Не стану спрашивать, зачем ты это сделала, – сказал наконец Инна-Ро. – Юным девицам часто приходят в голову разные глупости. Впрочем, почему глупости? Когда же еще заниматься подобным, как не в твоём возрасте?

Я промолчала.

– Спрошу иначе, – продолжил он. – Ты знаешь, что намерена делать дальше?

Я лишь беспомощно пожала плечами, но потом все же собралась с силами и ответила:

– Я думала, что больше не должна возвращаться. И что мне придется все-таки справиться... с Врагом. Раз уж больше некому...

– А ты бы хотела, чтобы прекрасные рыцари из прошлого явились и спасли всех вас? – усмехнулся Инна-Ро и подал мне исходящую паром чашку. – Решилась, значит. Хорошо.

– Что же тут хорошего, если я даже не знаю, что происходит!

– Почему же не знаешь? Ты сама говорила: жертвоприношение, не первое и, надо полагать, не последнее. Если, конечно, не положить этому конец.

– Как? – только и спросила я. – Ведь Врага нельзя убить, разве нет?

Инна-Ро помолчал, отхлебывая из своей чашки. Я тоже попробовала напиток – он снова оказался иным, горьким и терпким, и пряным, но в голове от него прояснилось, а переживания мои словно отошли в тень.

– Врага убить нельзя, – повторил он наконец мои слова. – Но можно уничтожить его физическое вместилище.

– Вы говорите... об убийстве? И не кого-нибудь, а... самого короля?

– Чем он отличается от прочих смертных? – усмехнулся Инна-Ро. – Что так побледнела? Хочешь сказать, тебе никогда не приходилось проливать чужую кровь? Ничего, это не сложно, если умеючи...

– Но я как раз не умею!

– То есть тебя волнует не то, что придется убить вашего правителя, а то, что ты можешь не справиться? Похвально...

– Это не смешно, – выговорила я и залпом допила тчи, уже не чувствуя вкуса.

– Я и не смеюсь, Тесса из Гаррата, – ответил Инна-Ро и подлил мне еще. – Я размышляю, как бы устроить все таким образом, чтобы подвергнуть тебя как можно меньшей опасности. Помолчи пока. И умойся,

у тебя разводы от слез на щеках.

Я послушалась, но тут же не выдержала и спросила:

– Неужели нет возможности просто изгнать Врага? Не убивая Дар-Аррона?

– Есть. Только для этого нужно быть могущественным чародеем.

– Как вы?

– Сильнее. Сомневаюсь, что в ваше время, даже если собрать десяток чародеев и заставить их действовать сообща, что само по себе непросто, получится нечто путное.

Он помолчал, хмуря брови, потом сказал:

– Нам неизвестно, когда и каким образом Враг снова проник к людям. Я могу лишь предполагать. Он всегда был мастером заключать сделки, в которых человек и не заподозрит подвоха, а когда поймет, на что согласился, окажется уже слишком поздно. Расторгнуть сделку с Врагом невозможно.

– Я догадываюсь, когда это случилось, – сглотнув горечь во рту, произнесла я.

– И я. Очевидно, Аллор отчаялся завладеть тронном обычным человеческим путем, – кивнул Инна-Ро. – Представляю его ярость и горечь разочарования: корона замерла над его головой, еще немного, и она опустилась бы ему на темечко... Но, увы, этого не случилось.

– Может быть, это он подстроил плен отца Раннара? И... все остальное тоже?

– Вряд ли, для этого он слишком осторожен. А вот воспользоваться сложившейся ситуацией – это вполне в его духе. Его руки не замараны, – сказал старик, – я проверял. Он всего лишь ухватил за хвост птицу удачи, а это, знаешь ли, не возбраняется... Вот только у птицы оказались огненные перья, и она оставила охотника с обожженными ладонями и тоской о несбывшемся.

– И он не смог смириться?

– Должно быть, так. К таким людям – упустившим то, что уже считали своим, – Враг приходит с особенной охотой. Им так мало нужно для того, чтобы согласиться на его условия!

– Получается, Аллор заключил с Врагом сделку, – сказала я, – для того, чтобы избавиться от Раннара, последнего из прямых потомков Старой Птицы. И еще... Раннар не сумел вспомнить, приносил ли ему Аллор кровную клятву!

– И не сказал об этом мне! – всплеснул руками старик, в точности как моя кормилица. – Впрочем, это лишь доказывает, что родственник его уже

под властью Врага.

– Неужели уже тогда...

– Момент был самый что ни на есть подходящий... Да, сходится, – кивнул он каким-то своим мыслям. – Представь себе разочарование Аллора, вынужденного склониться перед сопляком, назвать его своим королем... Он был открыт для Врага.

– Но почему они не убили Раннара, пока тот был ребенком?

– Понятия не имею. Скорее всего, осторожность Аллора взяла верх над жаждой власти. Неужто он не понимал, на кого первого падет подозрение, случись что с мальчиком! Вдобавок с Раннара тогда глаз не спускали: шутка ли, счастливо вернувшийся из погибельного плена юный король... Такое даже в сказках нечасто случается. Нет, Аллор решил выждать, пока страсти не улягутся. Вдобавок не исключаю, что ему вовсе не хотелось возиться и восстанавливать королевство из руин, да еще конфликтовать с Дзейли... а серьезные проблемы я ему непременно устроил бы! Получить процветающее государство с налаженными связями – другое дело.

– Как же он первый раз-то решился? Тогда ведь страна была разрушена, и...

– Не сравнивай, девушка! Подобрать упавшую, ничейную корону или снять ее с трупа короля-мальчика – совсем разные вещи, согласись. В первом случае выгоды перевешивали вынужденные неудобства, во втором – нет.

Я кивнула: ход его мысли был мне понятен.

– То есть теперь страсти немного улеглись, в Караде все хорошо? Как раз наступил подходящий момент: Раннар повзрослел и уже не овеян ореолом чудесного спасения, при этом еще не успел жениться и обзавестись наследниками...

– Именно так. Еще и звезда эта, чтобы ей с неба упасть, знаменует всяческие перемены. Удобно, согласись?

– Но как же Ивенна? Может, Аллор о ней вовсе не знает, но вы-то наверняка учли ее в своих рассуждениях!

– Девушку, и не подозревавшую о своем происхождении, легко выдать замуж за удобного человека. Можно даже дать ему ее родовое имя – якобы ради сохранения древней крови, – спокойно ответил Инна-Ро. – Это немного успокоит народ, тоже нелишне...

– Но Раннар сказал, даже если он погибнет, трон должна занять его сестра!

– Так-то оно так, да кто же ей это позволит?

– Что, и у него нет верных людей? Вы же говорили о советниках, о прочих...

– Наивная девушка, – ласково произнес старик, – поверь, горстка верных людей не сумеет удержать на троне никому не известную якобы сестру покойного короля. Мы еще даже не знаем, жива ли она, или же твоя Идда ведет род от какого-нибудь самозванца! А если жива, то неизвестно, где росла Ивенна и какой стала. Я повторю твою собственную мысль, прислушайся, как это звучит! Если бы тебе пришлось выбирать между дальним родственником предательски убитого правителя, взрослым, разумным, прекрасно образованным человеком, однажды уже спасшим страну от хаоса, и никому не известной девицей, которая, вполне вероятно, даже не знает грамоты и вытирает нос кулаком, кому бы ты отдала предпочтение?

Я не нашлась с ответом.

– А теперь вернемся к главному, – сказал он. – Судя по тому, насколько извращена суть Королевского Испытания, целью Врага было именно оно. Я даже могу представить общую суть договоренности: новый король поклялся следовать старинному обычаю, пускай даже без женитьбы на той, кто пройдет Испытание до конца. Поклялся за себя и всех своих потомков, дурачок...

– Наверно, так, – кивнула я. – И отказаться они не могут, верно?

– Могут, только долго после этого не проживут. Впрочем, какая Врагу разница? Освободившееся место тотчас займет более сговорчивый родственник отступника и ублажит подателя земных благ.

– Тогда я не понимаю, какой смысл убивать Дар-Аррона!

– Не беги впереди лошади, девушка. Я еще не добрался до этого, а ты уже... – Инна-Ро покачал головой. – Нетерпеливая, как все юнцы!

Он сделал глоток тчи, посмаковал напиток и продолжил:

– Враг нечасто занимает чье-то тело. Ему внутри человека неудобно, слишком тесно – все равно как если бы ты нацепила чужие туфли.

– Но ведь говорят, что он всегда рядом...

– Сама же сказала – рядом! – перебил Инна-Ро. – Но вот в тех, кто пообещал ему многое, Враг может и вселиться. Ненадолго, только до тех пор, покуда не получит лакомый кусок.

– Вы имеете в виду, во время Испытания... он в Дар-Арроне?

– Именно! И только тогда он уязвим! Становится возможно не убить Врага, но разрушить его связь с человеком...

– А как же его кровные родственники? – перебила я.

– Им уже ничто не будет угрожать, – ответил Инна-Ро, – если, конечно,

они сами не окажутся настолько глупы, чтобы повторить сомнительный подвиг своего предка.

– Им и девушкам, которые...

– Те, что уже пострадали, вряд ли станут прежними. И об Испытании, скорее всего, люди позабудут спустя какое-то время, но тут уж ничего не поделаешь. Все проходит, все меняется.

Он умолк, молчала и я. Сложенный листок с рисунком, который я спрятала на груди, кололся уголками и норовил провалиться ниже, того и гляди вовсе выпадет... Я прижала его рукой, а старик, наверно, воспринял этот жест по-своему, потому что спросил:

– Ну что, Тесса из Гаррата, рискнешь вмешаться или оставишь все по-прежнему?

– Рискну, – ответила я. – Только объясните, что я должна сделать?

– Самое сложное, – заговорил Инна-Ро, будто ни мгновения не сомневался в моей согласии и давно уже заготовил речь, – это пронести с собой оружие.

– Я даже не умею им пользоваться!

– От тебя не требуется вырезать Дар-Аррону сердце или отсекал голову, – проворчал старик, – и даже перерезать горло не обязательно. Главное – оружие должно отворить ему кровь. Пролить ее, если угодно.

– Может, мне одолжить шпильку у Идды? – неуклюже пошутила я.

– Хорошая мысль, только поздно ты об этом подумала. Оружие нужно непростое...

– Колдовское?

– Почти. Это, правда, уже дзейлинские обычаи, но что-то мне подсказывает, суть одинакова. Оружие мести, – сказал Инна-Ро, – нужно окропить кровью того, кто этой самой мести взыщет, или его ближайшего кровного родственника. У нас хранятся ритуальные кинжалы, некогда омоченные в крови патриархов семейств, на случай, если вдруг понадобятся, а никого из взрослых людей, способных свершить мечь, не останется. Или даже придется поручить дело наемному убийце...

– Но как же я могу мстить за Раннара, если я ему никаким образом не родня? – задала я глупый вопрос.

– Чем ты слушала, спрашивается? – мрачно спросил он. – Разумеется, твоя кровь не годится! И я уж думал прокрасться к ложу Раннара и оцарапать его, да вовремя вспомнил о перочинном ножике – он часто резал им пальцы, когда учился писать красиво и изводил десятки перьев. Само собой, очинять их приходилось самому – не всякий слуга сумеет приноровиться... Гхм! Неважно. Вот он.

Инна-Ро вынул из широкого рукава (я подумала, что у него там прячутся карманы) крохотный ножичек, длиной не больше моего указательного пальца.

«Вы смеетесь?» – хотелось мне вскричать, но я сдержалась и взяла безделушку. Маленькое лезвие сверкнуло, когда я повернула его к свету.

– Не порежься, – сказал Инна-Ро.

– Постараюсь, – ответила я, сложила ножик и сжала в руке.

Такой маленький... Можно укрыть его в прическе, а можно привязать, как подвеску Раннара, на шнурок и спрятать под платьем. Но если станут обыскивать, то найдут... Ничего, я придумаю что-нибудь!

– Вот и все, – произнес старик и поднялся на ноги. – Жаль, что я больше не увижу тебя, Тесса из Гаррата. И Раннар станет тосковать.

– Скажите ему, не нужно... – Я вздохнула поглубже. – И передайте, что я... что...

– Ну же?

– Ничего не говорите, – твердо сказала я. – Он сам все поймет.

«Во всяком случае, я на это надеюсь», – мелькнуло в голове.

– Хорошо, – кивнул Инна-Ро, – будь по-твоему. А теперь идем, я тебя провожу хотя бы до полпути.

– Не стоит, право, я помню дорогу, – ответила я и вышла, не прощаясь. Слезы были уже рядом, грозили прорваться, и мне не хотелось, чтобы старый чародей стал свидетелем моей слабости...

Тень путалась под ногами и цеплялась за подол, словно надеясь меня остановить, вернуть назад, но наконец смирилась и покорно засемила рядом, почти ничем не отличаясь от теней обычных. И правильно – я вернулась в ту часть замка, где они вели себя как полагается. Как дошла – не помню, кажется, проплакала всю дорогу... Наверно, Тень и проводила.

– Тесса? Где ты была? – услышала я голос Деллы и приготовилась выдумывать оправдания, но раздражение в ее голосе тут же сменилось ужасом: – Что с тобой случилось?..

Я невольно взглянула на себя ее глазами: лицо опухло от слез, волосы перепутаны и кое-как скручены в пучок (не до причесок мне было!), несчастное нижнее платье порядком измято, вдобавок я, кажется, собрала подолом всю пыль и паутину в потайном коридоре... Не хватало только синяков, но чего не было, того не было: хотя все тело болело, как после долгой езды верхом, следов на мне не осталось. Грифон не лгал: королевское прикосновение действительно излечивает...

И что я могла ответить Делле? Только не правду! Поэтому я поступила, пожалуй, самым ожидаемым образом: разрыдалась на груди у

кузины.

– Ты... кто тебя... – попыталась она выговорить, но умолкла и обняла меня. – Неужели...

– Я искала Лиссу, – выговорила я. – Давай... давай войдем...

Делла молча толкнула дверь моей комнаты. Все-таки одного у старшей кузины не отнять: она умеет вовремя замолчать и не задавать вопросов, на которые очевидно не получит ответа сию же минуту...

Глава 19

Кузина ушла от меня только рано поутру, убедившись, что я цела и невредима, только сильно напугана. Я рассказала ей совершенно фантастическую историю о том, как по обмолвкам Лана заключила – Лиссу вовсе не отправили домой, а заперли где-то в замке! Быть может, не ее одну, но до других мне дела не было, а вот кузина...

– Почему ты ничего не сказала мне! – перебила Делла.

– Неужели бы ты поверила? – резонно возразила я. – Ты всегда говорила, что я склонна к фантазиям, и только высмеяла бы меня!

– И ты решила проверить все сама...

– Да, так все и было... Только я ничего и никого не находила...

– А как же платье? Откуда оно взялось? – тут же напомнила Делла.

– Клянусь, оно ждало меня в этой комнате! – не дрогнув, солгала я. – Даже если это чей-то знак внимания, я понятия не имею, чей именно... К нему, знаешь ли, не приложили записку! И если бы я думала, что это именно подарок, то не стала бы надевать его!

– Хорошо, хорошо... И что же случилось сегодня ночью? – поспешила спросить кузина.

«Кажется, поверила, – отметила я. – Вот и хорошо!» Что поделывать, врать я толком не умела, меня всегда выдавали мелочи. Но в этот раз, похоже, все получилось...

– Я забрела в коридор, где прежде никогда не бывала, – шепотом ответила я. – В нем даже светильников почти не было, и я подумала, что там ходят очень редко...

– И решила, конечно же, что пленниц станут держать именно там! – покачала головой Делла.

– Да... Я хотела только взглянуть, а может быть, услышать что-нибудь, но... попалась...

– Какое безрассудство! – Кузина взяла меня за обе руки, пристально посмотрела в глаза и в который раз спросила: – Тебе действительно не сделали ничего дурного? Ох... что я несусь, право слово! Будто раздеть порядочную девушку до исподнего – это сущая ерунда...

– Но это в самом деле ерунда, – сказала я. – По сравнению с тем, что могло случиться... Не могу передать тебе, какие чувства я испытывала в те минуты! Я уже мысленно попрощалась с родными, потому что... потому что если бы меня опозорили, я бы...

– Нет, нет, молчи! – воскликнула Делла. – Хвала Вернувшемуся, ничего не случилось!

Я впервые услышала такие слова из уст старшей кузины, а потому удивилась. Я ведь говорила: дедушка не любит подобного, и при нем не принято обсуждать «божественное», послушаться же его никто не смеет. Выходит, потихоньку тетушка все-таки обучала дочерей тому, что было под запретом у нас в доме? Ох, не о том я думаю...

– Почему же они только пошутили над тобой, если можно назвать подобное изуверство шуткой, а не закрыли где-нибудь, чтобы с утра отправить домой? – задала она наконец вопрос, которого я давно ожидала.

– По-моему, они были пьяны. До такой степени, что утратили представление о приличиях, однако еще не до такой, чтобы отринуть их вовсе. Может быть, не подумали... Право, не знаю, Делла! Надеюсь, они ничего не вспомнят поутру.

– Ты сможешь узнать их, если увидишь?

– Вряд ли, – покачала я головой. – Говорю же, там было темно. А голоса... Нет, это точно не был кто-то из наших с тобой кавалеров, но я не поручусь за спутников остальных девушек, я ведь почти не общалась с ними.

Делла помолчала, потом спохватилась:

– Платье, Тесса!

– Что с ним?

– По нему тебя смогут опознать! Они похожи, конечно, но нам подгоняли их по фигурам, и...

Это было слабым местом в моей истории, но я тут же придумала выход:

– Не переживай, я надела рабочую одежду, когда отправилась на поиски. В ней удобнее и в темноте не так заметно.

Делла выдохнула с явным облегчением.

– Может, они приняли тебя за служанку?

– Тогда бы я так легко не отделалась. Впрочем, кто разберет... Главное, по той коричневой тряпке меня сложно будет отыскать! Ну если только никто не станет пересчитывать наши платья, – добавила я. – Но я всегда могу сказать, что именно это мне настолько опротивело и до такой степени пропахло навозом, что я сожгла его в кухонной печи!

– Лучше – изорвала и выбросила в окно, – посоветовала Делла. – На кухне всегда кто-нибудь есть, тебя бы заметили. А ветер мог унести тряпки куда угодно.

– Пускай будет так, – согласилась я.

– Зачем мы вообще придумываем оправдания? – спросила вдруг она. – Почему бы нам не попроситься домой?

– Безо всякой причины? Это будет выглядеть подозрительно. Но ты, если вдруг и я исчезну, немедленно отправляйся назад. Не вздумай идти по моим стопам. Я надеюсь, что все обойдется, конечно, и что Лиссу действительно отослали прочь, а остальное – лишь мои выдумки, но...

Делла покачала головой.

– Когда ты успела сделаться такой рассудительной?

– Порой бывает достаточно нескольких минут, чтобы сильно перемениться, – ответила я. – А теперь иди к себе, поспи хотя бы час-другой.

– Может быть, лучше посидеть с тобой? Расчесать тебе волосы – тебе всегда это нравилось...

– Не нужно, я сама справлюсь. И обещаю, я больше не буду искать приключений на свою голову! – заверила я. – Знаешь, как говорят: пуганая птица куста боится... Это про меня.

– Никогда не слышала, – вздохнула Делла и все-таки встала. – Ну что ж... Ты тоже постарайся вздремнуть. Ты выглядишь...

– Как?

– Странно, – помолчав, ответила она. – И это не только следствие испуга. Напугавшись, ты бледнеешь, я сколько раз это видела, но теперь... Право, если бы я не знала, что на дворе зима, то решила бы, будто ты вышла на солнце с непокрытой головой!

– Что, всю обсыпало? – удивилась я, взглянув на свои руки и плечи. Вроде бы веснушек больше не стало.

– Нет, просто лицо у тебя... словно обветрилось, – произнесла наконец Делла. – Не сильно, но ты выглядишь, как после долгой прогулки. И румянец... Тебя не лихорадит? Ты могла простудиться в том коридоре!

– Вовсе нет, – уверила я. – Я ничего странного не чувствую. А лицо горит потому... потому что я надавала себе пощечин, чтобы прекратить истерику! Согласись: нужно было скорее убежать оттуда, а не биться в рыданиях... Этим можно заняться в спальне!

– Ну конечно, – с непонятным выражением сказала кузина. – И все-таки ложись поскорее в постель. Руки у тебя очень горячие, мне это не нравится... Если почувствуешь себя дурно, немедленно скажи мне, поняла?

Я кивнула, с большим облегчением заперла за Деллой дверь и зачем-то посмотрела на свои ладони.

Руки горячие, вот как? Грифон говорил, что они у меня холодные. По сравнению с его – так и вовсе ледяные. А еще, вспомнила я, у Идды тоже

словно начался жар во время того странного разговора. Я подумала тогда, что в нее вселился дух Старой Птицы... Вот только во мне-то ему что делать? С другой стороны, кто знает, может, и в моих жилах есть толика ее крови? Поди узнай, с кем роднились правители Карада на протяжении столетий, кто мог оказаться среди моих предков...

О том, чтобы уснуть, и речи не шло: остаток ночи я шила. Вспомнила, как Инна-Ро вынул нож из рукава, свои мысли о потайных карманах, вот и решила сделать себе такие же. У платьев рукава недостаточно свободные, не хватит места, чтобы спрятать даже такую небольшую вещицу, а вот в лифе его достаточно, особенно если исхитриться аккуратно распороть шов, а потом уже соорудить тайник... Наверно, у меня получилось не слишком аккуратно, но, главное, снаружи ничего заметно не было (я проверила перед зеркалом), вынуть нож я могла быстро, а что еще нужно? Правда, на время переодевания придется прятать его в волосах – я попробовала сделать это, получилось. Надолго укрыть так вещицу не получится – достаточно резкого движения, чтобы она выпала, – но на время переодевания, когда рядом служанки, сойдет.

Вот подвеску оставалось прятать под одеждой или, опять-таки, в волосах. Если надеть вещицу на прочный шнурок вместо цепочки и надежно вплести его в косу, то я ее точно не потеряю, вот только и быстро вытащить не смогу. С другой стороны, я с трудом могла представить ситуацию, в которой мне придется это делать, поэтому, поколебавшись, все-таки выполнила задуманное. На худой конец, если вдруг меня станут причесывать горничная, можно сказать, что это подарок кормилицы, а то и семейный оберег. Участницам Испытания запрещены украшения, верно? Ну так я не нарушала правила, не носила подвеску на виду. Оружия нам тоже не полагалось, однако Идда успешно пронесла его с собой, и пускай оно имело вид шпильки, но оказалось далеко не безобидным!

Закончив, я еще раз умылась холодной водой, чтобы смыть следы усталости, и пристально взглянула в зеркало. Обычно после бессонной ночи у меня появляются темные круги под глазами (по ним матушка безошибочно определяла, спала я или тайком читала при огарке свечи), но не в этот раз. Лицо немного осунулось, из-за чего глаза стали казаться больше, но и только. А еще – тут Делла оказалась права – я будто провела под открытым небом целый день, да не нынешний, а летний, солнечный. И не в веснушках дело – они словно поблекли, хотя никуда не исчезли, а в том, что зимней изысканной бледности как не бывало! Такого не случалось, даже когда нам приходилось стирать на реке или работать во дворе и лица обветривались на холоде.

Не только лица коснулись эти перемены, и я догадывалась, в чем тут дело. Солнце не может не опалить, даже если в его силах не обжечь того, кто окажется с ним рядом...

Я распахнула ставни, впустив в комнату морозный воздух. Светать еще не начало. Ветер утих, тучи рассеялись, и блуждающая звезда была видна во всей красе – она сияла точно посередине Венца, украшения, достойного сказочной Королевы ночи... Получается, эта звезда сейчас в зените, но еще немного, и она начнет тускнеть, а потом совсем исчезнет. И, значит, если что-то должно свершиться, то случится это совсем скоро.

Странное дело, мне не было ни холодно, ни страшно. Только как-то пусто внутри, и я знала откуда-то, что эту пустоту уже никогда и ничем не удастся заполнить, разве что затянуть какими-нибудь воспоминаниями, как дальний угол паутиной, и не заглядывать туда.

В коридоре прозвучал колокол – наступило утро. Я очень сомневалась в том, что смогу назвать его добрым...

...И угадала, потому что за завтраком нас оказалось только трое.

Я встретила взглядом с Иддой, но она тут же отвела глаза. Каса-Онна вообще не смотрела по сторонам.

До чего же странно... Я не спала, но не слышала ни единого звука, а ведь разбуженные посреди ночи соседки должны были производить хоть какой-то шум, одеваясь! Не вынесли же их из комнат спящими? Впрочем, я бы не удивилась... И все равно, бесшумно это сделать невозможно: где-то бы хлопнула дверь, где-то скрипнула ступенька. Вдобавок многие запирались изнутри (Делла так уж несомненно), а открыть засов снаружи не так-то просто, тихо это сделать точно не выйдет. В ночной тишине звуки разносятся очень хорошо, но я ровным счетом ничего не заметила!

Впрочем, пора было прекратить удивляться странностям, творящимся в этом замке. Главное, я не ошиблась: Испытание близилось к завершению.

– Сударыни, – негромко произнес распорядитель, воздвигшийся на своем месте. Мне показалось, будто он чем-то напуган. – Вам выпала огромная честь – быть избранными для последнего этапа Королевского Испытания, каковой завершится здесь, в замке Старой Птицы, сегодня же на закате. Его величество желает взглянуть на благородных девиц, преодолевших всевозможные тяготы и испытания на пути к величайшей награде – возможности сделаться избранницей и жизненной спутницей его величества...

– Отчего же его величество не хочет взглянуть на нас при свете дня? – спросила Каса-Онна. – Всем известно, что в искусственном освещении легче спрятать недостатки внешности.

– Поверьте, сударыня, внешность ваша интересует кого-либо в самую последнюю очередь.

– Оно и заметно, – едва слышно произнесла она, взглянув в мою сторону.

Я сделала вид, будто не расслышала. Слова распорядителя заставили меня поежиться: кажется, я понимала, о чем идет речь...

– Таким образом, – чуть громче сказал он, – обед подадут вам в комнаты, а после него проводят к его величеству. И я прошу, сударыни, не нужно пытаться приукрасить себя. Это было бессмысленно и прежде, а теперь – тем более.

Мы расходились по комнатам в тягостном молчании. Ина догнала меня, пристроилась в ногу чуть позади и спросила:

– Прикажете приготовить ванну, сударыня?

– Да, пожалуйста, – кивнула я, размышляя, куда спрятать свои сокровища на время купания. Об этом-то я и не подумала! – Ина, скажите, с Деллой все в порядке? Я имею в виду: вы ведь наверняка знаете, когда ее увезли, может быть, помогли собрать вещи, и...

– Обе ваши кухни вернутся домой в целости и сохранности, – ответила она и отвернулась, когда я попыталась посмотреть ей в глаза.

– Что-то случилось, Ина? Почему вы отводите взгляд, будто в чем-то провинились? Даже если так, вы находитесь не в моей власти, а потому... Чего вы боитесь?

– О чем вы, сударыня? Я ничего не боюсь.

– Однако ведете себя странно, словно что-то скрываете. – Я остановилась и повернулась к ней лицом. – С моими кухнями действительно все в порядке? Не случилось ничего... непредвиденного?

– Нет, сударыня, – и без того замкнутое лицо Ины сделалось вовсе непроницаемым. – Конечно, обе они расстроились из-за того, что выбыли из Испытания буквально в последние минуты, но время лечит. Осмелюсь предположить, они скоро позабудут свои приключения и проживут долгую и счастливую жизнь.

«Совсем как та старушка, о которой упоминала Идда», – подумала я и продолжила:

– Возможно, вы хотите о чем-то мне сказать? Или даже предостеречь от... хм... какой-нибудь глупости?

– Сударыня, если бы я желала что-то сказать, то непременно сделала бы это.

Ина посмотрела на меня в упор, и лицо ее показалось мне невероятно старым. Я даже подумала: что, если эти горничные служат здесь из века в

век, видели все Испытания, а потому все наши девичьи страхи, мечты и надежды – для них как на ладони! А может, Ина и ее товарки между Испытаниями погружаются в волшебный сон, словно в сказке, только их будит не поцелуй прекрасного принца, а приказ господина: скорее подниматься и готовить замок к прибытию гостей! Вот уж жуткая участь...

«Как давно я ничего не воображала, – невольно подумала я. – Почти с самого приезда. Потом было не до фантазий, а Грифон – это совсем иное... Я же его не сочинила!»

– Идемте, сударыня, – негромко сказала она. – Я приготовлю ванну и вычищу ваше платье.

«И, надеюсь, не заметишь потайной карман», – вздохнула я, вслух же сказала:

– Серое, будьте любезны.

– Но...

– Ина, я не имею представления, как оно оказалось в моей комнате, и была уверена, что это вы его принесли. Но даже если нет, не намерена отказываться от него. Оно нравится мне больше зеленого.

Казалось, она хочет возразить, но прозвучало лишь:

– Конечно, сударыня. Как вам будет угодно.

Ина ушла, а я перевела дыхание. Что это на меня нашло? Так распорядиться чужой, по сути, горничной... Уверена, день-другой назад я бы долго собиралась с мыслями, чтобы осмелиться сказать ей – мне нужно именно серое платье, не какое-то еще!

«Все проходит, все меняется, – вспомнила я слова Инна-Ро. – Похоже, и робость моя приказала долго жить. А к добру это или нет, поди пойми...»

Время до вечера пролетело незаметно. К счастью, мне удалось и спрятать свои сокровища, и вернуть их так, чтобы Ина ничего не заподозрила.

Я как раз заканчивала причесываться, когда в дверь постучали.

– Кто там?

– Идда, – негромко раздалось снаружи.

– Рада видеть вас, но мне казалось, вы больше не желаете разговаривать со мной, – сказала я, отодвинув засов и не спеша впустить принцессу в комнату. – Мне даже почудилось, будто я чем-то провинилась перед вами.

– Что вы, вовсе нет! – покачала она головой и наконец-то посмотрела мне в глаза. – Дело в том, что я... мне...

– Ну же, в чем дело?

– Не стоит говорить об этом на пороге, Тесса.

Я посторонилась, позволив ей войти.

Принцесса, оглядевшись, заняла единственный в комнате стул, и мне ничего не оставалось, кроме как присесть на край кровати. С куда большим удовольствием я забралась бы на подоконник, как делала дома, но не рискнула: очень уж он был холодным.

«Интересно, какая зима в старом Караде? – мелькнуло в голове. – Такая же сырая и ветреная? Или снежная и морозная?»

Впрочем, я поспешила избавиться от этих мыслей и вновь взглянула на принцессу. Она не спешила начать разговор, и я пришла к ней на помощь:

– Мне показалось, будто вы чего-то опасаетесь, Идда, и это началось не сегодня и не вчера, а еще до начала третьего этапа. После нашего разговора, верно?

– Надо же, как вы заговорили, – сдержанно улыбнулась она. – Если бы я не была уверена, что вы – это вы, то заподозрила бы подмену.

– И каким же образом вы сумели удостовериться, что я – настоящая? – удивилась я.

– Дотронулась до вас, когда входила, – ответила Идда. – Вы не обратили внимания?

– Нет. Но чем вам помогло мимолетное касание?

– Та вещь, которая соприкоснулась с вами, не нагрелась, не свидетельствовала об опасности, следовательно, вы не подмениш.

– Идда, я не понимаю вас, – сказала я. – Что за вещь? Колдовская?

– Нет, не совсем... А хотя... Не знаю, – призналась она. – Однако она ведет себя именно так, как было описано задолго до моего рождения, и у меня нет причин не доверять ей.

– Я по-прежнему ничего не понимаю. Может быть, начнете с самого начала? Я правильно поняла, что после нашей беседы вы решили оставить... назовем это расследованием?

– Да.

– Но почему? Вам намекнули, что не следует этого делать?

– Мне не намекнули, мне наглядно продемонстрировали, что случается с теми, кто распускает язык, – едва слышно проговорила Идда.

Я поразилась, насколько она переменилась. Как я раньше не заметила? Впрочем, при посторонних, несомненно, она вынуждена была держать лицо, но сейчас... Страх смотрел из ее светло-карих глаз (у Грифона еще светлее, невольно вспомнилось мне), холодный и липкий, как старая паутина – мне приходилось убирать такую, и я запомнила ее прикосновения.

– Вы снова говорите загадками, – сказала я.

Вместо ответа Идда встала, повернулась ко мне спиной и... спустила платье с плеч. Спину ее, узкую и белую, пересекали багровые полосы, всего три – я зачем-то пересчитала их. Одна пришлась прямо по выступающим лопаткам, другая чуть ниже, а третья наискось спускалась по талии, словно диковинный пояс, и конец ее исчезал под одеждой.

– Что за...

– Должно быть, кнут, Тесса. Он оставляет такие следы, я видела, – ответила она нарочито беззаботно, поправляя одежду.

Я представила, каково ощущать прикосновение ткани к этим рубцам, и невольно содрогнулась. Удивительно, что принцесса не свалилась с горячкой после эдакого... Или снова помогли чары Старого замка? Почему тогда раны не исчезли? Помню, у Деллы ожог от утюга на руке пропал меньше чем за час...

– Представляете, мне даже розог в детстве не досталось, – со смешком добавила Идда. – Самое большее – учитель шлепал линейкой по пальцам за баловство или тетрадью по макушке, чтобы не отвлекалась от занятий, но подобное... впервые.

– Вас наказали за то, что вы рассказали мне о своих подозрениях?

– Ну конечно. И я не хочу спрашивать, что сотворили с вами.

Я промолчала. Мне тоже не хотелось думать, чем закончилось бы то похищение, если бы не Грифон. Может, я пережила бы порку, но уж точно не осталась бы в замке после подобного! А если... нет, нет, даже воображать не желаю!

– Когда же вы появились в этом наряде, – принцесса кивнула на мое серое платье, мирно висевшее на вешалке, – я подумала...

– Что это я сообщила кому-то о нашем разговоре? – догадалась я. – И за это вас наказали, а меня наградили? Хорошего же вы мнения обо мне!

– Тесса, а что подумали бы вы на моем месте?

Идда сидела неестественно прямо, не прикасаясь к спинке стула, и немудрено. Такие рубцы поневоле заставят держать осанку не хуже любого корсета.

– Не знаю, право... А почему вы до сих пор здесь? – задала я мучающий меня вопрос. – После этого...

– О, у меня был выбор, – со смешком ответила Идда. – Или отбыть сразу же после... хм... беседы, или получить наказание и остаться. Как по-вашему, могла ли я поступить как-то иначе?

– Вы все-таки решили пойти до конца? – Я дождалась кивка и продолжила: – Кто же проводил с вами этот... разговор?

– Не имею понятия, – устало произнесла принцесса. – Клянусь, Тесса,

даже если увижу этого человека вновь, вряд ли сумею узнать. А тех, кто... я вовсе не...

Она умолкла, прикусив нижнюю губу, и я не стала просить ее продолжать, поскольку прекрасно помнила, что ощущала, оказавшись в лапах конвоиров. И мне еще сравнительно повезло! Не иначе, потому, что Дар-Аррон не считал меня хоть сколько-нибудь существенной помехой его планам. Уверена, он (или Враг в нем) решил, что я просто доверенное лицо принцессы, этакая подушка, в которую можно прошептать любой секрет, и он останется между нами. Но вот мое возвращение наверняка изменило его мнение. Инна-Ро оказался прав: меня не тронули, я даже очутилась среди трех избранных, любая из которых может стать королевской невестой... Это означало лишь, что все тяготы еще впереди, но отступить было некуда.

– О вашей кухне он ничего не говорил, – сказала вдруг Идда. – Я спросила, но ответа не получила. Надеюсь, она не заинтересовала его, и теперь мирно едет домой.

– А мы, выходит, заинтересовали?

– Да. И если я делала все, чтобы выделиться между остальными, да и без того вряд ли настоящий хозяин Испытания обошел бы вниманием девушку моего происхождения, то для меня все еще остается загадкой, чем же так заинтересовали его вы!

– Я не знаю, Идда, – ответила я. – Я лишь выслушивала ваши речи и, смею надеяться, помогала по мере сил в ваших изысканиях. Но я ничего собой не представляю, я не из самого знатного рода, и даже если среди моих предков нечаянно затесался потомок Старой Птицы, мне ничего об этом не известно.

– Значит, в вас есть что-то еще, – сказала она. – Нечто такое, что позволило вам преодолеть все испытания, не уронив себя даже в мыслях. Вы ведь догадались, надеюсь, что вовсе необязательно устраивать дуэль для того, чтобы немедленно отправиться домой?

– Неужели! И вы... впрочем, вы – особый разговор... Каса-Онна с нами, а она, на мой взгляд, не отличается добродетелями. Видимо, и в ней имеется что-то... лакомое, как по-вашему?

– Именно так. Не знаю, что именно, я же не Враг, чтобы пробовать соперниц на вкус! – усмехнулась Идда. – Но я догадываюсь, в чем может быть дело. Каса-Онна – яркая и страстная натура, порой несдержанная в проявлении чувств, невероятно честолюбивая и уже примерившая в мечтах королевский венец.

– Сытное блюдо... – пробормотала я. – А вы?

– Во мне тоже предостаточно честолюбия, да и бесчувственной меня

назвать сложно. Но главное не это: у меня есть желание, которое превышает чаяния стать королевой. Меня вполне устраивает титул принцессы... вот только не при нынешнем правителе.

– Не вполне понимаю вас... А главное, Идда, вы так и не объяснили, каким образом удостоверились в том, что мне можно поверить подобные мысли!

– Я дойду до этого, – ответила она. – Сомнений у меня нет, а потому я стану говорить начистоту, Тесса. Скорее всего, Дар-Аррон – или его хозяин – изберет вас.

– Неужели!

– Да. Для меня вы до сих пор загадка, хотя я не жалею на умение понимать людей. Не сомневаюсь, для него тоже. Что может быть приятнее, чем раскусить такой крепкий орешек? На десерт, после плотной закуски – Каса-Онны, и основного блюда – меня?

– О, благодарю, я всю жизнь мечтала угодить на зуб Врагу... – пробормотала я.

– Бежать уже поздно, – без тени улыбки сказала Идда. – Попробуйте попроситься домой и увидите, что вам ответят!

– Неужели вы пытались?

– Я задала вопрос своей горничной, этого вполне хватило. Теперь из замка никого не выпустят, пока Испытание не завершится.

– Рано или поздно, так или иначе, – невольно закончила я.

– Откуда вы знаете? – насторожилась Идда. – Я не говорила этого при вас!

– По-моему, от кормилицы слышала, – удивленно ответила я. Выходит, она тоже знает присказку Инна-Ро? Впрочем, ничего странного! – Что не так?

– Нет-нет, показалось... – подняла она руку. – Я отвлеклась, а времени у нас не так много. Повторяю, Тесса: с большой вероятностью именно вы станете избранницей Дар-Аррона. И тогда...

– Умру?

– Нет же! Вернее, вы лишитесь чего-то, как сестра моей бабушки, вряд ли жизни... Но шанс остановить все это еще есть!

– Какой же? – спросила я, хотя уже догадывалась, что она скажет.

И принцесса не обманула моих ожиданий, сказав вполголоса:

– Вам придется убить короля.

Глава 20

– Да вы шутить изволите! – ответила я теми же словами, что и старому чародею в далеком-далеком прошлом. – Как вы себе это представляете? Я – не вы, Идда, я не умею фехтовать на шпильках... и стрелять тоже не умею, если вы хотите сказать, что каким-то чудом ухитрились-таки спрятать револьвер и теперь намерены дать его мне!

– Вы почти угадали, – ответила принцесса, – только не револьвер.

Она вдруг приподняла подол и отстегнула... да, это были самые настоящие ножны, прикрепленные к бедру несколькими ремешками.

– Вот оружие, способное победить Врага, – произнесла она и немного выдвинула лезвие из ножен, так что свет блеснул на бритвенно-острой кромке лезвия.

Я молчала. Не потому, что не нашлась с ответом, просто... Я уже видела этот кинжал, и не раз. Это он висел на поясе у Грифона. Я, помнится, когда дорисовала в записной книжке свою нелепую картинку, увидела кинжал на полу, в ворохе смятой одежды, и подумала – может быть, взять на память? Но пришел Инна-Ро, и я позабыла о нем...

Ножны другие, конечно: сложно носить под платьем те, старинные, богато украшенные, – но рукоять я не могла не узнать. Когда мы сидели в саду, я, чтобы не поднимать глаз на Грифона, рассматривала удивительно тонкую резьбу – диковинные звери сплетались в смертельной схватке, обвивались вокруг костяной рукояти... По такой рука не скользнет, это даже я понимала. Теперь кость потемнела, потрескалась, кое-где, видимо, раскрошилась от времени, и наследники исправили дело серебром, но на сохранившихся фрагментах еще можно было различить знакомую резьбу.

Конечно, мог существовать не один подобный кинжал. Вряд ли я запомнила все детали, но... От него веяло чем-то знакомым. А главное, Тень, до того смиренно сидевшая в складках подола, как делала обычно при чьем-то визите, вдруг высунула длинную лапку и коснулась резной кости, будто погладила. И, мне показалось, съежилась, сделалась меньше, словно испугалась или опечалилась...

– Я не сумею ударить кого-то кинжалом, – сказала я.

– Не нужно пронзать сердце или перерезать горло, – ответила Идда, и я поразились: точно те же слова произнес Инна-Ро. – Достаточно, чтобы это лезвие отведало крови. Боюсь, мне не удастся подобраться настолько близко к Дар-Аррону, чтобы осуществить свое намерение. Надежда только

на вас!

– Не понимаю, почему...

– Говорю же, это не простое оружие, – принцесса коснулась рукояти. – Оно принадлежало тому самому убитому королю, последнему из династии Карадинов. Как оно попало к нам, я не знаю. Уверена лишь в одном – и это не мои измышления, это тайна, которую бережно пронесли сквозь века, – только оно позволит мести свершиться!

«Мог Грифон порезаться о собственный кинжал? – спросила я себя. – Почему нет? Наточил – он ведь любит делать все сам, – попробовал пальцем остроту лезвия, вот и все... Уверена, он только засмеялся или выругался беззлобно, сунул палец в рот и продолжил свое дело. А как его вещи попали к потомкам Ивенны... Кто же знает?»

– Хорошо, что это не меч, – неуклюже пошутила я.

– Меч не сохранился, – ответила Идда без улыбки. – И доспехи тоже. От него почти ничего не осталось: корону присвоил первый Даррахеин, а других драгоценностей настоящий король не носил, или же их растащили еще в прежние времена. Не удивлюсь, если кинжал пришлось выкупать за большие деньги или выпрашивать, унижаясь...

«Кроме материнской подвески, Грифон носил перстень, – вспомнила я. – Массивный, очень грубый. У меня волосы за него зацепились, а Грифон извинился и сказал, что никогда его не снимает, потому что... фамильный, отец его носил, дед, прадед и еще много пра-пра... Его дзейлинцы тоже вернули. А и захотел бы снять, придется потрудиться: пока был маленьким, носил перстень на цепочке, чтобы не потерять, потом он стал впору, а теперь застревает на пальце – Грифон сильно перерос отца. Даже мыло не поможет, только колдовство, но не пользоваться же им по пустякам? Наверно, Грифона с этим перстнем и похоронили... если и впрямь не сняли с мертвого... И если у него есть могила, а не пустой каменный ящик, как у его матери и братьев».

Я невольно прикусила губу, не желая представлять этого, вслух же предположила:

– Может, Даррахеин подарил его вашему предку в знак... как бы это сказать... расположения?

– Да, и такое вероятно. Но не это важно. – Принцесса снова уставилась на кинжал. – Главное, эта вещь способна распознать, кто перед ней, друг или... Враг. В последнем случае он страшно нагревается, а иначе никак себя не проявляет. Я думала, – у нее вырвался нервный смешок, – думала, что заполучу ожог на ноге в довершение к шрамам на спине!

– Как же его не нашли...

– К счастью, под юбку ко мне не заглядывали, – фыркнула она. – Обошлись тем, что заголили сверху... Клянусь, Тесса, я даже не почувствовала боли в тот момент, потому что могла думать лишь об одном: как бы они не обнаружили мое оружие последней надежды!

«Инна-Ро сказал бы, что она тратит слишком много слов, чтобы дойти до сути», – невольно подумала я.

– Вы и в замок его пронесли так же?

– Конечно. Обыскивали только вещи, а нас самих не ощупывали с ног до головы. Я, правда, опасалась, что здесь будут дежурить чародеи, но обошлось, иначе план пришлось бы похоронить в самом начале!

Мне кое-что вспомнилось, но я решила приберечь это на потом, а пока спросила:

– Идда, но что это за план, о котором вы толкуете? Я правильно понимаю: он заключается в том, чтобы изгнать Врага?

– Конечно, – кивнула она. Ее бледные щеки немного разругались, и принцесса казалась намного более живой, нежели в последние дни. – Но не только.

– Что же...

– Если Дар-Аррон не умрет, ему придется взять меня в жены, – отчеканила Идда. – Но я сомневаюсь в том, что он выживет после того, как столько времени давал пристанище Врагу внутри себя. И это к лучшему, Тесса. Если король погибнет... Что кричит толпа на следующий день после его кончины?

– Да здравствует король... – прошептала я. – Но кто?..

– Мой старший брат, Ивен, – сказала она, и я вздрогнула, услышав имя. Совпадение? Или нет? – Он достоин занять трон, поверьте мне.

– Вот что вы имели в виду, когда сказали, что вас устроит титул принцессы, но не при этом короле!

– Именно так... – Глаза Идды сверкнули в полумраке. – Ивен заслуживает этого. И страна наша заслуживает настоящего короля, не потомка ублюдка, убийцы, захватившего трон в тяжелое время...

Я могла бы сказать ей, что она заблуждается: Аллор был законнорожденным, его сын (я ведь не знала, кто именно женился на вдове Раннара) тем более, – но вовремя сообразила, что принцесса ругается, неумело, но искренне.

– Вы хотите возродить династию Карадинов? – только и спросила я.

– Да, Тесса, тысячу раз да! Пускай крови Старой Птицы в нас осталось всего ничего, но, – она сжала рукоять кинжала, – она все еще говорит в нас. С нами. Нельзя упускать такой случай! Аррон Дарракейн одержим Врагом,

мы станем избавителями... А если он все-таки выживет и женится на мне...

– Очень скоро вдова уступит трон старшему брату?

– Именно. И поверьте, Тесса, мы не забудем вас... – проговорила она, глядя мне в глаза.

Я выдержала этот взгляд, хотя и не без труда: вспомнила Грифона, в упор глядевшего на солнце, и подумала, что Идда, пускай и его дальняя родственница, не опаснее светила.

В волосах словно застряла льдинка, и я тряхнула головой, чтобы она вывалилась, потом сообразила, что ей неоткуда взяться. Холодом веяло от спрятанной подвески Грифона. Но почему? Она же была теплой...

– Род Гаррат прославится! – твердо произнесла Идда. – У вас есть старшие братья, верно? Им найдется служба при дворе! И кухни ваши составят прекрасные партии, уверена...

– А я?

– Вы... – Идда словно очнулась.

– Да, я. Вы все время говорите, что если Дар-Аррон уцелеет, то возьмет в жены вас. Но перед этим вы заявили, что он непременно выберет меня!

– Выбрать – не значит жениться, – со снисходительной улыбкой ответила она. – Но даже если вы станете королевой... подумайте сами, сможете ли вы править? Или все-таки передадите это право тем, кто его заслужил?

«Чем?» – чуть было не спросила я, но успела прикусить язык.

– Вы правы, Идда. Я разумно оцениваю свои способности, и мне вовсе не хочется стать марионеткой в чужих руках.

– В конце концов, Ивен может жениться на вас, – сказала она. – Занятно выйдет, не правда ли? Узурпатор женился на вдове последнего короля из династии Карадинов, а первый король из возрожденной династии возьмет в жены вдову Даррахеина!

– Это неслыханная честь для меня... – только и смогла я выговорить.

Не нужно мне такого счастья! Лучше всю жизнь просидеть старой девой в Гаррате, помогая воспитывать племянниц и занимаясь хозяйством, чем... Вот это.

«Что бы сказал Грифон, услышав подобное от своих потомков? – невольно подумала я. – Наверно, выругался бы. И страшно разозлился, снова пришлось бы окунаться в пруд или фонтан, чтобы остыть. А может, перекинул бы Идду через колено, задрал ей подол и вразумил ремнем... а ремень у него тяжелый! Впрочем, нет. Не стал бы он бить девушку, а вот ее

брата и отца – сколько угодно! С другой стороны, если по-другому не дойдет, то...»

Неожиданная догадка мелькнула у меня в голове, но я оставила ее при себе.

– Но что, если мне не удастся добраться до короля? – спросила я. – Неужели все так и останется...

– Если он не выберет вас, то остановит взгляд на мне, – ответила Идда.

– И что же, у вас есть второй такой кинжал?

– Выньте его из ножен, – велела она, а я послушалась...

И с трудом сдержала возглас удивления: лезвие было сломано посередине под острым углом.

– Он достался нам уже таким, – сказала принцесса. – Расколотым. Но вторая часть лезвия не утеряна, вот она...

Идда снова подобрала юбку, и на сей раз на свет явился короткий нож. Рукоять, понятное дело, была совершенно иной, но когда принцесса положила два лезвия рядом, стало ясно, что они не различаются ни цветом, ни отблеском. И, наверно, если приложить обломок к большому кинжалу, он подошел бы, только где найти кузнеца, который сумеет их соединить?

– Сломать такую сталь почти невозможно, – сказала она. – Это ковали не карадские мастера, их изделия стоят безумных денег... Не представляю, что могло случиться с этим кинжалом.

«Наверно, клинок из Дзейли, а может, еще из каких-нибудь чужедальних стран, – подумала я. – Но если его нельзя сломать силой, то кто сказал, что не поможет колдовство? С кем же столкнулся Грифон? И может, я еще...»

Я оборвала мысль, заставив себя не думать о том, что могла бы предостеречь его, упредить беду... Я все равно не знаю, когда именно она случится! А кстати...

– Идда, а как звали убитого короля?

– Уже никто не помнит, – покачала она головой, и взор ее затуманился. – Язык слишком изменился, поэтому везде его именуют по-разному: Аинор, Иннор... Только прозвище неизменно – Безумный, хотя по всем его деяниям выходит – правителя разумнее и мудрее Карад не видывал!

– А что было до него?

«Язык изменился, вот как? Грифон и старик удивились тому, что я могла читать их книги! Да и в разговоре... Грифон сказал, что я выражаюсь чудно и слишком затейливо, но это не мешало нам понимать друг друга. В самом деле, странно...»

- Зачем вам это?
- Боюсь, в Гаррате о столь древних временах уже не помнят, вот я и спрашиваю...
- Какая разница? – Идда резко встала. – Вы согласны помочь мне, Тесса?
- Каса-Онне вы одолжите свою шпильку? – не удержалась я. – Она, может быть, откована из наконечника стрелы того короля?
- Каса-Онна не помеха нашему делу, – со странной уверенностью ответила она. – Ну же? Да или нет!
- Конечно, я помогу вам, – ответила я. – Только научите меня, как носить этот кинжал на ноге...

* * *

Я смотрела на закат в окно, когда в комнату снова постучали. Тень не встревожилась, да я и сама знала, что это всего лишь Ина, поэтому отодвинула засов и впустила ее.

– Вы готовы, сударыня? – негромко спросила она и зябко поежилась. – Какая, право, стужа...

– Разве? – удивилась я. – По-моему, чудесная погода. Уж всяко лучше промозглого ветра! Вы только взгляните, как снег искрится... И звезды! Видите вон ту, Ина? В самом центре Венца? Правда, красиво?

– Да, сударыня, – сдержанно отозвалась она и закрыла ставни. – Пора идти. Негоже заставлять его величество ждать. Вы действительно готовы?

Ина как-то странно сделала акцент на последних словах, и я мысленно перебрала: подвеска Грифона надежно спрятана в прическе, рисунок и ножичек – за корсажем, кинжал – на бедре...

– Сама посуди, как можно быть готовой к встрече с его величеством? – спросила я вслух. – Я видела его только издали, а еще на портретах... Ина, какой он?

– Такой же человек, как все мы, – отозвалась она чуточку более дружелюбно, во всяком случае мне так показалось. – Не нужно бояться, сударыня. Это всего лишь традиция.

– Да, но... – Я обвела взглядом комнату. – В замке творилось столько странного... Наверно, это чародеи устраивали?

– Не могу знать, сударыня.

– Не сердитесь, Ина, – попросила я и в неожиданном порыве дотронулась до ее руки. – Я просто очень волнуюсь, вот и болтаю всякую

ерунду. Обещаю, я перестану, как только мы выйдем из комнаты, а перед его величеством, наверно, и слова вымолвить не сумею... Что с вами?

– Не стоит беспокойства. – Ина растянула губы в улыбке, но я заметила, как она прячет руку под передник. И в глазах у нее мелькнуло что-то очень странное. Неужели испуг? Я не успела рассмотреть. – Пожалуйста, идемте, сударыня.

– Конечно. Нельзя опаздывать на смотрины. – Я взглянула в зеркало, поправила прическу и вышла вслед за Иной в коридор.

Тень побежала следом, стараясь не отставать и не выдавать своего присутствия странными... гм... отростками.

Идти пришлось далеко, и вновь в незнакомую часть замка. Изнутри он все-таки казался намного больше, чем снаружи, и как знать, было это наследием Инна-Ро или нет?

Ах, как бы я хотела вновь увидеть старого чародея! Он не дал бы мне чудодейственного зелья отваги, не обучил в один миг метать кинжалы точно в цель, но, уверена, сумел бы ободрить единственным словом. А вернее того, не ободрить, а обозлить!

«Что за чудеса? Я – и вдруг злюсь?» – удивилась я.

Я не рассердилась, даже когда Лисса утопила в пруду мою любимую куклу. Жалко было игрушку до слез, это верно, но как можно злиться на кузину, если она совсем маленькая и не понимает, что творит? Спасибо, сама не утонула!

Делла быстро начала командовать мной так же, как родной сестрой, но мне казалось, что это правильно: она ведь старше. А еще матушка учила уступать гостям (то-то бы тетушка оскорбилась, узнав, что она с дочерьми – гостьи в отчем доме!), разрешать споры миром, как подобает благородной девушке...

Да, я обижалась, было дело, но не злилась, это уж точно. Кормилица всегда твердила, что кузины могут из меня веревки вить, потому что я слишком добрая и безответная. И дедушка говорил, что у меня совсем нет характера, в кого только уродилась? И отец, и мать могут постоять за себя, не говоря уж о тетушке, а я... Одна надежда – найти мне такого мужа, за которым я буду как за каменной стеной. Иначе ведь не проживу, отдам последнее обманщикам, а сама останусь нищей – придется побираться по добрым людям, а их поди отыщи в наше время...

«Похоже, я все-таки повзрослела, – мысленно сказала я дедушке. – Жаль, ты об этом не узнаешь. Может, ты бы мной гордился... Или, наоборот, захотел бы всыпать розог!»

Странно, что я думала именно о нем, а не о матушке, не о кормилице и

тем более не об отце. Наверно, дело в том, что дедушка меньше всего наставлял меня в том, что должно делать, но больше всего упирал на то, чего я хочу от жизни и что представляю собой. Будучи ребенком, я этого не понимала и немного опасалась его, а теперь... Наверно, не все его уроки прошли даром.

Смешно ведь подумать: какая-то Тесса из Гаррата (мне больше нравилось именовать себя на старый лад) решила выступить против Врага! Не принцесса, не воительница, не чародейка, обычная девушка, которая...

С которой случилось чудо. Пускай страшное – чудеса вовсе не обязаны походить на розовые облака с леденцовыми звездами, – но все-таки... Жизнь уже не станет прежней. И я тоже.

Двери распахнулись, и я вступила в большой темный зал, освещенный, казалось, лишь факелами вдоль дорожки, по которой я шла.

– Гара-Тесса, первая дочь Гаррата, – возгласил кто-то, когда я остановилась – дальше была тьма.

Кругом вспыхнул свет, и я едва сдержалась, чтобы не закрыть глаза рукой. Ерунда, право слово. Грифон смотрел на солнце, не мигая, а это просто факелы!

Рядом со мной, в таких же кругах света, стояли две другие участницы – принцесса Карадин и Каса-Онна. Обе смотрели прямо перед собой, даже не взглянули на меня, когда я появилась, и я подумала – а видят ли они хоть что-нибудь вокруг?

Тень потянула меня за подол, и я покосилась налево: там кто-то был, и не один, судя по звукам.

«Помни о чародеях!» – сказала я себе. Вот что я вспомнила во время разговора с Иддой, но не успела сказать ей. Ина предупреждала еще в самом начале Испытания: чародеи должны будут определить, не таит ли какая-нибудь из девушек преступных замыслов, не использует ли колдовские амулеты...

Впрочем, принцесса и сама способна о себе позаботиться, а вот меня заботило, не сумеют ли обнаружить кинжал? И все остальное? Может быть, расчет Идды и строился на этом? Отвлечь внимание на меня, а самой постараться добраться до короля? Не хотелось так думать о ней, но что-то подсказывало мне: на пути к цели Идда способна и не на такое.

Теперешние чародеи, наверно, слабее, чем Инна-Ро, но все-таки следует их опасаться. Неизвестно, умеют ли они читать мысли, поэтому на всякий случай я решила думать исключительно о его величестве! Уж наверно, на этот раз воображение сослужит мне хорошую службу: я могу намечтать и церемонию бракосочетания (и непременно представить

свадебное платье с предлинным шлейфом, который будут нести кузины), и корону на своей голове, и его величество, радующегося рождению первенца, и нашу долгую счастливую жизнь в любви и довольстве. Надеюсь, это именно то, чего ожидают от девушки моего возраста и положения...

Воцарилась тишина, неприятная, звенящая – такая получается, если до боли заткнуть уши пальцами.

– Гара-Тесса, – произнес вдруг незнакомый голос, – что ты скрываешь?

Казалось, тысячи взглядов обратились ко мне, но у меня не было ответа! Не могла же я рассказать о странных встречах в коридорах замка и уж тем более о спрятанном под юбкой кинжале...

Ледяная подвеска обожгла мне кожу головы, и я опомнилась. Нет, право, я ничего не знаю!

– Что ты скрываешь? – повторился вопрос.

Теперь уже Идда с Каса-Онной смотрели на меня. На лице второй читалось злорадство, а вот принцесса... Она явно рассчитывала на меня.

– Говори, не бойся, дитя, – пророкотал еще один голос. – Ты прячешь нечто зловредное, но зачем? По своей ли воле? Как оно попало к тебе?

Я облизнула сухие губы и произнесла:

– Я... не виновата!

– Конечно же, никто не признается в вине, – произнес первый голос с изрядной долей иронии, но на него шикнули.

– Ну же, говори!

– У меня... у меня есть одна вещь, – быстро сказала я. – И я вовсе не собиралась... Но я не знала, кому сказать... Не служанке же!

– Что за вещь?

Темнота словно сгустилась, сделалась ощутимо тяжелой, и я еле выговорила:

– Я покажу, только... отвернитесь, пожалуйста!

Кажется, они засмеялись, только мне было не до того: быстро приподняв подол, я отстегнула ножны и подняла их на вытянутой руке.

Смешки прекратились, тишина вновь сделалась звенящей, и мне почудилось, будто из нее ко мне потянулись руки... или лапы, почти такие же, как у Тени, ощупали оружие и отдернулись одна за другой, словно обжегшись. Я, однако, не чувствовала, чтобы кинжал нагрелся... Получается, Врага поблизости нет, а эти люди просто досматривают нас?

– Откуда это у тебя? – негромко спросил еще один голос.

Я вдохнула поглубже, выдохнула и ответила, глядя в темноту:

– Мне подарила его принцесса Карадин!

Казалось, Идду сейчас хватит удар, даже невероятное самообладание не спасало: глаза расширились, рот приоткрылся, словно она хотела закричать и уличить меня во лжи, но все-таки сдержалась чудовищным усилием воли.

– В самом деле? Зачем же?

– Она сказала, это могущественный оберег, – солгала я. В голове было пусто и звонко, в груди горело, и я говорила что придет на ум, потому что хуже быть уже не могло. – Старинный... Он поможет мне завоевать сердце его величества!

– Отчего же принцесса сама не воспользовалась им?

– Я... я не знаю... – растерянно ответила я и посмотрела по сторонам. – Наверно, у нее есть другие вещи, а у меня – вовсе ничего. Но я тоже достойна!.. А может, она решила уравнивать шансы, потому что... потому что она принцесса, и наверняка его величество отдаст предпочтение ей, но состязаться, когда нет соперниц, попросту неинтересно... Ох, должно быть, я выдумываю... На самом-то деле она ничего такого не говорила!

Кто-то из темноты забрал у меня кинжал, и на некоторое время воцарилась тишина. Я видела лицо Идды – мертвенно-белое, неподвижное, словно восковая маска. В мою сторону она больше не смотрела.

А вот Каса-Онна – та глядела на меня с жадным любопытством, словно раздевала взглядом, и я невольно повернулась к ней спиной. Лучше уж таращиться в темноту, чем на нее.

– Гара-Тесса, знала ли ты о том, что колдовские амулеты запрещены во время Испытания? – раздалось наконец.

– Конечно! Об этом нам сказали сразу же!

– Тогда почему ты взяла эту опасную вещь и принесла ее с собой сюда, на встречу с его величеством?

– Опасную? – Я надеялась, голос мой дрожит достаточно сильно. – О нет... я не хотела... Я думала, это просто фамильная реликвия, а принцесса не сказала, что она колдовская... Не думаете же вы, что я способна распознать чары?

– Вряд ли, – был ответ, – в отличие от Кара-Идды... Мы еще выслушаем ее ответ. Хотелось бы знать, зачем и для чего она передала тебе эту вещь. Хорошо, что ты не стала скрывать этого, иначе...

Что «иначе», я не узнала. Темнота накрыла меня непроницаемым куполом. Наверно, так чувствуют себя птицы в клетках, когда на них набрасывают плотные покрывала.

«Мне вовсе не страшно, – твердила я себе, – ни капельки не страшно!»
Вот только что сделали с Иддой? Я хотела отвлечь от себя внимание, чтобы наш план удался, но как-то оно выйдет...

«Не думай об этом! – напомнила я себе. – Страдай, мысленно кайся, плачь... Еще можешь вообразить Каса-Онну на троне рука об руку с королем, а себя – дома, в Гаррате, вернувшуюся ни с чем».

О, это было легче легкого: я могла представить и победную улыбку соперницы, и язвительные слова, и горечь поражения, и утешения родных – немного фальшивые, ведь в глубине души они надеялись на мой успех, а я добралась до самого финала, но все испортила, не оправдала их надежд... Мысли это занимало преотменно, а что еще нужно?

Тень обвила мою шею, пощекотала за ухом, и я выдохнула с облегчением. Хотя бы она меня не покинет, что бы ни случилось. А если я погибну, то, наверно, сумеет вернуться обратно в свой привычный мир и... Может, даст Грифону знать, что я старалась, старалась изо всех сил, но не сумела...

Тень хлестко ударила меня по щеке лапой (а может, хвостом), и я очнулась. Как это – я не сумела? Я ведь еще даже не приступала к выполнению задуманного!

Вспыхнул свет, и я зажмурилась от неожиданности.

– Следуй вперед, Гара-Тесса, – приказали мне, и я послушалась.

Глава 21

Освещенная факелами дорожка привела меня к массивной двери – та распахнулась сама собой, слуг возле нее я не увидела. Я шагнула через порог, решив ничему не удивляться. После всего, что со мной...

«Ничего с тобой не было! – в который раз напомнила я себе. – А фантазии есть фантазии. У тебя вечно ими голова забита, как Делла говорит. Немудрено, что ты приняла слова принцессы за чистую монету, и вот, пожалуйста... Она-то просто хотела избавиться от соперницы, а ты поверила в ее доброту и расположение! Пора бы в твоём возрасте осознать, что никто не станет помогать без выгоды для себя... И теперь тебя отправят домой. Лишь бы не написали, как ты опозорилась! Дедушка не переживет...»

Под этими суматошными мыслями плыли другие. Мне это напоминало ручей после сильной грозы: вода выходит из берегов, закручивается бурунами, по поверхности мчатся листья, ветки и всяческий сор, нанесенный дождем, но ближе ко дну течение остается прежним, ровным и не слишком быстрым. Не везде, конечно, но... это же был воображаемый ручей!

Так вот, я вспоминала о том, что сказал Грифон: подвеска его матери – не колдовская. Просто памятная вещь, только этим и дорогая. И перочинный ножичек, которым Грифон пользовался в детстве, – Инна-Ро не колдовал над ним, во всяком случае при мне. А кровь... Ну что же – кровь? Я, бывало, ухитрялась порезать палец книжной страницей или острой травинкой, так не записывать же теперь их в число оружия... А раз мои сокровища вовсе не колдовские, во всяком случае в привычном понимании этого слова, то их не обнаружат (уже не обнаружили!), и мне ничто не угрожает.

Передо мной оказался стул, самый обычный, как в моей комнате, и я села, потому что больше деваться было некуда.

Тьма постепенно рассеивалась, и я обнаружила, что рядом сидит Кара-Идда, по-прежнему с неестественно прямой спиной. Не хватало только парты, чтобы почувствовать себя на уроке, право слово!

Но ни парта, ни стол не появились, зато из полумрака выступил человек, и я постаралась сделать вид, будто вижу его впервые. Идда тоже его узнала, поскольку встала и поклонилась, и я, помедлив, последовала ее примеру.

– Право, оставим церемонии, – негромко произнес Дар-Аррон. – Присядьте, девушки. Беседа наша будет слишком долгой, чтобы выдержать ее на ногах.

Он сам уселся напротив, в невесть откуда появившееся кресло. Такие, наверно, стояли в королевском дворце – с гнутыми ножками, резными подлокотниками из благородного темного дерева, с шелковой обивкой...

Что, если, эта комната – тоже воображаемая? Может быть, мы вовсе никуда не уходили из того зала, и все происходит у нас в головах! Королю хочется – появляются стулья, кресло, свет, наконец. А если ему захочется, кругом окажутся сырые каменные стены, цепи и орудия пыток... или что-нибудь похуже.

Мне показалось, что Дар-Аррон выглядит моложе, нежели в тот раз, когда нам довелось повстречаться. «Закусил Каса-Онной, не иначе», – мелькнула мысль, но я немедленно изгнала ее. Неизвестно, кто может копаться у меня в голове...

– Какая любопытная ситуация сложилась, вы не находите? – светски поинтересовался его величество, откинувшись на спинку кресла и разглядывая нас с Иддой. – Остались лишь две претендентки на мою руку, и я терзаюсь раздумьями – которую же выбрать? Прелестную принцессу Карадин, которую я знаю с детства и когда-то подучил бросить лягушку в суп, или же темную... то есть рыжую лошадку? Весьма резвую лошадку, – добавил он, впившись в меня взглядом. – Она обскакала многих куда более интересных на первый взгляд соперниц.

Я уставилась на свои руки, стараясь не слишком сильно сцеплять пальцы, чтобы они не побелели. Очень уж это заметно.

– В обеих достаточно и пыла, и страсти, в обеих есть загадка, – продолжал Дар-Аррон. – Более того, их связывает... заговор, иначе это назвать невозможно! И не нужно оправдываться, доказательство передо мной...

Он подкинул на ладони сломанный кинжал, освобожденный от ножен, и сталь тускло взблеснула на свету.

«Интересно, почему он не чувствует жара? – невольно подумала я. – Или это только обычные люди ощущают его в присутствии Врага, а захваченный им человек – нет?»

Покосившись на Идду, я уверилась, что ее терзают те же раздумья.

– Прекрасная вещь, – сказал Дар-Аррон, полюбовавшись рукоятью. – Старинная. И абсолютно бесполезная. Не гляди так на меня, Идда, ты не умеешь убивать взглядом, о чем, несомненно, сожалешь... Я знаю, что тебе наплели об этом кинжале. Хочешь, расскажу?

– Будьте так любезны, ваше величество, – подала она голос. – Если вас не затруднит.

– Никоим образом, я с удовольствием поведаю тебе историю этого никчемного куска металла, – улыбнулся он. – Кинжал действительно принадлежал давно забытому королю, как бишь его... Впрочем, не имеет значения! Судя по всему, хозяин пользовался им напропалую... А может, это твои предки, Идда, так бережно относились к наследию покойного короля-безумца, что сохранился кинжал из рук вон плохо. Сама посуди: лезвие заточено совершенно не так, как должно! Этой заточкой вы попросту убили клинок... вернее то, что от него осталось. О рукояти и говорить нечего, ей будто орехи кололи!

Дар-Аррон покачал головой и снова подбросил кинжал на ладони. Неудачно: тот перевернулся в воздухе, и...

– Какая досадная неожиданность, – вздохнул его величество и, выудив из-за обшлага белоснежный платок, промокнул алые капли, выступившие на ладони. – Нужно быть осторожнее, право. Кто знает, Идда, каким ядом ты смазала этот несчастный огрызок?

Я покосилась на принцессу. Казалось, бледнеть дальше уже некуда, но...

– Конечно же, яда не было, – сказал Дар-Аррон и небрежно бросил кинжал на низкий столик. Когда он успел появиться? Я не заметила! – Это я могу определить безо всяких чародеев. Королевская жизнь, должен отметить, полна неприятных неожиданностей, а потому всегда нужно быть начеку. Ну а поскольку я до сих пор жив и здоров, то, очевидно, в достаточной мере постиг это искусство... Что с тобой, Идда? Тебе дурно?

– Все в порядке, ваше величество, – выговорила она с натянутой улыбкой.

– Ну же, не отпирайся, – ласково попросил он. – Я вижу жестокое разочарование в твоих глазах. Ты что, в самом деле верила, будто меня может отправить к праотцам царапина, нанесенная этим вот древним клинком? Вероятно, я мог бы заполучить заражение крови, но от него не умирают мгновенно, да еще когда рядом лекари и чародеи...

Идда молчала, глядя перед собой.

– Вернемся к заговору, – произнес Дар-Аррон.

Странно было видеть чужую мимику на знакомом лице – в полумраке его можно было спутать с Грифоном, если не присматриваться особенно. Впрочем, и голос другой, и интонации, и сама манера разговаривать...

Тень снова огрела меня лапой по щеке, и я опомнилась: не время и не место вспоминать Грифона!

– На что ты рассчитывала, вручив оружие этой девочке? – спросил Дар-Аррон. – Вряд ли верила в то, что она сумеет пустить его в ход, не так ли? Надеялась, что Гара-Тесса попадетя и отвлечет на себя внимание, не более того... Она и отвлекла, да как искусно! Не ожидала такого, Идда? Полагала, твои чары подействуют на это наивное дитя гарратских лесов? Но Гара-Тесса далеко не так проста, как может показаться, не так ли?

Он явно обращался ко мне, но я предпочла промолчать.

– Куда подевались Танн и Деб? – продолжил король. – Что с ними случилось? Молчишь, Гара-Тесса? Почему?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, ваше величество...

– Понимаешь, и еще как... Только боишься ответить. Конечно, я далек от мысли о том, что ты сама избавилась от этих двух остолопов, но ты наверняка видела или слышала хоть что-то! Ну же, скажи мне!

Он подался вперед, и когда я подняла голову, показалось, что его глаза пылают совсем близко, я даже отшатнулась. И ответила, облизнув пересохшие губы:

– Я ничего не видела, ваше величество. Там было темно, темнее, чем здесь... А звуки... не возьмусь их описать. Наверно, я потеряла сознание, а когда очнулась, кругом никого не было, а совсем рядом звонили к ужину. Только платье... изменилось.

– И ты не побоялась надеть его снова и снова?

– Тогда просто не успела сменить, ваше величество, не хотела опаздывать, – вздохнула я. – Правда, ужасно боялась, что оно развеется как дым и я останусь раздетой у всех на виду. Но ничего не случилось, и я решила... ну...

– Оставить красивую вещь себе? Что ж, вполне понятное желание. А за пережитое можно было бы потребовать не только эту тряпку, а и драгоценности, верно я воспроизвел ход твоих мыслей?

Я несколько раз кивнула.

– О чем вы говорите? – проговорила Идда. – Мне вы поведали иное, Тесса!

– Я же сказал – эта лесная птичка умеет молчать, а умеет насвистывать в уши сладкие песни, когда ей это выгодно, – с усмешкой ответил Дар-Аррон. – Ну да теперь нет смысла скрывать. Ее должны были подержать немного взаперти, до тех пор, пока у меня не найдется время заняться ею так же, как ее кузиной...

– Лисса! – воскликнула я. – Что с ней, ваше величество? Ответьте, молю! Я... я встану на колени, только скажите!

– Не нужно этих нелепых жестов, – поморщился он, когда я рухнула на

пол. – Твоя кухня, думаю, скоро уже будет дома, если дороги не подведут...

– О, ваше величество, это все, что я желала услышать!

Я все-таки подползла к нему и ухитрилась приложиться к монаршей руке. Пальцы у него были очень, очень холодными.

– Прекрати, прошу! – Он жестом велел мне подняться, и я снова села на стул, сдерживая желание утереться. Помогла Тень – смазала меня лапкой по губам, словно убирала паутинку. – И вовсе ни к чему было бросаться на поиски, как в дурном романе. Впрочем, полагаю, это Идда сбила тебя с пути истинного?

– Да, это была я! – с вызовом ответила принцесса, не дав мне раскрыть рта. – Лина-Лисса исчезла... не вовремя, неправильно! Она тоже сунула нос не туда, куда следовало?

– Была близка к этому, – расплывчато ответил Дар-Аррон.

– Но что, что она узнала?

– Какая разница? Лина-Лисса уже не вспомнит об этом. Но если тебе так хочется знать, милая Идда, то я скажу: она ухитрилась подсмотреть за своим кавалером и почти догадалась, в чем причина сходства этих молодых людей.

– В чем же? Это колдовство?

– Раз уж у нас сегодня вечер вопросов и ответов, то буду честен: именно так, всему виной чары. Держатся они не так уж долго, их нужно подновлять... И бедная Лисса увидела истинные лица юношей. Она могла бы рассказать об этом, если бы ее не застали и не... – Дар-Аррон улыбнулся. – Ничего страшного с нею не сделали, Гара-Тесса, не нужно бледнеть. Просто надежно заперли до тех пор, пока мой чародей не нашел времени пообщаться с нею, а затем отправили домой. С вещами, согласен, вышла накладка, но если бы не любопытство Идды, никто бы ничего не заподозрил, не так ли?

Я снова кивнула. Лежавший на сердце камень сделался немного легче: если его величество не лжет (а зачем бы ему лгать по таким пустякам?), то Лисса в безопасности. Лишенная памяти, но, главное, в целости и сохранности, и скоро она будет дома...

– То есть вы признаете, что вмешались в ход Испытания и сами убрали участницу, не дожидаясь вердикта высшей силы? – спросила вдруг Идда, подавшись вперед.

– Да, и что с того? – улыбнулся Дар-Аррон. – У этой девушки все равно не было шансов, так какая разница, покинула она замок немного раньше или позже?

– Такая, сударь, что Испытание можно признать недействительным!

– И кто же это сделает? Не ты ли, милая Идда? – Он снова наклонился вперед и уставился на нее. На этот раз поединок взглядов принцесса проиграла. – Перестань, право. Ты добилась того, о чем мечтала. Вожденная корона уже перед тобой, достаточно протянуть руку... Вернее, достаточно мне сделать выбор...

– Выбрать – не значит жениться, – зачем-то сказала я и тут же прокляла себя за длинный язык.

– И в этом гарратская пташка права, – улыбнулся Дар-Аррон. – И, думаю, не обидится, если я отошлю ее домой, осыпав дарами, какие и не снились ее кузинам?

– Что вы, ваше величество... – пролепетала я. – Это великая честь для меня и всего Гаррата...

– Вы уже готовы расстаться с памятью ради обещанных подарков, Тесса? – зло спросила Идда. – Не думаете же вы, будто вас отпустят... как есть?

– Пускай, – сказала я, вызвав в памяти кормилицу. – Вашими легендами сыт не будешь. Родителям я нужна живой и здоровой, и вообще... уступить принцессе Карадин – за это никто меня не осудит! Никто и не ожидал, что я достигну таких высот... Я стану самой завидной невестой в наших краях, а может, даже из столицы посватаются... И что с того, если я не вспомню о ваших, сударыня, бреднях? Я уже поверила вам – раз и другой, с этим дурацким кинжалом, и ничего хорошего из этого не вышло. Нет уж, больше я не желаю идти против правил! Если его величество так снисходителен, что готов простить мою глупость и отпустить домой, я буду до скончания дней моих молить Вернувшегося о его благополучии!

Вовремя я вспомнила слова Деллы! Кажется, этого от меня никто не ожидал.

– Так ты из приверженцев культа? – удивленно спросил Дар-Аррон.

– Да, ваше величество, – солгала я. – И я, и тетушка, и мои кузины. Просто дедушке это не нравится, вот мы и привыкли молчать. Но если вы не желаете, чтобы я...

– Нет, право, мне все равно, к кому ты станешь взывать, – отмахнулся он. – Ты же знаешь: в Караде каждый волен верить во что угодно, если это никому не причиняет неудобств. Хм... к слову, а налог вы платите?

– Налог?..

– Да, налог на веру, – пояснил король, оценил выражение моего лица и улыбнулся. – Похоже, в Гаррате об этом и не слышали... Запомни на

будущее и передай родным: каждый приверженец культа, любого, обязан платить в казну. Чем больше и сильнее ваша община, тем выше налог. По-моему, это единственная дельная вещь, которую придумал тот безымянный король...

«Наверно, это Инна-Ро подсказал, – подумала я. – В их огромной империи божеств, наверно, мириады, и как быть? Не может же правитель признать всех... или выбрать кого-то одного и ущемить остальных! Пускай уж все будут равны и платят за право поклоняться кому заблагорассудится, хоть бы и Смелой Рыбе!»

– Благодарю, ваше величество. Я и впрямь не слышала об этом... А тетушка если даже знала, то...

– Предпочитала помалкивать, чтобы не тратиться? Понимаю... Ну да хватит о божественном, – произнес Дар-Аррон, совсем как мой дедушка, решительно пресекавший все споры этого рода. – Мы ведь еще не закончили с заговором, верно, Идда?

Казалось, он получает удовольствие от этой беседы, и если я не слишком занимала его (иногда все-таки выгодно казаться глупее, чем ты есть на самом деле), то Идда... Ее Дар-Аррон, похоже, собирался мучить еще долго, как кот пойманную мышку. Как знать, вдруг он даже ее не съест, просто выбросит, израненную, порядком пожеванную, но все-таки живую?

Обратился он, правда, почему-то ко мне:

– Говорят, ты большая выдумщица, Гара-Тесса. Это правда?

– Родные считают, что у меня чересчур богатая фантазия, ваше величество, – потупившись, ответила я, – и я часто витаю в облаках. Я стараюсь совладать с собой, но не всегда получается... Я способна замечтаться, глядя на цветок, на снег за окном или огонь свечи, что угодно! Может, это кормилица виновата: она рассказывала мне сказки на ночь, даже когда я выросла...

– В таком случае, послушай еще одну, – сказал он, даже не думая насмехаться. – Сказку, в которую из поколения в поколение верят отпрыски Карадинов, которую твердят им с пеленок... Идда ведь не рассказывала ее тебе?

– Если вы имеете в виду историю их происхождения, то упоминала, ваше величество, но без подробностей.

– О, вот как! Прекрасно! А ты помолчи, – это адресовалось принцессе. – Гара-Тесса не знает вашей семейной легенды. Как по-твоему, стоит ли рассказывать ее постороннему человеку?

– Отчего же нет? Нам нечего скрывать, – гордо ответила она. – Однако, с вашего позволения, я поправлю, если вы ошибетесь в деталях.

– Ну разумеется, милая Идда!

Дар-Аррон протянул руку, – на столе откуда-то появился бокал, – сделал глоток и продолжил:

– Известно, что в незапамятные времена, почти пять веков назад, Карад процветал. Коровы, наверно, доились густыми сливками и сметаной, с полей и садов снимали по три урожая за лето, мелкая дичь сама нанизывалась на стрелу охотника, олени выходили и позволяли резать их... Ни войн, ни междоусобиц, прекрасная мирная жизнь! Можешь представить себе такое, Гара-Тесса?

– В чудесных сказках всегда так, ваше величество, – ответила я. – То есть, конечно, могу.

– Замечательно... А правил этой дивной страной молодой король. Имени его никто уже не помнит, а вот прозвище сохранилось...

– Безумцем его прозвали вовсе не за то, что он творил нечто ужасное или... или плясал нагишом на дворцовой площади! – прошипела Идда. – Он просто был...

– Станным? – Дар-Аррон улыбнулся. – Да. Настолько странным, что его побаивались, во всяком случае об этом говорят сохранившиеся источники. Кроме того, король был подвержен иноземному влиянию, что тоже не всем нравилось. Политика, милые девушки, такое дело... не стану вдаваться в подробности, иначе мы останемся здесь навечно!

Он умолк. Молчали и мы. Я видела, как Идда кусает губы, и надеялась, что мое лицо не выражает ничего... ничего особенного, кроме любопытства. Притворяться вовсе не сложно, просто и впрямь нужно слушать все это как сказку и не представлять на месте безымянного короля – Грифона, придворного чародея-иноземца – ворчливого Инна-Ро с его неизменным тчи...

Не думать о том, что Грифон все-таки мог повредиться в уме, будучи в плену, и со временем это стало заметно окружающим. Кем был при нем Инна-Ро: всего лишь наставником-чародеем или еще и лекарем? Но однажды скрывать безумие Грифона стало невозможно, случилось непоправимое...

– Все, однако, шло неплохо, – сказал наконец Дар-Аррон. – Король даже затеял жениться. Невеста его многим не пришлась по вкусу – иностранка из очень влиятельной семьи. Понятно, что ее родственники стали бы править вместо этого любителя охоты и развлечений! Должно быть, он все-таки прислушался к советникам, потому что разорвал помолвку, не объясняя причин.

Я подавила вздох: если Грифон не женился на Даа-Хиин, то почему

все осталось неизменным? Или Инна-Ро был прав, и возникла другая линия реальности? Та, в которой Грифон остался жив, мирно состарился в окружении внуков... да пусть даже погиб на войне! Та, в которой не было ни Гаррата, ни кузин, ни меня, ни Испытания Дар-Аррона, и мы с Грифоном не встретились...

– Кроме того, король отыскал сестру, потерянную во младенчестве, – издевательским тоном произнес Дар-Аррон. – История, достойная слезливых романов! Думаю, тебе понравится, Гара-Тесса.

– О, я вся внимание, ваше величество, – отозвалась я. В горле стоял ком.

– Еще при отце этого правителя случился бунт, все члены королевской фамилии погибли, включая детей, – сказал он. – Однако оказалось, что самую младшую, новорожденную девочку мать отдала кормилице.

– И та спаслась! – воскликнула я, изображая радость. – Но почему кормилица прятала ее так долго?

– Потому что умерла – неизвестно, от голода или болезни, – а девочку взяла другая женщина, которая знать не знала, что нянчит принцессу.

– Как же ее нашли? – тихо спросила Идда.

– Чародеи постарались. Отказывать королю было опасно, и они трудились не покладая рук, пока не отыскали принцессу Ивенну живой и невредимой, – улыбнулся Дар-Аррон. – Правда, короля ждала большая неожиданность: сестра его оказалась неграмотной и совершенно невоспитанной. Чего же ожидать от девицы, которая с детства крутила хвосты коровам? Вдобавок в свои шестнадцать с небольшим она уже прижила ребенка невесть от кого...

Идда, к которой только-только вернулся нормальный цвет лица, вновь начала бледнеть.

– Конечно, он не оставил бедную девушку и не оставлял попыток наставить ее во всем, потребном особе королевской крови, – продолжил Дар-Аррон. – И небезуспешно. Ее даже удалось обучить грамоте и пристроить замуж за кого-то из его друзей... Но, милые девушки, все помнили, что за чудо явилось ко двору, и до самой смерти Ивенну называли – когда за спиной, а когда и в глаза – принцесса-скотница, принцесса-навозница...

– А что с ней случилось? – не утерпела я.

– Век ее оказался короток и печален, – ответил он. – Ивенна умерла вторыми родами. Ребенок погиб.

Идда напряглась.

– А как же чародеи? – удивилась я. – Ведь при дворе...

– Муж увез Ивенну подальше от столицы, – пояснил Дар-Аррон. – Должно быть, король желал, чтобы слухи улеглись, а его обретенная сестра тем временем хотя бы научилась вести себя за столом. Останься она во дворце, конечно, чародеи могли спасти ее или хотя бы ребенка, но в той глуши, увы, их не было...

«Неужели бы Грифон оставил сестру вовсе без присмотра? – подумала я. – Мог бы отправить с ней такую же Тень... Хотя Инна-Ро все равно не успел бы, он же не умеет летать! Но ведь они говорили о путешествии по теням, так тоже можно было добраться вовремя! Нет, что за глупости... Он наверняка приставил бы к ней хорошего чародея, а если бы не сделал этого сразу, так прислал бы, узнав, что она ждет ребенка!»

Опомнившись, я с облегчением поняла, что почти ничего не прослушала.

– Ее первому отпрыску король даровал право именоваться родовым именем, – сказал Дар-Аррон и ухмыльнулся. – Обещал воспитать как собственного ребенка, но не успел осуществить это, вне всякого сомнения, достойное намерение. Именно от того мальчика, сына неизвестного отца и принцессы-скотницы, ведет начало род Карадин, равно как и ты сама, моя милая Идда, и твой честолюбивый брат!

– Вы лжете, – звенящим голосом произнесла принцесса.

– Вовсе нет.

– Мы исходим от признанного бастарда, младшего брата умершего короля!

– У него не было младших братьев, ни родных, ни сводных. Отец его не разбрасывался... хм... направо и налево.

– Откуда вам знать, что случилось в незапамятные времена?!

– А тебе? Моя версия ничуть не хуже твоей и, я бы даже сказал, правдоподобнее.

– Ваше величество, а что случилось с королем? – перебила я, покуда они не углубились в спор.

– Погиб, – пожал плечами Дар-Аррон.

– Его убили? – ахнула я.

– Несомненно, умер он не своей смертью, – ответил он, – но если ты имеешь в виду, что к нему кто-то подослал наемников, то ошибаешься.

– А как же...

– Его нашли поутру в этом самом замке, израненного, – сказал Дар-Аррон, и мне показалось, будто тьма сгустилась. – Должно быть, он истек кровью, а поблизости не оказалось никого, кто мог бы перевязать его раны и позвать на помощь.

В сердце у меня кольнуло, и я снова спросила:

– Кто же на него напал?

– Неизвестно, Гара-Тесса. По сохранившимся свидетельствам, не похоже, будто раны нанесены ему мечом или кинжалом. Они больше походили на следы когтей или зубов, только людям – к превеликому счастью! – неизвестны твари, способные прокусить прочные доспехи и разорвать кольчугу, словно тонкий шелк! Меча при короле не было, – добавил он, – только кинжал. Вот этот самый, Идда, тогда еще не сломанный. Племянник покойного выпросил его на память, не пожелав ничего другого. Вот откуда у вас в роду эта, с позволения сказать, реликвия...

«Он же сказал, что повременит с охотой в тенях! – мысленно вскричала я. – Но... Сколько прошло времени? Ивенна нашлась, вышла замуж и умерла... Минуло не меньше года, это уж точно. Наверно, Грифон решил развестись, но... Кто попался ему на пути? Что за тварь? И почему он был так беспечен?»

– Ну а потом, – спокойно продолжил Дар-Аррон, – на престол вступил мой предок. Его отец уже однажды спас страну, когда покойный король был совсем юн, пришла пора сына и внуков!

«Выходит, сын Аллора не женился на отвергнутой Даа-Хиин, – подумала я. – Откуда тогда имя? Или Инна-Ро ошибся, и дело вовсе не в созвучии?»

– Вот так возвысились дети Дарха, – произнес он, будто отвечая на мои мысли, и я едва не стукнула себя по лбу.

Какие созвучия, все намного проще! К Дарху потом присоединили Хейн или что-то подобное, вот и...

– Но кровь Карадинов все еще жива. Негоже было уничтожать последнюю память, единственного несчастного бастарда, да еще и не такого уж дальнего родственника... Люди бы не поняли, согласишься, Идда? Ему было позволено жить и верно служить королю. Порой я сожалею о том, что предки были так мягкосердечны...

Идда молчала, и мне казалось, что молчание это в любой момент может прорваться чем-то похуже слез. Вот я и не нашла ничего лучше, кроме как сказать:

– Благодарю за историю, ваше величество! В Гаррате о подобном и не слышали, клянусь!

– Рад, что доставил тебе удовольствие хотя бы рассказом, – улыбнулся он. – Можешь поведать эту легенду домашним, я позволяю.

– О, ваше величество, вы так добры... Но я кое-чего не поняла, –

сказала я.

– Чего же?

– Вы все так замечательно объяснили, но... Один-единственный мой вопрос остался без ответа!

– Ну, какой? – нахмурился Дар-Аррон.

– Кто и за что наказал Идду?

– Не возьму в толк, о чем ты говоришь.

– У нее шрамы на спине, прикажите показать, если не верите! Это вы приказали выпороть ее за... за дерзость и за то, что смущала умы остальных участниц Испытания?

– Выпороть?.. – выговорил Дар-Аррен с таким выражением, будто увидел в бокале живую жабу. – Идда? О чем толкует эта девушка? Ты, случайно, не занималась самоистязанием, чтобы выдать его следы за следы пыток в моих застенках?

– Вовсе нет, – ответила она и взглянула на меня как на пустое место. – Прикажете раздеться, ваше величество?

– Конечно, – ответил он. – Я ведь должен убедиться в том, что вы обе не лжете.

Глава 22

Идда, по-прежнему не глядя в мою сторону, словно меня и не было вовсе, поднялась на ноги, повернулась к его величеству спиной и спустила с плеч платье, точно так же, как сделала это передо мной. И так же, как я в свое время, король лишился дара речи. Он встал, подошел ближе и протянул руку, словно хотел коснуться спины принцессы и удостовериться, что ему не чудится, что рубцы не нарисованы на белой коже, но не осмелился. Или, вернее сказать, отдернулся, словно эти багровые полосы были из раскаленного металла и обожгли ему пальцы.

«Опять фантазируешь не вовремя!» – разозлилась я на себя.

– Вижу, вы обе сказали правду, – негромко произнес Дар-Аррон, сев в кресло. Мне почудилось, будто бокал немного подрагивает в его руке. – Можешь одеться, Идда.

– Благодарю, – церемонно ответила она, неторопливо поправила платье и тоже села на свое место. – Что скажете теперь, ваше величество? Признаюсь, я не желала лишний раз вспоминать об этом... унижении, но раз уж речь зашла о нем, может быть, соизволите объяснить, что сподвигло вас отдать подобный приказ своим приспешникам?

– Скажу лишь одно, – после долгой паузы ответил король. – Я не отдавал этого приказа.

Я видела, как ходят желваки у него на скулах, и подумала: может быть, Идда ошиблась? И Дар-Аррон намерен выбрать в жены именно ее? Ведь он давно ее знает, да еще Испытание подтвердило, что она подходит... Только он если не знал наверняка, то догадывался, что Идда хочет его убить. Как все это уживалось в одном человеке? Впрочем... бывают же такие союзы, в которых люди и ненавидят друг друга, и расстаться не могут, потому что с кем-то другим им не жизнь! Не удивлюсь, если окажется, что Дар-Аррон давно уже считал Идду своей... пускай не супругой, просто – своей. И каково ему было узнать, что кто-то содрал с нее платье и изуродовал? Она ведь не сказала, только ли этим обошлось дело, и вообразить он мог что угодно...

– Кто же тогда распоряжается в замке как в собственном доме? – негромко спросила Идда, будто продолжая мои мысли. – Кто посмел надругаться надо мной?

Уверена, она нарочно выбрала это слово!

Тонкостенный бокал лопнул в руке Дар-Аррона – по пальцам потекло

вино, смешанное с кровью.

– Отчего вы так встревожились, ваше величество? – с усмешкой продолжила Идда. – Я ведь всего лишь одна из многих претенденток на вашу руку и сердце... и корону. К чему такие переживания?

– Я не отдавал этого приказа, – повторил Дар-Аррон, машинально вытирая руку носовым платком.

Он смотрел только на Идду, будто я исчезла, растворилась в тенях... Или так оно и было? Может, Тень поспособствовала, и я скрылась с глаз долой? Жаль, сбежать не могу!

«Идда же любит его, – подумала я вдруг. – Только даже себе в этом признаться не посмеет: у нее ведь этот проклятый заговор, семейный долг и месть многовековой выдержки!»

Месть за то, о чем она и не знает толком, за то, что случилось сотни лет назад!

Может, дядюшка Аллор снова оказался ни в чем не виновен, а все просто сложилось именно так, как сложилось? Ивенна могла скончаться мгновенно, и никакой чародей не успел бы помочь, даже если был рядом. Матушка говорила, с ее дальней родственницей случилось подобное – просто упала и умерла на месте, вроде бы жила лопнула. И ничто не предвещало, несчастная лишь жаловалась на головные боли день-другой, но списала это на дурную погоду.

И вот Грифон, чтобы развеять тоску, отправился на охоту и не совладал с очередной тварью. И не помог ему разрыв помолвки, история упрямо вошла в прежнюю колею...

А Дар-Аррон? Он старше Идды на семь лет, значит, помнит ее еще глупым ребенком, которого так забавно подучить бросить лягушку в супницу (кто же поверит, что она не сама додумалась, а послушалась тогда еще принца!), потом – подростком... Он, уже взрослый, вряд ли обращал внимание на Идду в ту пору, а вот когда она начала выезжать и по-настоящему расцвела... О чем он думал в те минуты? Удивлялся? Пытался снова завоевать ее расположение? Получал отказы и злился, потому что отказывать наследному принцу не каждая осмелится?

Наверно, я снова выдумывала, и он тоже помнил лишь об обещанной Врагу плате... Но вдруг это проявляется не сразу? Не может человек постоянно быть одержимым, так сказал Инна-Ро! А когда подошло время Испытания, менять что-либо было уже поздно, отказаться от сделки нельзя, верно?

Даже если Дар-Аррон сейчас выберет Идду и возьмет ее в жены, счастья им не видать. Он – потому, что будет помнить ее настоящей, живой,

коварной и язвительной, смелой и дерзкой, а вовсе не послушной куклой. А она – потому, что позабудет обо всем, и только станет недоумевать, чего хочет от нее брат, на что намекает раз за разом? В семье ее сочтут предательницей, отказавшейся от мести ради короны, и отвернутся от нее, супруг скоро остынет к ней... Может быть, Идда проживет долгую жизнь, увидит внуков и правнуков, но разве это все, о чем она мечтала, к чему стремилась?..

И даже если Дар-Аррон из нас двоих вдруг предпочтет меня, все равно прежней Идда уже не будет. Выбирай не выбирай – итог один...

– ...Значит, ваши люди действуют сами по себе, вы это хотите сказать? – донесся до меня голос Идды, и я очнулась от раздумий. Нашла время помечтать, ничего не скажешь!

– Чем мне поклясться, чтобы вы поверили?

– У вас нет ничего такого, что могло бы выдержать подобную клятву, ваше величество!

– Неужели?

– На честь вашу я положиться не отважусь – того и гляди, рассыплется с треском, – непримиримо отвечала Идда, – а предки ваши, несомненно, стерпят, если потомок решит прикрыть их именами свои неблагоприятные деяния.

– Что, и жизнь моя ничего не стоит? – негромко спросил Дар-Аррон, и я вздрогнула, потому что голову мне снова обожгло холодом. Все-таки это подвеска... Не колдовская, да?

Тень похлопала меня лапкой по щеке, – не отвлекайся, мол! – и я попыталась сосредоточиться.

– Ни-че-го, – отдельно произнесла Идда, глядя на Дар-Аррона в упор.

Говорят, только кошки могут смотреть на королей, не знаю даже, откуда взялось это присловье. Так вот, принцесса сейчас как никогда напоминала разъяренную кошку, только что хвост по бокам не хлестал...

«Я уже думала так, – вспомнила я, – о Грифоне. Но чему удивляться – кровь-то одна и та же, пускай и разбавленная!»

– Как я могу принять в залог вашего слова то, что уже заложено и перезаложено? – добавила она.

– Я не понимаю, о чем вы!

– Вы прекрасно все понимаете, сударь! Или желаете сказать, вам неизвестно, что именно творится в замке Старой Птицы? В бывшем королевском замке, если угодно?

«Это не замок, это флигель», – хотела я сказать, но удержалась. Не хватало еще мне встравать в их ссору!

– Здесь проходит Королевское Испытание, – уже спокойнее ответил Дар-Аррон. – Старинная, отжившая свой век традиция. Я не стал бы заниматься подобной ерундой и держать девушек в этом склепе столько времени, а лучше созвал бы их на бал, но... Предки завещали! Еще и знамение, как нарочно... Что этой звезде стоило явиться при моем отце? Нет же, повезло именно мне!

– Она появляется только раз в сто тринадцать лет, – не смогла я сдержаться. – Наверно, ваш дедушка тоже проводил Испытание... а повезло как раз вашему отцу, что при нем этого не случилось.

– Ты... – Он словно только что вспомнил о моем существовании. – Откуда это тебе известно?

– У нас с кузинами были хорошие учителя, – ответила я. – Гаррат, конечно, изрядная глушь по столичным меркам, но это и к лучшему: там попросту нечем заниматься. Оставалось только учиться.

– Да-да, сестра моей бабушки участвовала в том Испытании, так что Тесса не ошиблась, – сказала вдруг Идда. – Неужели дедушка ничего не рассказывал вам об этом?

– Вы лучше моего знаете, милая Идда, что он очень рано умер, я застал его уже полубезумной развалиной! – неожиданно резко произнес Дар-Аррон, а принцесса наконец-то посмотрела на меня.

Я, правда, не слишком поняла, что именно она пытается выразить взглядом. Толковать его можно было двояко: или на дедушку Дар-Аррона покушались во время Испытания, но он выжил (но куда, в таком случае, подевался Враг, занял подходящего родственника, что ли?), либо его недуг стал следствием проведения этого древнего ритуала... И чем это могло нам помочь?

– И бабушка тоже молчала? – спросила она.

– Представьте себе. О чем ей было рассказывать, если она не принимала участия в Испытании? Зачем, если они с дедушкой были сговорены едва ли не с рождения? – Дар-Аррон внезапно взъерошил волосы точно таким жестом, каким делал это Грифон. – Знала бы ты, как мне опротивели эти замшелые, нелепые, бессмысленные обычаи!

– О, я знаю, – с непонятной улыбкой ответила Идда. – Почему же не отменить их раз и навсегда? Заменить Испытание балами, о которых вы говорили? Там у девушек, по меньшей мере, будет немалый шанс найти достойных супругов, и они не потратят время на прозябание в этой каменной громадине... небезопасное, к слову сказать! Не говоря уж о странных наказаниях, сами задания вполне способны кого-нибудь убить!

– Нет, это невозможно, – отозвался Дар-Аррон. Бокал на его столике

вновь оказался целым. Волшебство? Или иллюзия? – Никто не умрет и не покалечится в замке Старой Птицы, это закон. Вы обе могли в этом убедиться.

Я кивнула, но Идда не сдалась.

– Неужели? – выговорила она. – А как же я?!

Воцарилось молчание.

– Говорят, – Дар-Аррон отпил из бокала и взглянул на нас, – Старая Птица сама воздаст по заслугам прогневившим ее. Это древняя легенда, милая Идда, настолько древняя, что вряд ли даже ты, не говоря уж о маленькой гарратской птичке, слышала ее.

– Я не понимаю...

– Я тоже. Но другого объяснения нет: я никогда не отдал бы подобного приказа, и ты прекрасно это понимаешь. Самое большее, что я могу поделаться в этом треклятом каменном ящике, – велеть запереть слишком любопытных девиц от греха подальше, а потом вывести их потайным ходом, подправить им память и отослать домой.

– Это был очень странный потайной ход! – вырвалось у меня.

– Неужели? – сощурился Дар-Аррон. – Впрочем, могу представить, как ты напугалась, а от страха что только не почудится. Прими мои извинения... Я бы заставил Танна и Деба вымаливать прощение у твоих ног, да вот беда – их нигде не могут отыскать. Ты права, Гара-Тесса, это был чрезвычайно странный потайной ход... как и многое другое в этом замке.

– Например? – тут же спросила Идда.

– Твои раны, – сказал он. – Они не от кнута, не от ремня и не от палки.

– Что же это, по-вашему?

– Следы когтей. Очень острых когтей, если ты понимаешь, о чем я.

Поверь, я все-таки охотник...

– Не понимаю! Извольте объясниться, сударь!

– По-моему, тебя пометила сама Старая Птица, – без улыбки ответил Дар-Аррон. – И твое счастье, что она лишь оцарапала тебе спину, а не вырвала позвоночник!

Идда замерла с приоткрытым от изумления ртом.

«Как это может быть? – лихорадочно думала я. – А главное – за что?!»

Идда решила, будто ее наказали за то, что она сговорилась со мной. Но что-то не сходилось... Почему со мной ничего не случилось, раз я согласилась участвовать в ее заговоре? Может, дело в том, что они с Дар-Арроном одной крови, и ей поднимать на него руку нельзя? Нет, нет, что за ерунда...

«А может, дело в цели заговора? – пришло мне в голову. – Мести Карадинов почти пятьсот лет. Если и Ивенна, и Грифон действительно умерли своей смертью, то мстить, в сущности, не за что... Даже наоборот – бастарда не удалили от двора, возвысили, и до сих пор род Карадин процветает!»

Корона. Все дело в короне, поняла я. Если бы Идда и впрямь верила в месть, то, уверена, Старая Птица не тронула бы ее. Вряд ли стала бы помогать, но и не наказала. Хотя это не наказание было, а предостережение... к которому Идда не прислушалась именно потому, что далекие предки мало заботили ее – она хотела стать принцессой при другом короле. Или королевой, пусть и ненадолго. А поскольку сама опасалась дрогнуть в решающий момент – все-таки Дар-Аррон ей не чужой, – привлекла меня, а я и рада была слушать, развесив уши... А может, и не я одна. Не удивлюсь, если и у Каса-Онны имелся какой-нибудь осколок металла и подходящая легенда от Идды!

Почему же Старая Птица не остановила Идду окончательно? Не захотела убивать собственного птенца? Не хватило сил, так же как не хватало на то, чтобы избавиться от Врага, засевшего в Даррахейнах?

«Ты станешь ее оруженосцем», – вспомнила я слова Инна-Ро и вздрогнула. Я бы с радостью подала меч Старой Птице, вот только ее рядом не было. Никого не было, ни Грифона, лучшего бойца Карада, ни мудрого Инна-Ро, лишь я одна с нелепым детским перочинным ножичком, да еще верная Тень... Что ж, не так мало, если рассудить. В сказках герои побеждали с меньшим...

Только мы не в сказке.

– Неужели вы верите в Старую Птицу? – вызывающе спросила Идда и получила ответ:

– Очень трудно не верить в нее, когда заброшенный замок пробуждается на твоих глазах, живет собственной жизнью, не впуская посторонних, а отбор кандидатур происходит без чьего бы то ни было участия.

– Значит, слуги... – вспомнила я свою мысль насчет Ины.

– Все они, за исключением ваших кавалеров, здешние, – кивнул Дар-Аррон. Он хмурился, будто что-то причиняло ему боль. – Я даже не знаю, люди ли они.

– Вы так спокойно говорите об этом...

– В прежние времена случались вещи намного более странные и удивительные, Гара-Тесса, – улыбнулся он. – И редкие капризы старинного замка – ничто по сравнению с ними.

Лицо его вдруг исказилось, и Идда невольно воскликнула:

– Сударь, что с вами?!

– Ровным счетом ничего, – выговорил он, прикрыл лицо ладонями, затем опустил их и снова улыбнулся, только...

Не могу подобрать слов: улыбка эта казалась приклеенной к уже знакомому лицу его величества. И глаза... У него были карие глаза, не такие светлые, как у Идды и тем более Грифона, но я успела их рассмотреть! Теперь они сделались черными, и дело было вовсе не в расширившемся зрачке: даже белков не было видно, словно Дар-Аррон зачем-то капнул в глаза чернилами, и они растеклись, заняв всю свободную поверхность. Казалось, еще немного, и по щекам его поползут черные слезы, но этого не случилось.

– Мы говорили достаточно и все прояснили, – проговорил он ровным тоном, так не похожим на прежний. – Милая Идда, полагаю, ты все поняла. Надеюсь, ты в отчаянии.

– Что?.. – выдохнула та.

– Даже Старая Птица не одобрила твоей попытки убить меня. Смирись. Хотя, – Дар-Аррон, вернее тот, кто занял его место, едва заметно усмехнулся, – лучше не нужно. Нет ничего приятнее разбитых надежд. Отчаяния. Горечи разочарования. Ты ведь понимаешь, верно?

– Да, я понимаю, – Идда поднялась на ноги и гордо выпрямила спину, хотя казалось, дальше уже некуда. – Все было напрасно, это вы имеете в виду? Вы ошибаетесь.

– Неужели?

– Ошибаетесь, – повторила она, вздернув голову. Ноздри ее раздувались, глаза горели, и в окружающем нас полумраке мне почудилось, будто от принцессы исходит сияние. – Пускай я потерпела неудачу... У рода Карадин много дочерей. Рано или поздно блуждающая звезда вновь взойдет над горизонтом, будет объявлено Испытание, и...

– И если к тому моменту бедная Старая Птица не испустит дух, очередная наивная девочка попытается сразить Врага, – заключил он. – Вот только что вы дадите ей, что припрятано у вас, кроме обломка кинжала? Заточенные пластины доспехов несчастного Раннара, кусочки проволоки от его изорванной кольчуги?

– О ком вы?..

– Бедный молодой король, – проговорил Враг устами Дар-Аррона. – Вы даже имени его не помните, славные наследники! Раннар из Карада вовсе не был безумным, в этом ты не ошиблась, милая Идда... Но, увы, – он родился слишком поздно. Ему не удалось повторить подвиг Старой

Птицы и спасти свое солнце, и чистый огонь его сердца навеки угас в недрах этого замка... Так глупо, так бессмысленно и бесполезно! Право, мне жаль вспоминать об этом... И тем не менее, – перебил он сам себя, – не следует мешкать. Он уже идет, а сражаться, не подкрепившись, я не люблю.

«О чем он? – в ужасе подумала я. – Неужели это Враг заманил Грифона в ловушку? Но как?»

И тут же мне вспомнились собственные слова: «Что, если богиня слишком глубоко воткнула иглу и нанизала на нее разом прошлое и настоящее?» Я побывала в прошлом и вернулась назад, так почему Враг не мог сделать того же, обнаружив лазейку? Ему-то это всяко проще, чем человеку!

А нашел ее он, скорее всего, благодаря мне. Не встретить я Грифона тем вечером в коридоре, ничего бы не...

«Он мог умереть уже тогда, – возразила я себе. – Скорее всего, так и вышло бы, если бы не твой дурацкий шарф. Ты в первый раз вмешалась, и сразу же все пошло кувырком!»

Сколько еще раз Враг подправлял ход событий, чтобы оставить будущее... то есть мое настоящее неизменным? Пес с ними, с мелочами, но главное – Раннар погиб, не оставив наследников, а трон занял сын Аллора, – измениться не могло, иначе... А что – иначе? Никто не стал бы ублажать Врага при помощи этого вот искаженного Испытания? Неужели он не нашел бы другой кормушки?

Выходит, он просто думал, что если изменится прошлое, то ему и впрямь не найдется столь же сытного места в будущем? Одно дело – веками собирать крохи подаяния по сотням и тысячам людей, а совсем другое – иметь возможность попить за богатым столом, пускай и не каждый день!

Но тогда выходит, что боялся... меня? Юной девушки из лесного Гаррата, не самой умной, боязливой, чересчур мечтательной, но в целом – совершенно обыкновенной...

«Ты не обыкновенная, – всплыли в памяти слова Грифона, сказанные той ночью. – Ты солнцем отмечена. Да что я несу! Ты и есть...»

И все стало на свои места. Слова Врага обрели смысл, и я поняла, кажется, что чувствовала Старая Птица... Правда, я по сравнению с ней была еще очень юной, едва оперившимся птенцом, не научившимся толком летать... Но если больше некому, если нет больше взрослых и даже стариков, только такие же птенцы, что остается делать?

«А что случится с Гарратом? – мелькнула мысль. – С родителями, дедушкой, кузинами? Неужели они просто исчезнут? Или...»

Тень больно цапнула меня за ухо – не знала, что она способна на такое! – и я очнулась. Не время колебаться, пора решать. Я все еще могу вернуться домой и спокойно жить до старости, рассказывая всем желающим об Испытании... Что, собственно, я им расскажу? Ничего интересного, как двоюродная бабушка Идды. А еще, наверно, я разучусь мечтать. Если Враг забирает самое-самое важное, то, что составляет суть человека, я этого лишусь наверняка и даже не пойму, что именно потеряла... Родные, наверно, обрадуются тому, что я образумилась, но...

– С кого же начать? – перебил мои мысли голос Врага. Лицо Дар-Аррона сейчас напоминало маску марионетки: губы шевелились, рот открывался, но и только. А ведь у него была достаточно живая мимика, не настолько, как у Грифона, но все же!

Я покосилась на Идду. Она стояла, безвольно опустив руки и глядя прямо перед собой. Может, собиралась силами для отчаянного рывка? Но ее оружие еще нужно достать, если только она не перепрятала его за корсаж...

– Конечно же, вы должны выбрать Идду, ваше величество! – громко сказала я. – Она достойна вас и... Самое главное – она вас любит! По-настоящему, а не как все мы – воображаемый образ с портрета!

Клянусь, в непроницаемо-черных глазах что-то дрогнуло.

«Ну же! – подумала я, стараясь не сжимать кулаки. – Ведь ты той же крови, неужели не сможешь хотя бы немного сопротивляться Врагу?!»

– Ты уже раз предала Идду, поведав о ее намерении, а теперь намерена получить отсрочку, спрятавшись за ее спиной?

– О чем вы, ваше величество? – Я заморгала изо всех сил, совсем как Лисса, пойманная на краже варенья. – Я... Мне, конечно, тоже ужасно хотелось бы стать королевой, но ведь я понимаю, что семья наша недостаточно знатна, и... Вы ведь уже сказали, что отправите меня домой с подарками! Большого я и не желаю, клянусь!

– Глупая... – одними губами проговорила Идда. – *Этого ты не обманешь...*

– Только скажите, – продолжила я, отмахнувшись, – лишаться памяти – это не больно?

– Нет, ничуть, – покачал он головой.

– Хвала Вернувшемуся! Я ужасно боюсь боли, ваше величество, и...

– А смотреть, как причиняют боль другим, тебе не страшно? – усмехнулся он, жутко, криво. Так улыбалась старая кухарка, у которой случился удар, – она перестала владеть половиной тела, хотя и осталась в полном рассудке.

Я не успела спросить, что он имеет в виду: кошмарная тварь, вселившаяся в тело Дар-Аррона, вдруг метнулась вперед, обняла-обвила руками Идду, так, что та вскрикнула – еще бы, с ее-то израненной спиной! – и впилась поцелуем в ее рот.

Нет, нет, это был не поцелуй... Я видела, как Идда сперва забилась, потом запрокинула голову и обмякла, отдавшись на волю Врага.

Героиня из меня вышла еще та: сперва я едва не уронила ножичек, – Инна-Ро не мог дать мне что-нибудь поменьше! – потом замешкалась, чтобы выпутать из волос подвеску. Не знаю, почему, но мне показалось – я должна держать ее в руке. Но не вышло – шнурок запутался намертво, а резать его на ощупь я не рискнула, и без того потратила слишком много времени понапрасну!

Враг уже отшвырнул Идду, словно сломанную куклу, утер губы тыльной стороной кисти и двинулся ко мне.

Я даже не промахнулась – удар пришелся ему точно в протянутую руку, маленькое лезвие пронзило ладонь насквозь, но...

Ничего не произошло. Может быть, Инна-Ро ошибся, и Грифон резал пальцы вовсе не этим ножичком, а может, за столько лет кровь его выдохлась... Какая разница?

Враг стиснул меня в стальных объятиях, прижался губами к моим губам, и мне показалось, будто из меня вытягивают самое жизнь. Неопишемое, невообразимо мерзкое ощущение: словно мириады ледяных щупальцев шарили в самых дальних закоулках моего сознания, тех, которые я не показывала никому, даже близким и родным, перебирали и выбирали самое лучшее, самое... вкусное...

И тогда я укусила его за губу, изо всех сил. Отплатила за тот кляп...

Во рту сделалось солоно, Враг отпрянул с невнятным возгласом, а мне вспомнилось вдруг – я ведь однажды попробовала кровь Раннара. Нечаянно, всего лишь прикоснувшись окровавленными пальцами к губам, но... может быть, и этого довольно?

«И если у меня нет клинка, – всплыла вдруг в голове странная, какая-то не моя мысль, – я сама стану этим клинком... Огненным клинком, который под силу удержать только одному человеку. Но его рядом нет, а значит, я буду действовать своей волей!»

Что-то вспыхнуло над головой – я хотела рассмотреть, но Тень не дала, и правильно, было не до того...

Потом я помню только свет, ослепительный и до того жаркий, что я испугалась – как бы не пострадала Идда. И крик – нечеловеческий, жуткий, а потом грохот – долгий, раскатистый...

Глава 23

Я открыла глаза, только когда свет угас и откуда-то повеяло сквозняком. Оказалось, я сижу на полу – на том, что от него осталось, – закрывая голову руками. Тень пряталась у меня под мышкой, мелко дрожа.

Над головой сияло звездное небо. Вокруг высились обломки стен, в дальнем углу что-то шевелилось.

– Идда? – шепотом позвала я, и она повернула ко мне белое лицо с черными провалами глаз. Я уж было испугалась, что Враг переселился в новое тело, но нет...

– Что ты сделала?.. – сорванным голосом вскричала Идда. Темная масса у нее на коленях оказалась телом Дар-Аррона. – Что...

– Он живой?

– Я не... Не знаю! – Она разрыдалась, сухо, уже без слез, они закончились. – Но если ты убила Ари, я... Тебе не жить, не будь я Иддой Карадин!

«Как же ты непоследовательна», – могла я сказать, но промолчала. Сил говорить не было – все они ушли на сражение... которого я не помнила.

Я с трудом поднялась на ноги и побрела к выходу. Откуда я знала, где он? Не представляю. Не помню.

– И мне все равно, кто ты... или что ты такое! – раздался за спиной горький и яростный крик. – Хоть сама Старая Птица!

– Я не она, – ответила я и прислушалась. – Он еще поживет, Идда. Он сопротивлялся. Разум уцелел, а раны... Раны можно перевязать. Это главное.

«Да, именно это – главное!» – всплыло в голове, и я пошла дальше, переступая через обломки и перешагивая трещины. Почему-то мне казалось, будто за спиной волочатся невероятно тяжелые, каменные от усталости крылья. Опять воображение разыгралось, ничего с ним не поделаешь...

Не помню, как попала в потайной коридор. Наверно, Тень проводила: сама я заплутала бы на обрушившихся лестницах и не нашла дороги в обвалившихся коридорах.

Факелы погасли, но странное дело – светло было, как днем. Не сразу я поняла, в чем дело: это я горела, не сгорая, не чувствуя боли... Перепуганные тени не прятались, метались по стенам и потолку, бросались мне под ноги, хватали за руки и за подол, тянули за собой – вперед, скорее!

Я и так уже почти бежала и боялась только одного – не успеть...

За поворотом слышался чудовищный шум. Мне почудилось, будто я слышу лязг металла и воинственный рык, а еще там мелькнула огненная львиная грива...

Потом что-то с грохотом обрушилось, и наступила тишина.

– Грифон? – шепотом позвала я.

Почему не по имени? Не имею понятия...

Большая тень шагнула мне навстречу. Грифон пошатывался на ходу, но не выпускал оружия – меч в одной руке, кинжал, тот самый, в другой.

Он смотрел на меня не мигая и наконец произнес:

– Я успел...

Улыбка его выглядела совершенно дико на черном от усталости и запекшейся крови лице. Живом лице.

– Мы успели, – поправила я, протянула к нему руки и едва удержалась на ногах, когда он меня обнял или, вернее, схватился, чтобы не упасть. По-прежнему не выпуская оружия – рукоять меча больно впилась мне в спину...

– Я не пустил их к тебе...

Даже изорви я в клочья все, что было на мне надето, этого не хватило бы на повязки. Да и кроме того, я даже не представляла, как снять его доспехи, не срывать же голыми руками! Или когтями... Что там говорил Дар-Аррон об изорванной кольчуге? Может, в тот раз я не успела?

Неважно! Теперь я знала способ получше. Не только королевское прикосновение способно исцелить.

Еще оставалось немного сил, чтобы снова зажечь тот огонь, пред которым оказался бессилён Враг. Я знала – потомка Старой Птицы это пламя не обожжет, а лишь согреет, и оказалась права.

На этот раз свет не обжигал так яростно, он был жарким, но нежным... совсем как той ночью. И не хотелось размыкать объятия, даже когда ясно стало, что Грифон уже не опирается на меня всей своей немалой тяжестью, а твердо стоит на ногах, и в груди у него больше не хрипит и не клокочет, он дышит глубоко и свободно, а сердце не мчится вскачь, спотыкаясь через два шага на третий, а бьется сильно и ровно, как и должно быть.

– Все как на твоём рисунке, – сказал вдруг Грифон, когда свет почти угас. – Я увидел и тогда только понял. Я не очень-то догадливый.

Я отстранилась, чтобы взглянуть ему в лицо, и он пояснил:

– Старая Птица билась не за весь мир.

– Скажи еще, не за украденное солнце!

– За него. Вот только это было только ее солнце, – совершенно

серьезно ответил Грифон. – И никто не имел права его отбирать. А легенду придумали уже потом. Красиво ведь вышло, верно?

Я кивнула и сказала зачем-то:

– Ты меня обманул.

– В чем же?

– Подвеска...

– Я лишь не сказал всей правды. Она действительно принадлежала моей матери, – перебил он, – но была подарком отца. Так уж заведено. Это в нашем роду она хранится испокон веков. Говорят, досталась от Старой Птицы. Я решил отдать ее тебе.

– Я не об этом. Она все-таки колдовская.

– Нет, – уверенно сказал Грифон. – Ручаюсь, нет. Спроси Инна-Ро, если не веришь!

– Значит, дело во мне?

– Не знаю, что имеешь в виду ты, но уж я-то уверен – дело именно в тебе.

– А что же дальше? – тихо спросила я. – Что с нами станет?

«Легенды всегда заканчиваются вот на таких вот мгновениях, и даже если потом люди припишут «они жили долго и счастливо», разве это станет правдой?» – хотела я добавить, но не стала. Грифон и сам все понимал.

– Будет так, как ты захочешь, – тихо сказал он.

– Я не...

– Блуждающая звезда все еще в зените, и путь назад пока открыт. Ты изгнала Врага, и...

– И обрушила замок, – пробормотала я. – Надеюсь, никто не пострадал. Идда и Дар-Аррон живы, это точно, но остались ли они прежними?

– Одержимые обычно приходят в себя, а вот она... Не знаю, – Грифон покачал головой, и я невольно потянулась убрать у него со лба грязные мокрые волосы. – Но ты можешь проверить. Я буду ждать здесь. Пойти с тобой не могу.

– Ты же собирался, разве нет?

– Я шел за тобой, – без улыбки ответил он. – Но ты уже здесь, и мне нечего делать в твоём мире. Теперь тебе выбирать.

«Что, если мой мир теперь исчезнет? – могла бы я спросить. – Или Дар-Аррон не сумеет ничего вспомнить, и меня обвинят в покушении на его величество? Но это пустяки...»

Как я могу выбрать между родными и... и любовью, такой, о которой только в сказках читала? Какой выбор будет правильным? Кто скажет, не

разочаруюсь ли я в любом из них? Дома – если все обойдется! – я буду тосковать о несбывшемся, потому что от Грифона меня будут отделять почти полтысячи лет, а второго такого я никогда не встречу. А здесь – изведусь от мыслей о том, что случилось с кузинами, живы ли родители и братья, бабушка и кормилица (и тетушка, куда же без нее!), Идда и другие девушки, Дар-Аррон и все прочие... В легендах все было так просто! Герои будто никого и ничего не оставляли за спиной и смело шагали навстречу мечте, а я...

Я и по сию пору благодарна Грифону за то, что не пытался уговаривать меня, просто держал в надежных объятиях и молчал. Он ведь не Инна-Ро – тот мгновенно нашел бы тысячу и одну причину что в пользу одного моего решения, что другого, и я, заслушавшись сладкими речами, поверила бы, что выбрала сама...

– А где Инна-Ро? – спросила я невпопад. Вот только бы не разреветься!

– Был на другом краю, – ответил Грифон и сильнее сжал руки.

– Он...

– Должен быть жив. Этого старика убить куда сложнее, чем меня. Он ведь настоящий чародей.

– С кем же вы сражались?

Грифон помолчал, потом ответил:

– Не знаю, как, но Враг уговорил сумеречных тварей прийти к нему на помощь. Наверно, обещал хорошую драку и поживу. Им все равно, где заполучить это, тем более проход открыт... Если бы они прорвались туда, в твой мир, никто бы их не остановил. Ты сама говорила – чародеев осталось меньше, чем конюшенников. Даже вооруженные люди долго не продержатся. Ты видела, что они со мной сделали... а я не впервые сталкиваюсь с ними.

Я кивнула и поежилась. В тот, первый, раз его просто оцарапали, это я теперь понимала. Сегодня Грифон вышел не на охоту – на битву, и противников оказалось слишком много для него одного. Даже если Инна-Ро отвлек часть тварей, все равно...

«Петля времени разомкнулась, – пришло мне в голову. – Грифон жив, не истек кровью в подземельях. Дарракейны избавились от Врага... если они вообще существуют! И как понять, где теперь мое место? Есть ли оно вообще? Ведь если изменилось прошлое, а за ним и будущее, я тоже могу исчезнуть, вот сию же минуту!»

Правда, очень сложно исчезать, когда тебя так крепко держат... И это к лучшему: я ничего не успела понять, когда Грифон вдруг с силой

отшвырнул меня в сторону, что-то гулко грохнуло, так, что заложило уши, а глаза запорошило пылью.

– Цела? – Он подал мне руку, помогая встать, а потом помог Тени освободить третий хвост из-под обломка камня.

– Что это было?

– Потайной коридор рушится. – Грифон прислушался. – Прямо над нами кладка потрескивает. Нужно уходить, пока не угодили под обвал.

– Но...

– Время есть, – повторил он, – а разобрать завалы несложно. Я сам это сделаю, если ты захочешь.

Я не стала спорить: не заниматься же этим, когда тебе на голову валяются камни!

Снаружи было темно, звездно, удивительно тепло, а еще ошеломительно пахло ночным садом. Едва слышно журчал огромный фонтан, потрескивали в траве какие-то жучки, а мохнатые бабочки бесшумными тенями возникали из ниоткуда, касались бархатными крыльями лиц и растворялись во мраке.

Громкий плеск нарушил идиллию – это Грифон, не слишком-то думая о приличиях (о чем я вообще говорю!), окунул голову в чашу фонтана и как следует умылся. Теперь на него хотя бы можно было смотреть без страха, и пусть лицо оказалось исполосовано, я знала откуда-то, что скоро от этих шрамов не останется и следа.

– Тебе тоже не повредит, – сказал он, и я подошла ближе.

Круг света упал на воду, и рыбки, и без того перепуганные Грифоном, бросились врассыпную.

– Я что, так и буду теперь светиться до скончания дней своих? – спросила я с нервным смешком. Может, это все-таки подвеска?

– Свет всего заметнее во тьме, – ответил он. – Тьмы не станет – не увидишь света. Так ярчайшей красоты комета исчезает лучезарным днем...

– Ты...

– Я обучен стихосложению, если ты об этом, – сказал Грифон и все-таки улыбнулся, а я, кажется, поняла, о чем он хотел сказать.

Не случись Испытания, не угоди я в число участниц, я так и осталась бы скромной Тессой, первой дочерью Гаррата, который, конечно, не вовсе уж глушь, но все же и не столица. И история шла бы своим чередом, и...

– А что с Ивенной? – вспомнила я, как никогда к месту. – Ее нашли?

Грифон кивнул. Он как-то упомянул, что по его лицу даже Инна-Ро не всегда может угадать мысли, ну так это было чистой правдой!

– И она... – Я осеклась, вспомнив слова Дар-Аррона о принцессе-

скотнице.

– Я не могу сказать ей, что она – моя сестра, – произнес Грифон и улыбнулся светло и почему-то виновато. – Вот клянусь тебе, Тесса, не могу!

– Почему? Что с ней не так?

– Все с ней хорошо. Она милая девушка, добрая и мечтательная, и стихи у нее выходят получше моих, – ответил он. – Ивенна любит приемных родителей, а они ее, у нее своя жизнь... и нареченный уже есть, славный парень, не особенно знатный, как раз для нее. Для первой и единственной дочери Артана.

– Как она к ним попала? – шепотом спросила я.

– Артан осенью возвращался домой и увидел у дороги нищенку, мертвую. Он бы проехал мимо, если бы ребенок не заплакал. Он и привез девочку домой. У них с женой был сын, – добавил Грифон, – но погиб незадолго до того. Защищал наш дворец. Мою мать и братьев.

Я молчала.

– Разве я могу отобрать у них еще и дочь? – произнес он. – Они смирятся, конечно, но...

– Тебе принимать решение, – вернула я ему его слова.

– Я уже его принял. Ивенна из Артана останется дочерью своих родителей. Но я никогда не оставлю ее вниманием. Ее приемный отец давно заслужил хорошую должность, и... Ты понимаешь?

– Конечно, – сказала я, вспомнив рассказ Дар-Аррона. – Пускай с нею рядом будет хороший чародей. Просто на всякий случай.

Грифон промолчал. Тени на его лице делались все глубже и резче.

– Почему ее называли Ивенной? Откуда приемные родители могли знать?.. – спросила я, чтобы не молчать.

– В память о погибшей принцессе, конечно.

– Я могла бы и сама догадаться...

Право слово, не записка же была спрятана в пеленках Ивенны, не медальон с выгравированным гербом... Вспомнив о подвеске, я попыталась найти ее в перепутанных волосах, но у меня ничего не вышло.

– Довольно прихорашиваться, – сказал мне Грифон. – Я тебя и не такой видел.

– Тогда я была раздетой, но, по меньшей мере, чистой, – ответила я и взглянула на небо.

Блуждающая звезда сейчас находилась точно в центре Венца. Может, с помощью измерительных приборов удалось бы установить, что она отклонилась немного влево или вправо, но если смотреть невооруженным

глазом, это не заметно.

«Вижу яркую звезду, – вспомнила я присказку кормилицы, – по секрету ей скажу... У меня, звезда ночная, есть желание одно. Я тебе его открою, пусть исполнится оно...»

Мне показалось, что звезда дрогнула, но, может, виноваты были слезы. Всегда они выступают не вовремя!

– Тесса! – Грифон схватил меня за плечи. – Смотри!..

Звезда... падала?

– Загадывай желание, – шепнул он мне. – Такое бывает раз в тысячу лет!

Я смотрела, как звезда катится по темному небу все быстрее и быстрее, оставляя за собой светлую полосу – нить, которую упустила богиня-вышивальщица. Та, должно быть, выронила или даже сломала иглу, и теперь...

Звезда канула за горизонт, и только след ее остался на небе, а может, просто казалось: если долго смотреть на свечу, а потом отвести взгляд, перед ним останется яркий огонек.

– Не скажешь, что загадала? – тихо спросил Грифон.

– Тогда не сбудется, – ответила я. Думала, удастся солгать, но какое там... Он ничего еще не сказал, а я добавила: – Я не успела... Раннар, я не успела...

– Тогда тем более можно сказать.

О чем? Я просто хотела, чтобы все остались живы, и он, и я, и все мои родные, и... Но такое желание никакой звезде не под силу выполнить!

Что-то ослепительно сверкнуло, так, что я невольно уткнулась в грудь Грифона.

– Просто гроза, – сказал он и, наверно, прищурился на небо. – Сухая гроза. Они случаются иногда... Что с тобой?

– Ничего... просто испугалась, – шепотом ответила я.

Наверно, когда-нибудь я расскажу ему, что увидела в неестественной, бело-лиловой, длинной вспышке молнии, расколовшей не только ночное небо, но и будто саму реальность.

Там был Гаррат, почти такой, каким я его запомнила, но все же неуловимо отличавшийся. Кажется, лесов кругом было больше.

Матушка с тетушкой сидели за рукоделием и сплетничали, как же без этого, а Делла, разбиравшая нитки, только что не шевелила ушами от любопытства. Ей было, право, лет десять, вряд ли больше.

Братья упражнялись во дворе под руководством отца, а маленькая Лисса путалась у них под ногами, покуда ее не прогнали прочь, и тогда она

бросилась... к бабушке! Он заворчал было, но скоро остыл и дал Лиссе книжку с картинками. Думал, наверно, что она займется ею и оставит его в покое, но не тут-то было... Мне ли не помнить любознательность бабушки!

«Все правильно, – подумала я. – Если меня нет и никогда не было, то у бабушки не оказалось любимой внучки. Значит, он назначил ею Лиссу. Хорошо... И пусть только она посмеет не оправдать доверия!»

А как же кормилица?..

Ее я тоже увидела, но не в Гаррате, в деревне поблизости – она стирала на реке, привычно перебраниваясь с соседкой. Ее дочери – младшая, моя ровесница, я знала, умерла, а старшая выросла в людях, ведь мать служила в Гаррате, – помогали как могли. Девочки были совсем маленькими, но складывать белье в корзины и вдвоем отгаскивать их в сторону им сил хватало...

Мне показалось, будто я успела еще рассмотреть какую-то церемонию, невообразимо пышную, зал пылал тысячами огней, а уж как искрились драгоценности и блестело золото нарядов... Ярче всего сияли светлые волосы Идды, и, пусть я не рассмотрела ее спутника, мне почему-то думалось, что это Дар-Аррон. Может, не король, как и Идда – не принцесса, но разве это имеет какое-то значение?

Небо снова полоснула молния, а следом раздался оглушительный треск.

– Сердится богиня, – сказал позади знакомый старческий голос. – Иголку выронила, поди поищи. Теперь рвет рукоделие.

– Так может, это не она вышила, – выговорила я, – а домовые напортили. Они же любят пошутить.

– Тогда конечно, – согласился Инна-Ро и встал рядом, любуясь молниями. Верхний... или даже несколько кафтанов на нем были изорваны и запятнаны кровью, неизвестно, его или чужой, но старик не подавал вида, будто это его беспокоит. – Таковую вышивку непременно нужно распустить. И не повторять – никогда-никогда, во веки вечные. Новая будет лучше. Верно я говорю?

Мы не ответили.

– Вот так всегда, – посетовал Инна-Ро. – Как дорвутся до поцелуев – хоть трава не расти. А старый учитель мог бы, между прочим...

– Старый учитель мог бы отвернуться! – рявкнул Грифон так, что в ночном саду испуганно пискнула какая-то пичуга.

– А! Я забыл, что Тесса – девушка чрезвычайно стеснительная... – кивнул старик и действительно повернулся к нам спиной. Правда, не преминул добавить: – Раньше нужно было стесняться. А трактат, о котором

я не успел сказать, в моей комнате, над изголовьем. Думаю, найдешь, Раннар. Раннар?..

Мне никогда не доводилось прятаться от взрослых в мокрых от росы зарослях. А если подумать, что делала я это с самым настоящим королем и побег наш то и дело прерывался – никак не возможно было прекратить целоваться, – то, наверно...

Наверно, я все-таки попала в сказку.

«И пускай она закончится хорошо», – попросила я, увидев последнюю, едва заметную лиловую вспышку. Быть может, богиня – вышивальщица судеб услышит меня. А даже если и нет... пускай.

На гербе Карада грифон одной лапой сжимает меч, другой прижимает к сердцу солнце. Так было и так будет во веки веков, покуда живы потомки Старой Птицы и ее светила.